

ВЫСТУПЛЕНИЯ СОВЕТСКИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НА ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ (ИЮЛЬ — ОКТЯБРЬ)

РЕЧЬ В. М. МОЛОТОВА НА ПЕРВОМ ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

(31 июля)

Господин председатель, господа делегаты!

Позвольте мне от имени Советского Союза приветствовать Мирную конференцию и пожелать делегатам конференции успеха в их большой и ответственной работе. Советская делегация выражает особую признательность гостеприимному французскому правительству и дружественному народу Франции.

Настоящая конференция должна сыграть важную роль в деле установления мира и безопасности в Европе. Ей предстоит высказать своё мнение и дать свои рекомендации по проектам мирных договоров для Италии, Румынии, Болгарии, Венгрии и Финляндии. Можно сказать, что Парижская конференция должна выполнить задачу пяти мирных конференций, чем подчёркивается важность и сложность её работы. Дело идёт о пяти странах, которые вступили в войну как союзники Германии, как гитлеровские сателлиты, но которые в ходе войны порвали с Германией, свергли своих фашистских правителей и, как правило, активно выступили на стороне демократических стран в войне за победу над гитлеровской Германией. Мы все будем помнить о том ходе событий, как они развивались на наших глазах во время последней войны в Европе, и это поможет нам дать правильный ответ на вопрос об обеспечении справедливого, прочного и длительного мира на будущее.

Справедливость прежде всего требует, чтобы мы на деле считались с интересами стран, подвергшихся нападению и пострадавших в результате агрессии. Советский Союз, сам подвергшийся нападению с разных сторон и вынесший исключительно тяжёлое бремя нашествия фашистских орд Германии, а также Италии, Румынии, Венгрии и Финляндии, глубоко сочувствует всем народам, пострадавшим от агрессии. Советский Союз вновь приветствует с этой трибуны народы союзных стран, ведущих самоотверженную борьбу против наших общих врагов, и выражает своё непоколебимое стремление оказывать им поддержку в их справедливых требованиях по наказанию военных преступников, по возмещению причинённого

им ущерба, по установлению справедливого мира. Советский Союз не может иначе рассматривать свои обязанности перед союзниками.

Для нас должно быть ясно, что напавшие страны, выступившие в союзе с Германией, должны нести ответственность за преступления своих правящих кругов. Агрессия и вторжение в чужие страны не должны оставаться безнаказанными, если действительно стремиться предупредить новые агрессии и вторжения. Безнаказанность в таких случаях и отказ от защиты законных прав государств, пострадавших от агрессии, не имеют ничего общего с интересами справедливого и длительного мира и могут быть наруку только тем, кто готовит новые агрессии в своих хищных империалистических целях.

Советский Союз относится к тем странам, которые последовательно борются за установление прочного мира и безопасности народов. Этим определяется позиция Советского правительства в вопросах мирных договоров с бывшими сателлитами Германии. При этом СССР полностью считается с тем, что в результате демократических преобразований страны, находившиеся в союзе с гитлеровской Германией, встали в последний период войны на новый путь и в некоторых случаях оказали союзным государствам немалую помощь в борьбе за полную ликвидацию германского агрессора. Именно поэтому Советский Союз признаёт, что эти государства должны компенсировать причинённый ими ущерб не полностью, а только частично, в определённом, ограниченном размере. С другой стороны, Советский Союз отрицательно относится ко всяким попыткам навязать бывшим сателлитам Германии всякого рода внешнее вмешательство в их экономическую жизнь, отклоняя такие требования к этим странам и такое давление на эти народы, которые не совместимы с их государственным суверенитетом и национальным достоинством. В этом не трудно убедиться при ознакомлении с текстом соглашений о перемирии для Румынии, Болгарии, Венгрии и Финляндии, которые были полностью опубликованы сразу же после подписания. За истекшее время по инициативе Советского правительства был проведён ряд смягчений условий, установленных соглашениями о перемирии, что объясняется желанием облегчить этим странам переход к экономическому и общему национальному возрождению после войны. На этой основе должны быть построены также и мирные договоры с этими странами.

Не случайно, что бывшими сателлитами Германии оказались страны фашистского и полуфашистского типа. Италия Муссолини, как известно, была частью гитлеровской оси. Румыния и Болгария, Венгрия и Финляндия оказались в руках гитлеровских агентов, вовлекших эти государства в войну против демократических стран. Вторая мировая война была развязана фашизмом и закончилась только тогда, когда фашизм был сломлен и разбит. Мы теперь знаем, что фашизм и агрессия стали неразлучными в наше время. Ввиду этого понятно, что во всех мирных договорах, представленных конференции, особо говорится о необходимости предупредить возрождение фашизма и о необходимости закрепить демократические основы в государствах, бывших сателлитами Германии. В этом

отношении мирные договоры нашего времени существенно отличаются от мирных договоров после первой мировой войны, что вполне понятно. Понятно также, что в Декларации об освобождённой Европе, принятой на Крымской конференции руководителей трёх союзных держав — Великобритании, Соединённых Штатов Америки и Советского Союза, специально подчёркивалась необходимость «уничтожить последние следы нацизма и фашизма» и дать освобождённым народам возможность создать демократические учреждения по их собственному выбору. Нельзя обеспечить прочный мир и безопасность, если не уничтожить последние остатки фашизма, который разжёт вторую мировую войну. Если, однако, приходится всё ещё заниматься вопросом о фашистском режиме в Испании, то, должно быть, уже недалеко то время, когда демократические страны смогут помочь стонущему от режима Франко испанскому народу покончить с существованием этого опасного для дела мира пережитка, рождённого Гитлером и Муссолини. Во всяком случае интересы всех миролюбивых народов требуют, чтобы мы довели до конца борьбу с фашизмом, являющимся наиболее опасным агрессором в наше время.

Настоящей конференции представлены проекты пяти мирных договоров. Эти проекты подготовлены Советом министров иностранных дел в соответствии с известным специальным решением по этому вопросу. Как известно, Совет министров иностранных дел был создан на Берлинской конференции в прошлом году. Это решение было принято по инициативе Соединённых Штатов Америки. Со своей стороны Советское правительство с самого начала отнеслось положительно к этому предложению. При этом Советское правительство всегда признавало, что неуклонное и точное выполнение этого решения должно быть не просто формальной обязанностью соответствующих правительств, но и является решающей предпосылкой успеха работы этого Совета. Справедливо говорят, что большие государства не должны навязывать своей воли малым странам, но это справедливо и в том случае, когда тому или иному большому государству пытаются навязывать свою волю другие сильные государства. Пример Германии показывает, чем грозит безудержное империалистическое стремление к насилию над другими народами и к мировому господству. С другой стороны, демократические страны знают пути сотрудничества, которые привели к положительным результатам как во время войны, так и в последующий период. Совет министров иностранных дел создан как раз для того, чтобы решались вопросы не в порядке навязывания одним государством воли других государств, а в порядке выработки совместных решений и мероприятий. На примере выработки проектов мирных договоров мы имеем возможность убедиться, что Совет министров иностранных дел достиг определённых положительных результатов. Мы можем это сказать, хотя отнюдь не считаем, что в этих проектах в достаточно полной мере отражены справедливые чаяния союзных народов. Но вместе с тем нельзя игнорировать того факта, что теперь нередко делаются наскоки на решения Совета министров иностранных дел со стороны всякого рода реакционных

элементов, напичканных нелепыми антисоветскими предрассудками и строящих свои расчёты на срыве сотрудничества великих держав. Потугам этих господ наносится новый удар проектами мирных договоров, представленными на конференцию. Достаточно ознакомиться с теми предложениями, которые содержат проекты мирных договоров, чтобы убедиться в том, что подготовившие их демократические страны проделали здесь такую работу, которая в основе своей отвечает интересам больших и малых стран, стремящихся к укреплению всеобщего мира и безопасности народов.

Конференция будет иметь возможность широко обсудить все вопросы мирных договоров. На нашей конференции присутствуют равноправные делегации, представляющие 21 государство. Здесь каждый из нас имеет возможность свободно высказать своё мнение и выразить согласие или несогласие с той или иной частью любого мирного договора. Здесь обеспечено, что любое такое мнение будет выслушано с должным уважением и может оказать немалую помощь при окончательном рассмотрении проектов договоров. Здесь будет также выслушано мнение государств — бывших сателлитов Германии. Советская делегация не сомневается в том, что и к голосу этих государств мы все будем прислушиваться с должным вниманием. Как советский делегат, я тем более имею основание это сказать ввиду того, что Советский Союз установил дружественные отношения с этими странами с тех пор, как они порвали с вражеским лагерем, выступили против гитлеризма и встали на путь демократических преобразований и социальных реформ в интересах народных масс.

Всё это даёт нам основания надеяться на действительный успех работы конференции в интересах всех миролюбивых народов. *(Аплодисменты.)*

«Известия» № 180 (9096)
от 1 августа 1946 г.; см. также
В. М. Молотов, Вопросы внешней политики,
стр. 67—73.

ВЫСТУПЛЕНИЕ В. М. МОЛОТОВА НА ЗАСЕДАНИИ КОМИССИИ ПО ПРОЦЕДУРЕ ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ (5 августа)

Советская делегация считала нужным выслушать большую часть делегатов, прежде чем выступать со своими замечаниями. Выступивший здесь первым представителем Южно-Африканского Союза начал речь с того, что мы обсуждаем сейчас вопрос исключительной важности. Это заставило насторожиться советскую делегацию, чтобы лучше разобраться в мотивах такого рода заявлений.

Мы обсуждаем вопрос, как мы должны голосовать на конференции — простым большинством голосов или квалифицированным

большинством голосов в две трети. Тем самым мы обсуждаем вопрос о том, кто должен иметь право говорить от имени нашей конференции, принимать те или иные рекомендации.

При этом нас, разумеется, интересует, какой вес будут иметь эти рекомендации. Если рекомендации конференции будут приниматься большинством в две трети голосов, а не простым большинством голосов, ясно каждому, что эти рекомендации будут иметь большой вес. Ясно, что при принятии окончательных решений в Совете министров иностранных дел, как это предусмотрено Московским совещанием, большее значение будут иметь те рекомендации, которые будут приняты не простым большинством, а двумя третями голосов. Разве не понятно, что рекомендация, принятая 11 голосами против 10, имеет меньший вес, чем рекомендация, принятая 14 голосами против 7?

Затем возьмём международную практику. Мы можем взять такой пример. Мы знаем устав организации Объединённых наций. Там все решения, кроме процедуры, принимаются большинством в две трети голосов. Это не случайное решение. Это — решение, принятое с согласия 51 нации. Мы знаем опыт Сан-Францисской конференции, которая наиболее близка для нас как пример. Известно, что на Сан-Францисской конференции решения принимались большинством в две трети голосов, а не простым большинством. На Сан-Францисской конференции было также принято решение, что комиссии, которые рассматривают поправки к проекту четырёх держав, могут принимать эти поправки только двумя третями голосов, а не простым большинством. Таков пример Сан-Францисской конференции 51 нации. Почему бы и нам не придерживаться этого порядка голосования, давшего хорошие результаты?

Здесь внесена поправка Голландии, которая предлагает отклонить предложение Совета министров о принятии рекомендации двумя третями голосов делегатов конференции. Я уже высказывался против этого предложения. Но в ходе работы нашей комиссии внесена новая поправка со стороны британской делегации. Не нужно долго доказывать, чтобы показать, что эта поправка опрокидывает решение, которое принял Совет четырёх министров. При этом нетрудно убедиться, что британская поправка по существу не отличается от предложения Голландии, также имеющего целью опрокинуть, уничтожить предложение Совета четырёх министров. Посмотрите, что получается с поправкой британской делегации.

Три недели тому назад в Совете четырёх министров британский, американский, французский, советский делегаты признали необходимым посоветовать конференции принимать её рекомендации большинством в две трети голосов. Сегодня же британский представитель предлагает конференции принимать рекомендации как большинством в две трети голосов, так и простым большинством голосов. Но в этом и заключается поправка нидерландской делегации, которая пытается опрокинуть решение Совета четырёх министров.

Советская делегация считает поправку британской делегации неприемлемой потому, что она уничтожает решение, за которое мы голосовали в Совете четырёх министров, за которое голосовал бри-

танский делегат, так же как и трое других. Если он находит возможным в Совете четырёх министров высказываться за голосование на конференции большинством в две трети, а на самой конференции выступать с предложением голосовать простым большинством голосов, это его право. Его полномочий мы не можем ограничить или критиковать. Но мы можем констатировать здесь, что одно противоречит другому, что одно уничтожает другое, второе не вяжется с первым.

Господин Бирнс выступил сегодня с такой точкой зрения, что по вопросам процедуры американская делегация не связана тем голосованием, в котором она участвовала в Совете четырёх министров. Но если по вопросам процедуры та или иная делегация не связана сегодня своим прежним голосованием, почему завтра это не может послужить примером для какой-либо другой делегации, но уже не по процедурным вопросам? В конце концов, можно держаться сегодня одного мнения, а завтра притти к другому мнению. Это право каждой делегации. Но мы не можем пройти мимо такого факта, что одно противоречит другому, одно уничтожает другое. Противоречие между позицией в Совете четырёх министров и на конференции и здесь налицо. Таковы факты.

Сегодня правильно было указано на наличие в проектах мирных договоров целого списка несогласованных вопросов. Каждый из четырёх министров остался при своём мнении по этим вопросам. Каждый из них будет голосовать по этим вопросам так, как он найдет нужным. Ясно, что, когда дело идёт о новом вопросе, который не обсуждался в Совете министров и возбуждён здесь тем или иным делегатом, который не участвовал в Совете министров, у четырёх министров — свободные руки. Но по вопросам, по которым было согласовано то или иное мнение в Совете четырёх министров, я думаю, что существует какая-то моральная ответственность для участников согласованного предложения. Во всяком случае советская делегация смотрит на этот вопрос таким образом: если советский делегат голосовал в Совете четырёх министров за то или иное предложение, согласованное с другими тремя министрами, то советский делегат подаст свой голос за это предложение и на конференции, — так мы понимаем последовательность. Другая точка зрения может иметь любые другие качества, но во всяком случае её нельзя назвать последовательной.

Г-н Бирнс сегодня заявил, что он поддерживает предложение, высказанное канадским делегатом на конференции о желательности созыва Совета четырёх министров во время работы конференции. Это хорошо. Должен сказать, что советская делегация ещё 30 июля предложила американской делегации договориться о созыве Совета четырёх министров. Наше предложение было отклонено. Нам был дан ответ, что американская делегация считает, что после начала Мирной конференции Совет четырёх министров не должен собираться. Можно, однако, только удивляться одному обстоятельству: когда советская делегация сделала это предложение, то оно оказалось неприемлемым, а когда это же предложение сделала канадская делегация, оно оказалось приемлемым г-ну Бирнсу.

В чём же действительный смысл того вопроса, который мы обсуждаем в настоящее время?

Напомню заявление южно-африканского делегата, заявившего, что мы обсуждаем вопрос исключительной важности. Я готов согласиться с этим мнением. Вот почему мы должны помнить, что международное общественное мнение внимательно следит за тем, как мы обсуждаем этот вопрос, как мы подходим к рассмотрению этого вопроса, какие мы делаем предложения по данному вопросу и к чему мы стремимся, обсуждая этот вопрос.

Как в общественном мнении преломляется обсуждение вопроса о порядке голосования на нашей конференции? Я напомню высказывание французской социалистической газеты «Попюлер», которая писала:

«Как известно, Четвёрка предложила, чтобы решения принимались простым большинством по вопросам процедуры и большинством в две трети — по основным вопросам. Это последнее условие, естественно, ставит англо-саксов в невыгодное положение, так как со своими государствами-клиентами они составляют блок, насчитывающий 12 или 13 голосов. Если бы все решения должны были приниматься простым большинством голосов, Советскому Союзу почти всегда была бы обеспечена неудача».

Так в общественном мнении преломляется то, что мы обсуждаем сейчас, когда рассматриваем вопрос о том, принять ли принцип простого большинства или принцип двух третей голосов при голосовании на конференции. Я не буду доказывать, что газета совершенно точно считала голоса на конференции, но я не буду закрывать глаза и на то, что в этом высказывании имеется доля правды. И не случайно, что если почитать французскую печать, а также американскую, английскую или советскую печать, и, наконец, печать других стран, то аналогичных голосов, как в газете «Попюлер», вы найдёте довольно много.

В самом деле, если, как сказано в «Попюлер», у англо-саксонского блока имеется на этой конференции надёжных 12—13 голосов, тогда принятие принципа простого большинства в 11 голосов очень удобно для данной группы на конференции. Тогда эта группа может не трудиться, чтобы убеждать кого-нибудь в правильности своего мнения. Ей достаточно немного мобилизоваться, и 12 голосов как минимум сделают своё дело. Значит, у такой группы на конференции обеспечено проведение любого предложения, хотя бы оно было совершенно неприемлемо почти половине делегатов. Конечно, если имеешь даже 12 голосов, а не 13, а для голосования простым большинством нужно только 11 голосов, тогда зачем трудиться кого-то убеждать, зачем доказывать справедливость своего предложения, что то или иное предложение действительно обосновано.

Случилось, однако, так, что, когда Совет четырёх министров предложил, чтобы рекомендации конференции принимались не простым большинством, а большинством в две трети голосов, возникло осложнение. Для двух третей надо иметь 14 голосов, чтобы та или иная рекомендация была принята. Но как обеспечить 14 голосов, если имеешь только 12—13, не хватает одного или двух голо-

сов. Вот из-за этого-то одного голоса или, может быть, из-за двух голосов и возникает, как видно, столь много возражений против большинства в две трети голосов, которое рекомендовал Совет чётырём министров.

Южно-африканский делегат назвал вопрос, обсуждаемый нами, вопросом исключительной важности. Но в общественном мнении складывается мнение, что дело идёт об одном недосигающем голосе у группы, которую газета «Попюлер» называет англо-саксонским блоком, — у него имеется будто бы 12—13 голосов, а вот одного голоса нехватает, чтобы получилось две трети голосов. Как же можно согласиться на две трети голосов, если для этого одного голоса нехватает. Так складывается положение, если преследовать групповую политику, если не стремиться к тому, чтобы наши решения были по возможности единодушными. К этому приводит «игра на голосах». Так, видимо, понимает общественное мнение то положение, которое нашло своё откровенное выражение в газете «Попюлер», да и не только в газете «Попюлер». Для подавляющего количества людей, представляющих демократическое общественное мнение, будет непонятно и совершенно неприемлемо, если мы пойдём по этому пути.

Вместо недопустимой в демократическом мире «игры на голосах» давайте посмотрим на факты. Страны, наиболее пострадавшие от нападения Италии, Румынии, Венгрии, Болгарии и Финляндии, страны, в которые было произведено вторжение вражеских войск указанных государств, были следующие девять. Я их перечислю: три советских государства, представленные здесь, дальше — Франция, Чехословакия, Польша, Югославия, Греция, Эфиопия. Вот девять государств, на территорию которых было произведено вторжение войск одного из тех государств, для которых мы вырабатываем здесь мирные договоры. Вы понимаете, что может случиться, если здесь будут приниматься те или иные рекомендации простым большинством. Может оказаться, что эти девять стран, хотя они больше всего пострадали, хотя они больше всего вынесли на своих плечах, хотя они имеют право, чтобы их голоса на этой конференции были выслушаны особенно внимательно, они могут оказаться в меньшинстве. Их просто можно изолировать, если решить простым большинством голосов. Если будем голосовать 12 против 9 государств, то все эти государства, наиболее заинтересованные в данных мирных договорах, могут оказаться в меньшинстве, и всё же рекомендации будут приняты. Чего же будут стоить такие рекомендации в глазах мирового общественного мнения? А если голосование будет двумя третями голосов, то этого не может случиться. Мы должны согласиться с тем, что если мы даже примем предложение о голосовании простым большинством, то здесь может получиться такая «игра на голосах», которая не только не будет служить авторитету конференции, но которая может привести к весьма отрицательным политическим результатам. Вот почему, когда здесь говорят, что вопрос, который мы обсуждаем, имеет исключительно важное значение, то при этом надо иметь в виду не просто, как мы здесь проголосуем — в одной комбинации голосов или другой комбинации голосов, надо считаться с политическими последствиями этого.

Мирная конференция должна послужить интересам мира, а не чему-нибудь другому. Мы должны добиваться того, чтобы интересы мира, основанные на возможном в наше время укреплении единства между союзниками, по крайней мере теми, которые были союзниками в войне и которые честно хотят быть в одном демократическом лагере во время мира, чтобы именно интересы мира диктовали нам те или иные решения по важным вопросам, в частности по вопросу о принципе голосования на конференции.

Нечего скрывать, между нами имеются и разногласия. Американский делегат был прав, указав, что только несогласованных вопросов в мирных договорах осталось двадцать шесть. Значит, только для того, чтобы обсуждать несогласованные вопросы, у нас имеется немало работы. Будет немало и новых вопросов, которые придётся рассмотреть. Но посмотрите, что получается. Даже те решения, которые на Совете четырёх министров были согласованы, например, по вопросу о процедуре, опрокидываются некоторыми членами Совета четырёх министров. Даже те вопросы, по которым мы договорились и пришли после больших обсуждений к согласованным мнениям, и здесь дело обстоит не гладко, и эти-то решения некрепко стоят на ногах.

Некоторым из делегатов всё же кажется, что если рекомендации на конференции будут приниматься большинством в две трети, а не простым большинством, то на конференции не развернутся все возможные разногласия и у конференции будет мало противоречий с Советом четырёх министров. Но из этого можно сделать только один вывод — тогда надо поискать щель между четырьмя министерствами, постараться залезть в неё и расширить эту щель. К этому ведёт «игра на голосах». Хотим ли мы этого? Будем надеяться, что никто из нас в этом не заинтересован и никто из нас не хочет этого.

Нам следует помнить, что когда дело идёт о том, чтобы после тягчайшей войны содействовать не на словах, а своей работой делу мира, то мы должны быть в этом деле, насколько только возможно, единодушными. Мы обязаны думать, если хотим считаться с народами, от имени которых говорим, не об «игре на голосах» за счёт интересов мира, а о действительных интересах мира.

Есть, конечно, в настоящее время спекулянты на новой войне. Есть авантюристы, которые провозглашают своей целью подготовку третьей мировой войны. Да, есть такие жалкие, ничтожные люди. Это — выродки своей нации. Во всяком случае это — люди, оторванные от своего народа, не говоря уже о том, что их авантюристические стремления и болтовня о третьей мировой войне противоречат стремлениям всех миролюбивых народов. Вот почему, когда мы говорим здесь о том, как лучше организовать работу Мирной конференции, мы должны заботиться прежде всего об интересах мира, о том, чтобы наши решения и весь порядок нашей работы содействовали интересам мира и укреплению единства между нами. А всех этих спекулянтов на новой мировой войне надо поставить на своё место, к позорному столбу, и полностью изолировать их в глазах всего мира.

Ставя перед собой эти благородные цели, заботясь о длительном и прочном мире на основе укрепления единодушия среди демократических государств, советская делегация высказывается за то, чтобы мы пришли к выводу о необходимости такого порядка голосования на конференции, который будет соответствовать этим целям — целям укрепления единодушия на нашей конференции. При этом надо помнить, что «игра на голосах» может привести к игре интересами мира, чего мы не должны допустить.

Советская делегация внимательно выслушала те замечания, которые были высказаны, и полагает необходимым считаться с высказанными соображениями.

Ввиду этого советская делегация предлагает, чтобы к тому решению, которое было принято Советом министров, было сделано дополнение. Вот это дополнение:

«Если предложенная рекомендация не получит двух третей голосов, государства, голосовавшие за это предложение, могут передать его в Совет министров, в котором указанное предложение будет рассмотрено».

Это означает, что рекомендации от имени конференции должны приниматься двумя третями голосов, но те мнения, которые соберут меньше, чем две трети голосов, также должны быть выслушаны в Совете четырёх министров, как мнение соответствующих государств.

Было бы очень желательным, чтобы это предложение нас могло объединить. Это соответствовало бы интересам нашей конференции и соответствовало бы интересам укрепления мира.

«Известия» № 184 (9100)

от 6 августа 1946 г.; см. также

В. М. Молотов, Вопросы внешней политики,
стр. 74—84.

ОТВЕТ В. М. МОЛОТОВА НА РЕЧЬ г. БИРНСА О ПРОЦЕДУРЕ РАБОТЫ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ. ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ЗАСЕДАНИИ КОМИССИИ ПО ПРОЦЕДУРЕ ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ (6 августа)

1. КОНФЕРЕНЦИЯ И СОВЕТ ЧЕТЫРЁХ МИНИСТРОВ

Г-н Бирнс выступал в боевом и немного сердитом тоне. Я думаю, что лучшим ответом на выступление такого рода будет ссылка на факты. Мы тогда сможем изучить положение и судить о нём спокойно и объективно.

Г-н Бирнс говорил о том, что Советское правительство, начиная с Потсдама, всё время стремится к какому-то ограничению участия других стран в рассмотрении вопросов международного порядка. Отвечу фактами. Я напоминаю, что предложение о создании Совета министров иностранных дел, который является важным органом

международной работы, было внесено в Потсдаме американской делегацией. Состав Совета министров иностранных дел принят именно в том виде, как это было предложено г-ном Бирнсом, и никто не предлагал какого-либо расширения этого органа за всё это время, что мне представляется вполне понятным. Но говорят, что Советский Союз выступал за чрезмерное ограничение количества участников Мирной конференции. Действительно, по этому вопросу внесли такое предложение, которое определяло более точно состав участников конференции. Мы довольно легко договорились о том, чтобы на настоящей конференции было представлено 21 государство. Мировое общественное мнение также встретило данное решение одобрительно. Чего же, собственно, хочет г-н Бирнс, когда он пытается упрекать советскую делегацию в слишком суженном составе Мирной конференции? Действительно, предлагался и более широкий состав Мирной конференции из представителей чуть ли не всех государств, которые объявили войну. Тогда пришлось бы дополнить список 21 государства такими государствами, объявившими когда-то состояние войны с Италией, как Гаити, Гватемала, Коста-Рика, Куба, Никарагуа, Гондурас, Доминиканская республика, Панама, Сальвадор, Филиппины. Я перечислил 10 стран. Есть и ещё некоторые страны из этой группы. Конечно, было бы больше участников конференции, если были бы добавлены представители хотя бы этих 10 государств. Тогда, может быть, согласились бы и на две трети и даже на три четверти при утверждении порядка голосования. Но я должен признать, что советская делегация никогда не считала такого рода предложение о расширении состава данной конференции идеальным. Кстати сказать, на данной конференции никто не выразил сожаления насчёт количества её участников.

Другой вопрос — о созыве заседаний Совета министров иностранных дел во время конференции. Каковы факты? Советская делегация предлагала созыв Совета министров иностранных дел в том числе и для того, чтобы обменяться мнениями по вопросу о выборе председателя нашей комиссии. Что тут такого, что мешало бы работе конференции или нашей комиссии?

Говорят, что советская делегация настаивала на Совете четырёх министров на том, чтобы были предварительно обсуждены основные вопросы процедуры. Действительно, это было так, и с этим согласились другие три министра. Были выработаны некоторые правила процедуры, которые представлены на ваше рассмотрение. И даже по выработанным правилам процедуры мы уже вторую неделю всё говорим и говорим и не можем добраться до основных вопросов конференции. А если бы эти правила совсем не были выработаны? Тогда нам потребовалось бы гораздо больше времени для обсуждения правил процедуры. Можно ли говорить, что правила процедуры Совета четырёх министров есть какой-то диктат, как здесь говорилось? Конечно, нет. Это — нормальный порядок работы и международного сотрудничества. Когда нами предлагался созыв Совета четырёх министров во время конференции, мы считали и считаем это предложение обоснованным и полезным и для конференции и для тех министров, которые подготовили эту конференцию. Если

наше предложение обсудить те или другие вопросы конференции было неприемлемо для американской или какой-либо другой делегации, то они могли предложить создать Совет четырёх министров для каких-нибудь других вопросов конференции, но этого не было сделано. Потребовалось выступление г-на Кинга на конференции, чтобы напомнить, что существует Совет министров иностранных дел, что он не лишён права собираться и не лишён права обмениваться мнениями по тем или иным вопросам конференции. Я повторяю, что я думаю, что полезно Совету министров заседать во время конференции.

2. ВОПРОС О ПРОЦЕДУРЕ И ФАКТЫ

Г-н Бирнс говорит дальше о том, что правила процедуры были приняты на Совете четырёх министров с некоторыми оговорками со стороны отдельных министров. Но всё же, господа делегаты, вы получили проекты правил процедуры ещё перед началом работы конференции. Вы, таким образом, имели дело с определёнными предложениями Совета четырёх министров. Я констатирую, что единогласие четырёх министров по вопросам процедуры продолжалось до начала конференции. Как только начались прения на комиссии конференции, вспомнили различные оговорки, которые делались на предварительной стадии обсуждения. Факты остаются фактами: предложение о процедуре было внесено четырьмя министрами как единодушное предложение, а на конференции вышло так — кто в лес, кто по дрова. Только советская и французская делегации продолжали отстаивать согласованное предложение о процедуре. Что же касается американского и британского делегатов, то они вспомнили оговорки, которые они делали до принятия процедуры. Получается что-то вроде двойственного положения: они согласились с предложением о процедуре и тем не менее считают своим правом говорить против этой процедуры. Я отказываюсь говорить о том, последовательно это или нет. Сами судите по фактам.

Говорят о том, что советская делегация сама сделала поправку к правилам процедуры по вопросам голосования. Действительно, после того как британская и американская делегации внесли свои поправки к правилам голосования, только после этого мы внесли предложение, но оно относится к таким вещам, которые сами собой разумеются и отнюдь не ломают согласованных решений. Но если есть возражения против этого, то мы никому его не навязываем и готовы рассмотреть и договориться о том, как лучше это сделать. Во всяком случае цель нашего предложения отнюдь не заключается в том, чтобы опрокидывать принятые совместные решения. Цель советской делегации заключается в том, чтобы не допускать уничтожения принятых совместных решений. Поэтому никаких поправок к вопросу о рекомендациях мы не делаем, то-есть по тому вопросу, по которому есть согласованное мнение между четырьмя министрами. Когда же нам говорят, что на конференции возникают и новые вопросы или такие поправки, которые ранее не обсуждались и по которым тем самым четыре министра не связаны предварительным решением, то мы согласны с необходимостью их обсужде-

ния в обычном порядке. Г-н Бирнс заявил на Совете четырёх министров, что он намерен внести предложение, чтобы представители прессы имели широкий доступ на конференцию и в её комиссии. Совет четырёх министров не стал записывать какое-либо своё мнение по этому вопросу, главным образом ввиду ясности вопроса. Когда г-н Бирнс сделал здесь это предложение, мы все его поддержали, и этот вопрос решился очень просто. В этом и в других вопросах, по которым на конференции не было внесено каких-либо предложений, заранее согласованных между четырьмя министрами, министры не связаны в своих предложениях.

Советская делегация самым внимательным образом прислушивается к мнению всех делегатов на конференции. Всё, что полезно для улучшения работы конференции и не противоречит согласованным решениям, советская делегация готова внимательно обсудить, только бы это соответствовало целям конференции и интересам дела мира.

Когда г-н Эватт здесь говорил о том, что надо откровенно заявить, что если будет принято правило голосования двумя третями, то тогда нельзя будет принять чего-либо, с чем не согласен Советский Союз, можно поблагодарить г-на Эватта за откровенность. Заявление г-на Эватта, правда, мне представляется необоснованным. Но если кто-либо хочет проводить некоторые решения против Советского Союза и ищет себе способ, как облегчить себе осуществление этой задачи, то мы, конечно, не можем быть помощниками в этом отношении. Мы думаем, что из этого ничего хорошего не выйдет. Было бы правильное открыто ставить свои вопросы, убеждать в правильности своих предложений и постараться убедить по возможности всех делегатов, а не ту или иную более близкую группу. Мы этого метода придерживались до сих пор и будем придерживаться дальше.

Я не буду останавливаться на всех деталях выступления г-на Бирнса, но я должен сказать, что советская делегация не первый раз находится в таком положении: вчера мы приняли согласованное с другими правительствами решение, а сегодня нам чуть ли не одним приходится защищать это решение. Мы имеем таких фактов немало. Мы не скрываем ни от кого, что мы стремимся обеспечить интересы согласованной работы между правительствами, которые принимают те или иные согласованные решения. Это отнюдь не только наш интерес, не только интерес СССР. Мы думаем, что в этом заинтересованы также другие правительства, которые участвовали в принятии согласованных решений. Более того, мы полагаем, что в согласованности между большими державами заинтересованы представители всех 21 государств, присутствующих здесь, а также другие государства, стремящиеся к прочному и длительному миру. Только тогда мы извлечём должные уроки из войны, через которую мы только что прошли, и полезные уроки из политики правительства того периода, который предшествовал войне и привёл ко второй мировой войне. Эти уроки не должны пройти для нас даром. Следовало бы стремиться не к тому, чтобы выигрывать что-либо на комбинации голосов на том или другом совещании в дан-

ный момент, а считать своим долгом не на словах, а на деле поддерживать согласованные решения, научиться совместно работать, чтобы содействовать также успеху Мирной конференции и укреплению мира. Мы надеемся, что против этого никто не будет возражать, а мы, поскольку это необходимо, не отказываемся от чести более твёрдо, последовательно и постоянно защищать эту линию. Если иногда мы наблюдаем колебания и попытки отступать от согласованных решений,— это бывает теперь нередко,— то мы всё же думаем, что в процессе работы мы научимся совместно работать так, как этого ждут те, которых мы представляем, и так, как этого ждёт общественное мнение демократических стран.

3. ЧЕГО НЕХВАТАЕТ АМЕРИКАНСКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ПЕЧАТИ

Наконец, последнее. Г-н Бирнс сделал предложение в тоне какого-то вызова, настаивая на опубликовании своей речи в советской печати. При этом он сослался на то, что вчерашняя речь Молотова уже опубликована в американской печати. Но вот передо мною американская газета «Нью-Йорк Геральд Трибюн» за сегодняшний день. Тут нет моей речи. Факты не соответствуют заявлению, будто бы американская печать опубликовала эту речь. Но в этой газете уже наведена обширная критика на эту речь, и сделано это, как видим, до опубликования самой речи. Предлагает ли г-н Бирнс действовать и советским газетам на условиях такой взаимности при опубликовании его речи? Если действовать на условиях взаимности, мы должны посоветовать советской печати опубликовать критику речи г-на Бирнса, не публикуя самой речи. Это, конечно, было бы неправильно. Советская делегация придерживается другого мнения. Мы принимаем предложение г-на Бирнса. Мы его речь опубликуем, и пускай советские люди прочтут эту речь, так же как мы её здесь выслушали. Но когда здесь провозглашают, что вот у нас свободная печать, что в ней будто бы всё обстоит замечательно хорошо, то могут возникнуть некоторые вполне законные вопросы.

Для правильной характеристики господствующей американской печати имеется немало материалов. Мы можем сослаться, например, на книгу американца Джорджа Сельдеса «Таковы факты» и ряд других книг, где найдётся немало полезного по этому вопросу. Но возникают и такие вопросы, а может быть есть в Америке богатейшие газетные тресты, которые держат в своих руках важные органы американской печати. Разве не слышали многие из нас, что в Соединённых Штатах наряду с объективными органами печати имеются могущественные монополии, держащие в своих руках наиболее распространённые органы американской печати, которые дают тон и которые так сильно стандартизируют политическую информацию в американских газетах. Разве мы не слышали об этих могущественных трестах, этих могущественных монополистах, о 2—3 фактических хозяевах в хорошо известной нам американской печати?

Если коснуться английской печати, которая кое в чём нередко напоминает американскую печать, я сошлюсь на только что опубли-

кованное заявление одного из виднейших британских деятелей и на то, как он характеризует положение в этой области. Я имею в виду переданное на днях агентством Рейтер заявление генерального прокурора Англии Хартли Шоукросс, который недавно вернулся из Нюрнберга и 30 июля заявил, что каждой газете Англии следовало бы поместить на своей первой полосе объявление: «Эта газета принадлежит лорду такому-то. Целью этой газеты является извлечение экономических выгод и выражение личных мнений, которых его лордство соблаговолит придерживаться время от времени. Нет никакой гарантии в том, что факты, о которых сообщается в газете, соответствуют действительности. Они могут быть всем, чем угодно, только не правдой».

Шоукросс добавил: «Боюсь только, что это предложение не окажется привлекательным». Далее г-н Шоукросс заявил: «Я осуждаю то, что фактически происходит сейчас в значительной части консервативной печати,— специальный отбор и неправильное освещение фактов, чтобы удовлетворить общественное мнение и выражение определённого мнения, замаскированного под факты. Я считаю, что эти вещи серьёзно тормозят работу нашего демократического правительственного механизма. Для современной демократии необходимо, чтобы она основывалась на информированном общественном мнении, а наличие информированного общественного мнения зависит не только от существования свободной прессы, но также от существования объективной и честной прессы».

Как видите, г-н Шоукросс тоскует по объективной и честной прессе в Англии, и ему нельзя не посочувствовать. Видимо, генеральный прокурор Англии имел серьёзные основания, если он был вынужден сделать такое заявление публично. В самом деле, существует лейбористская газета «Дейли Геральд». Она существует около 40 лет, то-есть начала выходить в свет задолго до начала существования лейбористского правительства в Англии. Но это одинокая газета. Это единственная ежедневная газета лейбористов в Англии. Подавляющая часть британской печати принадлежит консервативной партии. Но лейбористское правительство опирается на единственную лейбористскую ежедневную газету, хотя год тому назад партия лейбористов получила две трети голосов избирателей Англии. Это одно из важных обстоятельств, поясняющих, почему г-н Шоукросс тоскует по объективной и честной печати. Значение таких фактов нам всем понятно.

Поэтому советская делегация вполне сочувствует тому, чтобы мы самым внимательным и чутким образом отнóсились к прессе и к её деятелям и чтобы мы стремились помочь ей быть объективной и честной, так как это необходимо в интересах всеобщего мира. И всё, что в этом отношении зависит от советской стороны, она готова для этого сделать.

«Известия» № 186 (9102)

от 8 августа 1946 г.; см. также

В. М. Молотов, Вопросы внешней политики,

стр. 85—94.

О ПРОЦЕДУРЕ РАБОТЫ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

РЕЧЬ В. М. МОЛОТОВА НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

(8 августа)

Господин председатель, господа делегаты!

Советская делегация согласна с представленным комиссией проектом правил процедуры, за исключением одного пункта. Советская делегация не согласна с решением комиссии, чтобы конференция принимала свои рекомендации простым большинством голосов, а не большинством в две трети голосов, как это предлагал Совет министров иностранных дел. Советская делегация не может согласиться, чтобы на конференции принимались какие-либо рекомендации большинством одного голоса, чтобы одиннадцать делегаций навязывали свои предложения десяти другим делегациям. Такое решение советская делегация считает ошибочным и настаивает на пересмотре этого ошибочного решения комиссии.

1. НАРУШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРАВИЛ

Порядок голосования на международной конференции — весьма важный вопрос. Конференция должна будет высказать своё мнение по многим серьёзным вопросам. Нельзя допустить, чтобы эти вопросы решались большинством в один голос. Надо быть либо очень наивным, либо очень неопытным в международных вопросах, чтобы защищать такой порядок голосования на Мирной конференции.

Советская делегация вынуждена напомнить о некоторых элементарных вещах. Известно, что на международных конференциях и совещаниях руководящим принципом считается стремление к достижению единодушия между всеми их участниками. Иначе и не может быть, когда дело идёт о выработке общего мнения нескольких или многих суверенных государств. Конечно, это не так просто — достичь взаимопонимания и согласовать мнения 21 государства, представленного на Мирной конференции. Но, если мы собрались на Мирной конференции, мы должны стремиться к единодушию, к достижению взаимопонимания, к разумным уступкам друг другу и должны знать, что иначе нельзя достичь хороших результатов в разрешении международных дел. Здесь представлены большие и малые государства. Чтобы выработать согласованные между ними рекомендации, надо посчитаться с мнением каждого из них — и большого, и малого. Особенно заинтересованы в этом малые государства, которым нередко навязывают свою волю большие державы, вплоть до того, что держат на их территории свои войска, чтобы давить на переговоры и диктовать свою волю малым странам. Но этот метод ведь не применим на Парижской конференции. Следовательно, надо искать нормальных путей для достижения единодушия на нашей конференции и не увлекаться

политикой давления или приёмами майоризирования голосов со стороны одной части делегаций в отношении другой части делегаций.

Нормальные правила международных конференций известны. Принято стремиться к тому, чтобы на таких конференциях достигалось единодушие, хотя бы для этого и требовалось немало усилий, чтобы убедить друг друга и притти к приемлемому для участников конференции согласованному мнению. Известно, что нередко в международных организациях применялся и применяется принцип единогласия при принятии всех решений. Мы знаем также, что в уставе организации Объединённых наций сказано, что для принятия важных решений требуется две трети голосов Ассамблеи, а в Совете безопасности требуется, кроме того, единогласие пяти великих держав. На всех совещаниях великих держав во время войны, всемирное значение которых известно, принималось немало решений, и все эти решения принимались только с взаимного согласия. В Совете министров иностранных дел, который создан на Берлинской конференции и который призван служить делу установления прочного мира, также вся работа проводится на основе полного единодушия. Только совсем недалёкие люди могут думать, что в международных делах можно добиться полезных результатов, пренебрегая стремлением к единодушию между заинтересованными странами. Советская делегация вынуждена напомнить эти элементарные вещи. Она и впредь не отказывается от чести защищать необходимость достижения единодушия в урегулировании международных вопросов и считает недопустимым уклонение от этого принципа. Так мы понимаем интересы демократических стран, интересы больших и малых государств, интересы тех миллионов простых людей, как о них говорят, которые своим героизмом и ценой крови привели нас к победе и которые теперь терпеливо ждут, способны ли мы бороться за установление прочного мира.

2. ОШИБКИ КОМИССИИ ПО ПРОЦЕДУРЕ

Совет министров иностранных дел представил на Мирную конференцию своё предложение о порядке голосования на пленуме конференции и в комиссиях. Что касается голосования на пленуме конференции, то это предложение заключалось в следующем:

«Решения конференции по вопросам процедуры будут приниматься большинством голосов. Решения по всем другим вопросам и рекомендации будут приниматься большинством в две трети голосов». Потребовалось немало времени на Совете министров иностранных дел, чтобы притти к этому согласованному мнению, на чём, не скрою, особенно настаивала советская делегация. Из приведённого текста вы видите, что Совет четырёх министров предложил конференции придерживаться принципа две трети голосов при голосовании всех существенных вопросов и рекомендаций на пленуме конференции.

Несмотря на это, британская делегация внесла на процедурную комиссию новое предложение по вопросу о порядке голосования на пленуме конференции. Это предложение, встретившее возражения

ряда делегаций, было принято комиссией. Вот текст принятого комиссией решения:

«Рекомендации пленума конференции бывают двоякого рода:

1. Те, которые приняты большинством в две трети голосов.

2. Те, которые получили большинство, превышающее половину, но менее двух третей голосов членов конференции.

Оба вида рекомендаций будут предлагаться на рассмотрение Совета министров иностранных дел».

Таким образом, комиссия предлагает считать рекомендациями конференции и то, что будет принято не двумя третями голосов, а только простым большинством. Этим аннулируется предложение Совета четырёх министров о том, чтобы конференция принимала свои рекомендации большинством в две трети голосов. Теперь достаточно того, чтобы из 21 делегации 11 высказались за то или иное предложение, и оно превращается в рекомендацию конференции, хотя бы против этого возражали 10 других делегаций. Таким образом, одна делегация из присутствующих здесь 21 может придать тем или иным предложениям характер рекомендации всей конференции. И будто бы такого рода рекомендации могут иметь серьёзный вес на самой конференции или в глазах общественного мнения демократических стран. Советская делегация думает, что те, которые будут смотреть на дело таким образом, испытают большое разочарование.

Мы все знаем, что рекомендация конференции не имеет обязательного характера для Совета министров иностранных дел. С другой стороны, мы все признаём полезным, чтобы конференция высказалась за те или иные рекомендации и тем самым помогла окончательной выработке мирных договоров. Каждому понятно, что те рекомендации, которые будут приняты конференцией единодушно, будут иметь большой вес для каждого из нас и для всего международного общественного мнения. Настаивая на том, чтобы рекомендации принимались, по крайней мере, двумя третями голосов, советская делегация интересовалась не столько количеством поданных голосов, сколько стремлением к тому, чтобы сам метод голосования помогал выработке единодушных рекомендаций конференции. В этом — политический смысл предложения Совета четырёх министров, рекомендовавшего установить голосование по существенным вопросам и рекомендациям большинством в две трети голосов. Принятое процедурной комиссией решение опрокинуло это предложение. Оно игнорирует необходимость добиваться единодушных решений. Оно помогает тем, которые не стремятся добиться единодушия и, следовательно, авторитетных решений.

Процедурная комиссия сделала грубую ошибку, высказавшись за то, чтобы предложить конференции принимать рекомендации даже большинством одного голоса. Такие рекомендации не могут иметь авторитета и могут только запутать всю работу конференции. Если конференция одобрит это ошибочное предложение процедурной комиссии, она подорвёт авторитет тех рекомендаций, которые будут ею приняты. Те, кому дорог авторитет конференции и её

рекомендаций, не могут голосовать за такое предложение процедурной комиссии.

Почему процедурная комиссия допустила эту ошибку? Как могло случиться, что такое явно ошибочное предложение было принято процедурной комиссией, несмотря на все предупреждения, которые делались со стороны ряда делегаций?

Ответственность за такое положение лежит на Британской делегации, которая внесла это предложение, и на американской делегации, которая так активно поддерживала принятие этого решения в процедурной комиссии. Британская и американская делегации объединились в этом вопросе для того, чтобы провести это решение в процедурной комиссии. Они, видимо, думали обеспечить себе принятие на конференции желательных для них рекомендаций, но слишком увлеклись такого рода соображениями. Они даже не посчитались с тем, что на Совете министров они дали согласие на принятие рекомендаций большинством в две трети голосов. Они ссылаются на всякие оговорки, которые они делали при принятии этого решения в Совете министров. Но какое значение могут иметь какие-то оговорки, когда на рассмотрение конференции было представлено согласованное между четырьмя министрами предложение о порядке голосования. Оговорки могли относиться только к тем вопросам, которые не были согласованы или не обсуждались на Совете четырёх министров. Иначе получается, что правая рука не знает, что делает левая. Британская и американская делегации могли не давать согласия в Совете четырёх министров на те или иные предложения о порядке голосования на конференции. Они, действительно, дали согласие не сразу. Однако после долгих обсуждений в Совете четырёх министров было принято согласованное решение, и тем не менее на конференции и та и другая делегация отказались от этого согласованного решения и снова вернулись к своему первоначальному предложению о голосовании рекомендаций конференции простым большинством.

3. НЕОБХОДИМО ИСПРАВИТЬ ОШИБКУ

Но в конце концов дело не в том, что британская или американская делегации попали в двойственное положение. Сейчас дело обстоит ещё хуже: ошибка британской и американской делегаций привела к ошибочному решению процедурной комиссии, а эта последняя предлагает конференции одобрить её ошибочное решение. Теперь дело идёт о том, чтобы уберечь конференцию от того, чтобы она сделала ту же ошибку, которая допущена в процедурной комиссии.

Как могла произойти эта ошибка? Разве британской или американской делегациям больше нравится голосовать в составе простого большинства, а не в составе двух третей делегаций конференции? Я не думаю этого.

Советская делегация полагает, что все хотели бы голосовать не только большинством в две трети голосов, а единодушно; чтобы наши решения принимались как хорошо продуманное и согласован-

ное между всеми нами мнение и чтобы это мнение имело должный авторитет. Но г-н Эватт — представитель Австралии — смотрит на дело иначе. Он дал своё объяснение, почему он поддерживал британскую и американскую делегации в отмене решения Совета четырёх министров по вопросу о голосовании рекомендаций большинством в две трети голосов. В выступлении на процедурной комиссии он сказал:

«Предположим, есть проект изменений, предложенный одной страной. С этим проектом изменений Советский Союз не согласен. По этому проекту не будет никакой возможности добиться большинства в две трети голосов. Это совершенно ясно».

Г-н Эватт не раскрыл, на чём основаны его расчёты. Он только намекнул на это, отказавшись открыть карты. Для него самое важное, чтобы обеспечить наиболее удобный способ проведения на конференции таких рекомендаций, с которыми не согласен Советский Союз. Он не рассчитывает при этом, что удастся собрать две трети голосов для направленных против интересов Советского Союза рекомендаций. Поэтому он так активен в своей деятельности на конференции, чтобы рекомендации на конференции принимались простым большинством. В определённых общественных кругах хорошо поняли г-на Эватта. На другой же день после решения процедурной комиссии некоторые парижские газеты поддерживали г-на Эватта с большим удовольствием. Вчера газета «Сите Суар» писала:

«Западные державы одержали верх над СССР». В этом же тоне пишет газета «Этуаль дю Суар» и кое-кто ещё. Вот как воспринято решение процедурной комиссии по вопросу о порядке голосования, с чем не могут не считаться делегаты конференции.

Тем не менее советская делегация полагает, что Мирная конференция не предназначена для того, чтобы та или иная держава или тот или иной блок держав одержал верх над СССР или над каким-либо другим государством. Больше того, на Мирной конференции нельзя одержать верх всем великим державам вместе взятым над каким-нибудь одним, не только большим, но и малым государством. Если же кто-нибудь попытается пойти по этому пути, он наверняка провалится с этой затеей и причинит политический ущерб прежде всего своему государству, а также авторитету Мирной конференции.

Вы знаете, что, когда нужно было бороться с нашими общими врагами, СССР стоял среди союзников не в последних рядах. Советский Союз гордится тем, что он спас цивилизацию Европы от фашистских варваров. Советский Союз гордится тем, что он освободил немало европейских государств от фашистских когтей и помог государствам, где вчера ещё в столицах сидели гитлеровские лакеи, встать на путь демократического развития, помог поднять знамя свободы и национального возрождения во всей Европе. Советский Союз принёс неслыханные жертвы в этой борьбе. 7 миллионов людей — потери моей родины. Заслуги Красной Армии и бесценные потери Советского Союза дают нам право напомнить здесь о том, что голос Советского Союза, как голос других демократических

стран, призывающих к возможно большему единодушию в международных вопросах,— что этот голос заслуживает того, чтобы прислушаться к нему. И теперь, когда мы достигли победы и обязаны трудиться над установлением прочного мира, попытки противопоставить большинство конференции меньшинству конференции ни к чему хорошему не приведут. Они не найдут хорошего отклика в демократическом общественном мнении, а только подорвут авторитет конференции, которым мы все должны дорожить.

Советская делегация пользуется этим случаем, чтобы настаивать на исправлении ошибки, допущенной процедурной комиссией. Ошибку можно исправить, если время ещё не упущено. Но ошибку можно и углубить, идя дальше по неправильному пути. Процедурная комиссия сделала грубую ошибку, наносящую удар по престижу конференции. Советская делегация предлагает исправить эту ошибку и этим поддержать международный авторитет Парижской конференции.

Советская делегация предлагает отклонить предложение процедурной комиссии о порядке голосования и принять предложение Совета министров иностранных дел по этому вопросу.

«Известия» № 187 (9103)

от 9 августа 1946 г.; см. также

В. М. Молотов, Вопросы внешней политики,
стр. 95—104.

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. Я. ВЫШИНСКОГО НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПРИ ОБСУЖДЕНИИ ВОПРОСА О ПРИГЛАШЕНИИ НА КОНФЕРЕНЦИЮ АЛБАНИИ С ПРАВОМ СОВЕЩАТЕЛЬНОГО ГОЛОСА

(10 августа)

Советская делегация, сказал Вышинский, считает необходимым остановиться на вопросах, которые были изложены с этой трибуны представителями различных делегаций. Раньше всего я хотел бы сказать о той части выступления г-на Александра, представителя великобританской делегации, где он коснулся вопроса о партизанской борьбе албанского народа. Он связал этот вопрос со ссылкой на партизанскую борьбу в Польше и подчеркнул, что между партизанским движением в Польше и партизанским движением в Албании существует известная разница. Александр указал на то, что Польша боролась против фашизма с 1939 года. В этой борьбе участвовали её солдаты, моряки, авиаторы, партизаны. Александр в этом отношении прав. Это факт, это неоспоримый факт и величайшая истори-

ческая заслуга польского народа. Но почему, признавая заслугу польского народа со всей справедливостью, необходимо умалять значение партизанского движения в Албании? Если говорить о времени, то ведь партизанское движение в Албании началось задолго до того, как вступили в борьбу партизаны Польши. Уже в апрельские дни 1939 года албанские партизанские отряды громили итальянцев.

Г-н Александер обосновывает свои возражения против предложения югославской делегации тем, что партизанское движение в Албании якобы не даёт для этого никакого основания, в то время как партизанское движение в других странах и в Польше даёт такое основание. Надо признать, что этот довод г-на Александера отличается явной слабостью. И не только этот довод отличается таким качеством.

Как известно, Албания — одна из первых жертв фашистской агрессии в Европе. Она была брошена на произвол судьбы тогдашним правительством короля Ахмеда Зогу. Но, будучи брошен на произвол судьбы, этот героический народ нашёл своих вождей, выдвинул своих героев, поднял знамя борьбы против иноземных оккупантов и блестяще повёл неравную борьбу. Своей решимостью и преданностью делу свободолюбивых наций маленький албанский народ вписал славные страницы в историю героической борьбы и победы вместе с союзниками над общим врагом.

Албанский народ с оружием в руках встретил в 1939 году высадку итальянских оккупационных войск на территории Албании. Несмотря на то, что король Зогу призывал народ подчиниться оккупантам, албанцы вооружались и нападали на тылы и фронты своего врага повсюду, где только это представлялось возможным.

Я назову только несколько фактов. 5, 6 и 7 апреля 1939 года 15 тысяч албанских патриотов героически сражались против итальянских фашистов в городах Дураццо, Валона и в ряде других мест по всему Адриатическому побережью. Восставшие патриоты были подавлены фашистской военной машиной, но борьба не прекратилась. И уже в первые дни оккупации 1939 года в горах Албании дрались против фашизма пять партизанских отрядов численностью свыше 3 тысяч человек. Это ещё не много, но это уже первые предвестники тех нарастающих военных ударов, которыми маленький албанский народ обрушился вслед за тем на иноземных захватчиков.

Оккупантам не удавалось и не удалось подавить волю албанского народа к борьбе. Создававшиеся итальянцами квислинговские правительства уходили в отставку одно за другим, потому что не могли найти никакой опоры в народе, были антинародными. Введённая оккупантами блокада городов и крупных центров только усиливала народный гнев. Народ уходил в горы, создавал новые партизанские отряды, нарушал связь, пути сообщения, уничтожал живую силу врага. В 1941 году партизанская борьба в Албании приняла широкий размах.

В 1942 году в 40 партизанских отрядах действовало 10 тысяч человек. В 1944 году против врага сражалась уже регулярная армия албанского народа, насчитывающая 70 тысяч солдат и офицеров. Вот факты, которых нельзя забыть, которые должны быть учтены,

когда мы говорим о борьбе албанского народа против германских и итальянских фашистских полчищ. Размах народного движения должен быть принят во внимание тогда, когда здесь говорят об ответственности той или другой страны за свои правительства, толкнувшие эти страны в войну против Объединённых наций на стороне итальянских и немецких агрессоров.

Вклад, который был внесён албанским народом в общее дело ссюзных государств в борьбе против Германии Гитлера, против Италии Муссолини, несомненен. Он заслуживает высокого признания.

Здесь указывалось вчера, как оценивали эту борьбу албанского народа правительства Великобритании и США. Я хотел бы напомнить, как оценивало эту борьбу советское правительство, это даст лучшее понимание того, почему советское правительство и сейчас высказывает свои симпатии Албании, будучи последовательным и сохраняя свои позиции, которые оно занимало в то время в отношении Албании.

В декабре 1942 года советское правительство заявило, что оно уверено в том, что борьба албанского народа за свою независимость сольётся с освободительной борьбой других угнетаемых Италией балканских народов, которые в союзе со всеми свободолюбивыми народами изгонят захватчиков со своей земли.

Эти слова оправдались полностью. Борьба албанского народа действительно слилась с борьбой всех свободолюбивых народов против угнетателей и привела к победе. И вот теперь на эту трибуну выходит представитель нынешнего греческого правительства г-н Цалдарис и пытается оклеветать Албанию, заявляя, что она якобы не участвовала в общей борьбе союзников против иноземного врага. Если подвергнуть анализу речь г-на Цалдариса, то легко убедиться, что каждый его тезис находится в резком противоречии с фактами.

Цалдарис говорит, например, будто бы Албания позволила итальянским войскам занять свою страну без всякого сопротивления. Это же неправда! Факты, которые я только что привёл, неопровержимы. Албанский народ в течение шести лет вёл борьбу против оккупантов и завершил её победой. Г-н Цалдарис подразумевает под Албанией албанское правительство, но бывшее албанское правительство, покорно служившее итальянцам, — это не албанский народ. Далеко не всегда можно сказать, что правительство — это и есть народ, что действия правительства есть действия народа. Нельзя смешивать эти различные понятия. Вам, г-н Цалдарис, представителю греческого правительства, это должно быть лучше понятно, чем кому бы то ни было другому. (*Аплодисменты.*)

Г-н Цалдарис позволил себе сказать с этой высокой трибуны, будто бы народ Албании добровольно помогал агрессорам. Где ваши факты? Вы ссылались в своих записках на то, что какие-то люди увели 16 греческих граждан на свою территорию. Но если считать с такими фактами, то можно привести целые горы документов в отношении греческих пограничных инцидентов, когда греческие жандармы и пограничная стража не только уводили на греческую территорию значительное количество людей, но эти люди бесследно исчезали.

Для того, чтобы ославить албанский народ, г-н Цалдарис пытался утверждать, что партизанского движения — народного антифашистского движения, явившегося основой организации албанской армии, — не существовало. Он сказал, что попросту союзники старались возбудить народное движение в Албании, как и в Германии. Это замечание не выдерживает никакой критики.

Г-н Цалдарис пытается утверждать, будто бы даже регулярные войска в Албании были созданы союзниками. Если бы он сказал это относительно Греции, я бы не стал спорить (*аплудисменты*), но говорить это в отношении Албании — значит грубо искажать действительность. Наконец, г-н Цалдарис пустился на такой ораторский прием: он говорит, что Греция не может забыть услуги, которые были оказаны Албанией агрессору. Он сослался на заявление главы советской делегации г-на Молотова о том, что безнаказанность — это есть отказ от защиты прав государств, пострадавших от агрессии. Это было сказано совершенно справедливо, и мы стоим на этом во всех вопросах, касающихся проблемы ответственности. Но нельзя из этого делать тот вывод, который делает г-н Цалдарис, т. е. в вопросе об ответственности смешивать всё в одну кучу — и албанский народ, и албанское правительство, и Албанию, как страну, не делая никакого различия между тем, другим и третьим.

В заключение я хочу остановиться на предложении английской делегации передать вопрос о приглашении Албании на рассмотрение Генеральной комиссии. Почему именно Генеральной комиссии? Что представляет собой Генеральная комиссия? В правилах процедуры, которые являются уставом нашей конференции, сказано, что Генеральная комиссия призвана помогать работе конференции, координировать работу различных комиссий. Но здесь не идет речь ни о какой-либо координации, ни о каких-либо комиссиях. Мы имеем дело с серьезным и принципиальным вопросом, который должен быть решен самой конференцией. Поэтому советская делегация против передачи албанского вопроса в Генеральную комиссию.

Говорят, будто советская делегация требует решить вопрос об Албании раньше, нежели о других странах, которые просят разрешить им участвовать в этой конференции. Это не соответствует действительности, так как советская делегация говорит лишь о том, что, поскольку на повестке дня поставлен вопрос об Албании, то его и надо решать здесь, а не привязывать к нему ряд других вопросов для того, чтобы его не решать.

Точка зрения советской делегации в том и заключается, что мы хотим решить этот вопрос, раз он поставлен на повестку дня. А наши оппоненты предлагают этот вопрос не решать, хотя он поставлен на повестку. Если они делают это в соответствующих интересах и если вы считаете это логичным, — пожалуйста, поступайте так, как считаете нужным. Мы считаем это неправильным и против этого будем возражать.

(Спец. корр. ТАСС).

ИТАЛИЯ И УСТАНОВЛЕНИЕ МИРА

РЕЧЬ В. М. МОЛОТОВА НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

(13 августа)

Мы заслушали речь г-на де Гаспери о проекте мирного договора с Италией. Если эта речь правильно отражает политику новой Италии, то она заслуживает внимания и тем, что в ней сказано, и тем, что обойдено в этой речи. Во всяком случае нельзя оставить без ответа эту речь, направленную против проекта мирного договора и могущую посеять немалые недоумения.

1

НАШЕ ОТНОШЕНИЕ К ИТАЛИИ

Взгляды Советского Союза на Италию можно изложить весьма кратко. Надеюсь, что эти взгляды совпадут со взглядами многих из присутствующих здесь делегатов.

Исторические заслуги Италии всем известны. Как в истории далёкого прошлого, так и в новой истории Италия занимала выдающееся место. Её культура, национально-освободительное движение и высокие творческие способности итальянского народа всегда пользовались всеобщим признанием. Мы, советские люди, уверены в будущем Италии, как великой страны. Мы не сомневаемся в том, что великий итальянский народ выйдет из теперешних трудностей и по настоящему встанет на широкую дорогу своего национального подъёма и возрождения, достойного великой и свободной Италии.

Здесь, на Мирной конференции, нас, прежде всего, интересует положение Италии среди других народов Европы. Особенно важно, насколько Италия сможет играть роль существенного фактора в деле установления дружбы с другими народами и в обеспечении мира в Европе. Известно, что после первой мировой войны Италия пошла по другому пути. Италия Муссолини провозгласила программу империалистической экспансии и увлеклась захватом чужих территорий, удовлетворяя свои аппетиты за счёт малых народов — Албании, Эфиопии. Фашистская Италия стала опорой гитлеровской оси в Европе, а затем вместе с Германией и Японией под фальшивым флагом антикоминтерновского пакта двинулась по пути авантюристических планов германских и японских империалистов, стремившихся к мировому господству. На фашистской Италии лежит тяжёлая ответственность за захватническую войну в союзе с гитлеровской Германией, ответственность за хищническую агрессию в отношении Албании и Эфиопии, а также за кровавое нападение на Югославию и Грецию и за бесславное вторжение во Францию и в Советский Союз. Только после разгрома немцев под Сталинградом и успешного наступления англо-американских войск в Северной Африке и на юге Италии рухнул фашистский режим, и Италия стала перестраиваться на демократических основах. С этого времени

стало возможным, чтобы Италия из очага агрессии превратилась в важный фактор устойчивого мира в Европе.

В результате разгрома Германии и её фашистских союзников Европа сильно преобразилась. В руках союзных государств имеется теперь возможность направить развитие Германии по демократическому пути и не допустить возрождения Германии в качестве новой агрессивной силы. Тем более это можно сказать об Италии. Это не значит, что Итальянская республика должна стать слабым, второстепенным европейским государством. Это не значит также, что Италия должна потерять значение важного политического фактора в Средиземном море. Теперь имеется стремление отдельных великих держав занять монопольное положение в Средиземном море, оттеснив на второй план не только Италию, но и Францию — эти важнейшие средиземноморские державы. Такое положение не может соответствовать развитию дружественных отношений между европейскими государствами и не может соответствовать интересам прочного мира в Европе. Не только Франция, но и Италия должны иметь уверенность в своём положении средиземноморских государств. Фашистская Италия, строившая своё благополучие на экспансии и захвате малых государств, дискредитировала себя в глазах народов и пришла к краху. Новая Италия, поскольку она будет стремиться к своему национальному подъёму на основе всестороннего развития своих внутренних сил и к установлению дружественных отношений со своими соседями и со всеми миролюбивыми странами, должна встретить активную поддержку со стороны всех демократических государств. И можно ли сомневаться, что тогда Итальянская республика окрепнет как мощный фактор мира и прогресса в Европе?

Новой Италии не легко встать на крепкие ноги сразу же после свержения фашизма. Для этого она должна провести коренные преобразования во всей политической жизни, чтобы стать передовой демократической республикой; она должна преодолеть существующий в экономической области саботаж, который проводится враждебными демократической Италии силами; необходимо поставить по-новому воспитательную работу в широких массах народа, где реакционные силы в союзе с остатками фашизма упорно отстаивают свои позиции, перекрашиваясь и приспособляясь к новой обстановке. Италия не может стать демократической республикой, не выкорчевав до конца остатки фашизма и фашистской идеологии. Эта задача далеко ещё не выполнена, если помнить о том, что фашизм свыше двух десятилетий отравлял сознание итальянского народа и использовал для этого все средства материального и духовного воздействия.

II

ЗАЯВЛЕНИЕ ДЕ ГАСПЕРИ И СТАРЫЕ ЗАХВАТНИЧЕСКИЕ ПРЕТЕНЗИИ

Речь г-на де Гаспери ни в каком случае не является достаточным ответом на вопросы, которые возникают в связи с мирным договором для Италии. Эта речь является попыткой пройти мимо коренных вопросов возрождения Италии как демократического госу-

дарства и отнюдь не выражает желания отмежеваться и осудить агрессивную политику фашистского империализма.

Глава итальянской делегации не нашёл слов для осуждения фашизма, приведшего Италию к тяжчайшему положению. Можно подумать, что Италия уже покончила со всеми остатками фашизма и может забыть об антидемократическом наследстве, оставленном фашизмом. В его словах также не было ни слова осуждения авантюристической внешней политики правительства Муссолини, причинившей огромные бедствия соседям и другим народам, что возложило бремя тяжёлой ответственности на Италию.

Здесь нет нужды останавливаться на деталях выступления главы итальянской делегации. Но мы не можем пройти мимо того факта, что речь главы итальянской делегации была в значительной мере направлена не на защиту действительных национальных интересов и жизненных нужд своего народа, а на отстаивание захватнических претензий старой Италии.

Вы слышали, что г-н де Гаспери сосредоточился в своём выступлении на отстаивании претензий Италии насчёт западной части Юлийской Крайны вместе с городом Триест. Разжигая страсти вокруг этого вопроса, он показал, как ещё далеки внешнеполитические устремления теперешних руководителей Италии от действительно демократической внешней политики. Если фашистская Италия зубами держалась за захваченную ею славянскую территорию Юлийской Крайны и стремилась развить свою экспансию дальше на восток, то глава итальянской делегации на этой конференции не мог не понимать, что эти захватнические тенденции слишком уж не вяжутся с реальными возможностями настоящего момента. Этим можно объяснить, что он направил свои претензии не на всю Юлийскую Крайну, а на её западную часть, включая всё западное побережье Истрии, где находятся главные города и порты Истринского полуострова. Выступая от имени новой Италии, глава делегации снова отстаивал претензии старой, империалистической Италии, доказав этим, что правительству Италии на деле не легко встать на путь действительно новой, действительно демократической внешней политики.

Полуостров Истрия и город Триест вплоть до конца первой мировой войны никогда не принадлежали Италии. В порядке дележа добычи после краха Австро-Венгерской империи Италия получила полуостров Истрия, хотя население полуострова в преобладающем количестве всегда состояло из словенцев и хорватов. Этим была совершена тяжёлая ошибка в отношении Югославии, от которой были отделены территории с исконным славянским населением, переданным без всяких оснований Италии. Если до первой мировой войны Истрия с её словенским и хорватским населением находилась под гнётом Австро-Венгерской империи, то после первой мировой войны славянская Истрия попала под иго фашистской Италии. При этом итальянские власти всяческими мерами стремились увеличить итальянскую часть населения города Триеста, чтобы использовать главный город Истрии, как и другие города, для установления господства над всем полуостровом Истрия с его славянским населением.

В этой политике не было чего-либо существенно отличного от германской политики «Дранг нах Остен», от германской политики захвата славянских территорий. Из истории известно, как Германия стремилась расширяться на восток, захватывая славянские земли и онемечивая славянское население. Эту же политику захвата славянских земель проводила Австро-Венгерская империя. Не хотела в этом отношении отставать и фашистская Италия. Мы знаем и о последствиях этого. Овладев Истрией, фашистская Италия вместе с Германией использовали эту территорию во время последней войны для нападения на Югославию. Таково фактическое положение.

Глава итальянской делегации не нашёл ничего лучшего, как выступить здесь со своими претензиями если не на всю Истрию, то по крайней мере на главную её часть — на всё западное побережье Истрии. Его ссылки на этнический момент и на то, что в тех или иных прибрежных городах Истрии преобладает итальянское население, конечно, совершенно не дают оснований для того, чтобы отрезать часть славянской Истрии от Югославии и отдать её Италии. Глава итальянской делегации сделал центральным вопросом в своём выступлении свои претензии на западную Истрию и на Триест. Но мы не можем признать, что эти претензии являются голосом новой, демократической Италии. Нет, как раз напротив. Это всего лишь повторение старых, захватнических претензий Италии на чужие земли, на искони славянские земли.

Твердить зады и отстаивать империалистические традиции — это не значит итти в ногу с новым временем. Прошло то время, когда славянские земли служили предметом дележа между державами Европы, когда славянские народы стонали под гнётом западных и восточных захватчиков. Теперь, как известно, славянские народы нашли своё место в рядах союзных государств, и во всех славянских странах государственная жизнь строится на прогрессивных демократических началах. Среди других славянских и неславянских государств Югославия занимает славное место героического борца в рядах антигитлеровской коалиции, причём известно, что именно Югославия вынесла на себе исключительную тяжесть германской и итальянской оккупации и принесла огромные жертвы в борьбе с нашим общим врагом. В этих условиях не может быть сомнений, что, насколько основательны претензии Югославии на Истрию с её словенским и хорватским населением, настолько же неосновательны претензии на Истрию или на часть её со стороны Италии. Если этого до сих пор не поняли некоторые итальянские деятели, то это свидетельствует лишь о том, как живучи старые, захватнические традиции там, где мы хотели бы видеть действительно новую, действительно демократическую внешнюю политику Итальянской республики. Ясно также, что, если бы и новая Италия пошла по этому пути, по пути насильственного присоединения некоторых славянских или других чужих земель, то нельзя было бы рассчитывать на то, что между Италией и всеми другими демократическими странами установились бы прочные дружественные отношения. Между тем, как сама Италия, так и все другие миролюбивые государства Европы заинтересованы в том, чтобы Итальянская республика, нако-

нец, действительно покончила со своей старой политикой экспансии и чтобы Италия установила нормальные дружественные отношения с другими странами и прежде всего со своими соседями. Только тогда Италия на деле станет важным фактором упрочения мира в Европе, чего мы все так желаем.

Мы приветствуем новую Италию в её стремлении к национальному возрождению. Но мы отказываемся признать, что какие-либо попытки Италии захватить чужие территории отвечают подлинным национальным интересам Италии. Известно, что такого рода попытки в отношении других народов свидетельствуют о захватнических тенденциях определённых узких кругов и отнюдь не выражают подлинных национальных интересов народа, которые прежде всего заключаются в экономическом возрождении на основе развития внутренних сил страны и в установлении хороших, дружественных отношений с другими народами.

III

ДОГОВОР И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ ИТАЛИИ

Г-н де Гаспери почти не коснулся экономических статей мирного договора, хотя именно эти статьи могут затронуть положение каждого рабочего, каждого крестьянина, каждого гражданина Итальянской республики и отразиться на всём дальнейшем существовании итальянского государства. Как можно понять, он отнёс экономические статьи договора к второстепенным вопросам, подлежащим рассмотрению в комиссиях, а не на самой конференции. Между тем ослабленная в войне Италия, быть может, больше, чем другие страны Европы, отстаёт в восстановлении своей экономической жизни. Достаточно сказать, что из-за имеющихся затруднений в восстановлении промышленности 2 миллиона итальянских рабочих всё ещё остаются без работы. Оккупационные расходы Италии достигли огромных размеров и приведут к весьма тяжёлым последствиям в случае удлинения их срока. Даже небольшого сокращения этих расходов было бы достаточно, чтобы полностью покрыть репарации, которые должна взять на себя Италия, хотя бы для частичного возмещения ущерба, нанесённого Советскому Союзу и другим союзным странам.

Глава итальянской делегации, видимо, не придаёт значения тем частям мирного договора, которые могут отразиться на всём экономическом быте итальянского народа и на всём дальнейшем государственном развитии Италии. В конце концов народ, конечно, поймёт своё положение, если даже те или иные руководители Италии слишком увлекутся внешнеполитическими планами и претензиями на чужие земли, позабудут об обязанности обеспечить каждому итальянцу необходимый кусок хлеба и позаботиться о других его жизненных нуждах. Но не надо закрывать глаза на последствия этого.

Со стороны Советского Союза проявляется большая осторожность, например, к таким требованиям, как предоставление гражданам любого иностранного государства из Объединённых наций равных с итальянцами прав во всех вопросах, касающихся торговли, промышленности, мореплавания и других видов торговой деятельно-

сти в Италии. Как известно, со стороны Советского Союза внесенны предложения ограничить эти чрезмерно широкие претензии иностранных держав и вообще иностранцев в Италии. Мы обращаем внимание на опасность того, что сильные иностранные государства, обладающие большими капиталами и имеющие большие средства давления, могут использовать эти фактически неограниченные права в ущерб национальным интересам Итальянской республики, ссылаясь при этом на «равноправие» Объединённых наций и на недопустимость так называемой «дискриминации». Мы не можем присоединиться к таким чрезмерным претензиям в отношении демократической Италии со стороны иностранного капитала, которые могут повести к экономическому закабалению Италии иностранными трестами и картелями, как это нередко делается с временно ослабевшими странами и с малыми государствами, на что, однако, закрывают глаза некоторые деятели, выдающие себя за патентованных защитников малых народов. Мы думаем, что без западной Истрии Италия может прекрасно прожить, так как это не задевает подлинных интересов итальянского народа. Но если промышленность или торговля, или судоходство Италии будут задавлены конкуренцией сильных и ещё более разбогатевших во время войны иностранных государств, то это тяжко почувствует на своей спине весь итальянский народ, и эту опасность надо предвидеть теперь, чтобы её предупредить своевременно. Защита итальянской промышленности и сельского хозяйства, а также итальянской торговли и судоходства от нажима сильных иностранных держав под флагом равноправия и недопустимости дискриминации, поскольку такой нажим может привести к закабалению итальянской экономики, является, бесспорно, важнейшим национальным интересом Италии, как и всякого другого, ослабленного войной государства, не говоря уже о малых странах, которым хотят предписать такие же кабальные экономические условия. Советский Союз развивает свои экономические отношения с другими странами на условиях, благоприятных для их экономического возрождения, на таких условиях, которые содействуют подъёму их промышленности, сельского хозяйства и всей национальной экономики. Советский Союз хотел бы надеяться, чтобы и другие страны выразили готовность содействовать Итальянской республике в деле возрождения её экономической жизни на таких же условиях, которые исключают политику экономического закабаления и внешнего давления на независимую и свободную Италию.

Дело доходит до того, что хотят, чтобы Италия предоставляла так называемые «равные возможности» для всех иностранных государств в развитии гражданской авиации на итальянской территории. Это значит, что если Италия предоставит какому-либо государству, установившему с ней дружественные отношения, те или иные благоприятные условия для развития гражданской авиации на итальянской территории, то Италия должна предоставить такие же благоприятные условия по гражданской авиации на своей территории и для любого другого иностранного государства, которое пожелает предъявить такого рода претензии, хотя бы это государство и не установило действительно дружественных отношений с Итальянской

республикой. Проведение принципа так называемых «равных возможностей» в таких вопросах означает, что даже в вопросах, которые тесно связаны с интересами национальной обороны, к Италии предъявляют такие требования, которые несовместимы с национальными интересами и суверенитетом государства и, следовательно, не имеют ничего общего с международной справедливостью. Из этого можно сделать вывод о том, куда может завести злоупотребление так называемыми «равными возможностями», иначе говоря, злоупотребление принципом «равенства», когда его навязывают слабому, чтобы на деле отдать его на произвол сильного. Глава итальянской делегации прошёл мимо этих вопросов мирного договора, не считая их, видимо, существенными или уклонившись от них по каким-то другим соображениям. Для нас, однако, ясно, что эти вопросы весьма серьёзно затрагивают коренные интересы национальной жизни Италии.

IV

УСТАНОВЛЕНИЕ МИРА, А НЕ ПРОДЛЕНИЕ ПЕРЕМИРИЯ

Наконец, глава итальянской делегации выдвинул неожиданную мысль о том, что сейчас следует ограничиться заключением лишь временного мира, т. е. фактически продлить перемирие, и что окончательное мирное урегулирование следует отложить на некоторое время, дав при этом понять насчёт имеющихся у него расчётов использовать такое положение, между прочим, в целях выжидания более благоприятных условий для осуществления его претензий на западную Истрию и Триест. При этом он аргументировал даже тем, что полное устройство Европы не может быть достигнуто до заключения мира с Германией, хотя вопрос о Германии, как это понятно, не имеет никакого отношения к вопросу об Истрии и Триесте. Очевидно, кое-где имеются соображения на тот счёт, что если не сейчас, то несколько позже удастся расстроить тот компромисс, который достигнут в Совете министров иностранных дел по вопросу о Триесте. Из этого можно заключить, что, наблюдая моменты расхождения мнений на Парижской конференции, кое-где строятся расчёты на выигрыш времени и на использование этих расхождений в своих узких целях. Интересно, как далеко зашёл в этом деле глава итальянской делегации. Его предложение ограничиться сейчас заключением временного мира означает, что он даже согласен на значительное затягивание иностранной оккупации своей страны, только бы получить новую возможность осуществить попытку использования некоторых расхождений между союзниками и поиграть на противопоставлении одних союзных держав другим союзным государствам. Нетрудно разглядеть, что такая политика не имеет ничего общего с национальными интересами Италии. Напротив, при сложившихся условиях затягивание оккупации на длительный срок ставит Италию во всё большую зависимость от иностранных государств. Если тем не менее кое-кто из итальянских руководителей всё же готов идти по этому пути, то это является лишь ещё одним выражением живучести таких замашек старых правящих кругов.

которые должны быть чужды демократической Италии и которые в наше время не могут иметь и внешних благоприятных перспектив.

Предложение о временном мире не может встретить поддержку на этой Мирной конференции. Мы собрались на конференцию не для того, чтобы откладывать установление мира в Европе. Наша задача заключается в том, чтобы содействовать установлению прочного мира и нашими общими усилиями обеспечить успешное выполнение этой благородной задачи. Можно не сомневаться, что такое понимание задач настоящей конференции соответствует также и правильно понятым интересам новой Италии.

Речь главы итальянской делегации показала нам, что и в новой Италии ещё не изжиты старые тенденции, чуждые политике демократических государств, стремящихся к установлению прочного мира. Будем тем не менее надеяться, что укрепление демократических основ новой Италии поможет тому, чтобы Италия встала на тот же путь, по которому идут другие демократические страны. Этим высоким целям должен отвечать и тот мирный договор для Италии, к подготовке которого приступает наша конференция. (*Аплодисменты.*)

«Известия» № 191 (9107)

от 14 августа 1946 г.; см. также

В. М. Молотов, Вопросы внешней политики, стр. 105—118.

РЕЧЬ А. Я. ВЫШИНСКОГО НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПРИ ОБСУЖДЕНИИ ЗАЯВЛЕНИЯ РУМЫНСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ О ПРОЕКТЕ МИРНОГО ДОГОВОРА С РУМЫНИЕЙ

(13 августа)

Господин председатель, господа делегаты! Мы только что заслушали заявление румынской делегации, сделанное её председателем г-ном Татареску. В этом заявлении были изложены взгляды, соображения, некоторые критические замечания и пожелания румынского правительства в отношении проекта мирного договора с Румынией. Мы приветствуем новую демократическую Румынию. Мы приветствуем её стремления загладить вину своей страны перед демократическими странами, подвергшимися нападению со стороны гитлеровской Германии, одним из союзников которой была Румыния. Мы приветствуем решимость румынского правительства — правительства концентрации демократических сил Румынии — навсегда покончить с печальным наследием фашистского прошлого, со всеми остатками фашизма и железногвардейства, которые явились источником бедствий войны, навязанной румынскому народу преступной кликой Антонеску и его сообщников. Румынское правительство, выражая волю румынского народа, уверенно идёт по пути демократизации, по пути

демократических преобразований своей страны. Румынское правительство упорно и последовательно работает над разрешением этой задачи, несмотря на имеющиеся в этом деле немалые трудности, связанные с противодействием демократическим реформам со стороны антидемократических, антинародных реакционных сил, пытающихся помешать всеми средствами, вплоть до саботажа и террористических актов, демократизации Румынии, демократическим реформам, которые проводит нынешнее румынское правительство.

Румынское правительство уверенно идёт по пути укрепления дружественных отношений со своими соседями, подтверждая тем самым наличие доброй воли к сотрудничеству со всеми демократическими миролюбивыми странами.

24 августа 1944 года, когда ещё не определились перспективы дальнейшего хода военных событий и когда судьба гитлеровской Германии далеко ещё не была видна с достаточной ясностью, Румыния сделала решительный поворот в своей внешней политике. Румыния прекратила полностью военные действия против Советского Союза на всех театрах войны, она вышла из войны против Объединённых наций, она прервала отношения с Германией и её сателлитами, она вступила в войну на стороне союзных держав против Германии и Венгрии. Румыния обязалась по соглашению о перемирии, заключённому 12 сентября 1944 года, выставить против общего нашего врага, врага всех Объединённых наций, не менее 12 дивизий со всеми средствами усиления. Этим актом Румыния оказала свою помощь Объединённым нациям и, в первую очередь, Советскому Союзу, более других стран пережившему тяжести военных нападений со стороны Германии и её сателлитов.

Дальнейшее развитие военных событий подтвердило значение шага, который сделал румынский народ, шага, который заключался в том, что румынский народ сбросил правительство Антонеску, эту гитлеровскую агентуру, и, встав на сторону демократических стран, стал одним из активных участников в борьбе против гитлеровской Германии и оставшихся ей верными сателлитов.

В течение почти двух лет румынское правительство добросовестно выполняет соглашение о перемирии и, в частности, те условия соглашения, которые касаются задач демократизации общественного и государственного строя этой страны. За эти два года румынское правительство провело такие важные государственные мероприятия, как земельная реформа. В результате земельной реформы было ликвидировано в основном безземелье в Румынии. Сотни тысяч румынских крестьян получили землю, а это не могло не оказывать благотворного влияния на положение всего народного хозяйства Румынии.

Ряд других демократических законодательных мероприятий проведён за эти годы в Румынии в интересах народа. Всё это, а также проводимая румынским правительством внешняя политика свидетельствуют о стремлении румынского правительства последовательно, твёрдо осуществлять программу преобразования Румынии на демократических началах.

Румыния выполняет добросовестно свои обязательства по соглашению о перемирии от 12 сентября и, в частности, свои репарацион-

ные обязательства. Справедливость требует того, чтобы не были забыты вызванные войной бедствия и страдания, обрушившиеся на миролюбивые народы по вине Германии и её сателлитов. Страны, которые вызвали эту войну и которые вели войну, не могут и не должны быть освобождены от ответственности за войну. Не может быть и не должна быть освобождена от ответственности за участие в войне против Советского Союза и его союзников и Румыния, вместе с Германией напавшая на СССР и причинившая нашей земле бедствия и горе.

Таковы требования справедливости, перед которой должны склонить свои головы побеждённые страны. Интересы стран, пострадавших от военных агрессий, должны быть учтены. Этим объясняется и то, что в проекте мирного договора, подлежащего рассмотрению на данной конференции, имеются статьи и разделы, возлагающие на побеждённых обязательства большого политического, экономического и военного значения.

С другой стороны, участие Румынии в войне против Германии, хотя и на последнем этапе этой войны, и тот факт, что она в августе 1944 года примкнула к Объединённым нациям, что расширило фронт демократических стран, боровшихся против гитлеровской Германии, также должно быть принято во внимание.

Преамбула мирного договора с Румынией учитывает всё это в соответствующем месте, а именно в третьем абзаце текста проекта. Но Советское правительство не ограничивается декларативной стороной дела, только декларативной формулой в указанном выше смысле, как это дано в преамбуле. Советское правительство, решая такие вопросы, как, например, репарационный вопрос или вопрос о возмещении ущерба и убытков, предлагает исходить из расчёта не только удовлетворения законных, справедливых требований стран, подвергшихся агрессии, но и не упускать из виду национальные интересы стран побеждённых. Это особенно нужно иметь в виду при рассмотрении экономических статей проекта мирного договора, в частности, таких статей, как, например, статья 24, по которой, к сожалению, Совет министров не достиг соглашения. Эта статья предлагает наложить на Румынию ответственность не только за прямой ущерб, который причинён её участием в войне против Объединённых наций, но и за так называемый косвенный ущерб, т. е., иначе говоря, реализовать принцип, известный ещё по римскому праву, т. е. «*Damnum emergens, lucrum cessans*».

Это — непосильное дело для данной страны в современных условиях, и это является одной из причин, по которым, ввиду разного подхода к задачам возмещения ущерба, не было достигнуто соглашения в Совете министров. Также нужно назвать статьи 27 и 30, по которым не было достигнуто соглашения в Совете министров, которые должны быть согласованы, как мы надеемся, в последующей работе нашей конференции.

Советское правительство и советская делегация рассчитывают, по крайней мере, на то, что их позиция, обоснованная и справедливая, будет принята во внимание другими делегациями и на этой основе окажется возможным достичь общего согласия.

Основным принципом, которым руководствуется советская делегация, которым она руководствовалась два года тому назад, заключающая соглашение о перемирии с Румынией, как и с другими бывшими сателлитами Германии, является то, чтобы возмещение ущерба было ограничено известными пределами, чтобы так называемая компенсация была частичной, потому что нет возможности, исходя из объективных условий и объективного положения тех стран, которые причинили ущерб Объединённым нациям своим участием в войне против них,— нет возможности требовать возмещения причинённого ущерба полностью в расчёте на то, что они в состоянии будут выполнить эти требования. Но ставить невыполнимые требования столь же несправедливо, сколь и неразумно. Именно это требование частичного возмещения ущерба ставит советская делегация и в отношении других побеждённых стран. Это требование справедливо как в отношении Румынии, так и в отношении Финляндии, Венгрии, Болгарии. Это справедливо в отношении требований, исходящих от Советского Союза, так же, как и требований, исходящих от других стран, принадлежащих к лагерю Объединённых наций.

Этим принципом руководствовался Советский Союз и тогда, когда в течение этих двух лет при реализации Румынией обязательств, возложенных на неё соглашением о перемирии от 12 сентября 1944 года, применил к Румынии целый ряд льгот, исходя из объективного положения Румынии. Это надо сказать в отношении продления срока репараций с 6 до 8 лет и в отношении реализации наиболее важных статей договора, как, например, статьи 10, статьи 11, статьи 12 соглашения о перемирии.

В заслушанной здесь декларации представителя румынского правительства советская делегация не усматривает какого-либо принципиального положения, которое потребовало бы ответа, или поправки, или специального замечания. Советское правительство с удовлетворением может констатировать, что румынское правительство твёрдой рукой расчищает путь своей стране в семью демократических стран, миролюбивых народов. Поскольку Румыния ликвидировала свою старую политику — и внешнюю и внутреннюю, — идёт по новому пути последовательной демократизации своего общественного и государственного строя, мы все должны стремиться учесть это и в проекте мирного договора, дабы облегчить Румынии те усилия, которые она делает, двигаясь по своему новому пути, дабы закрепить добрососедские отношения с Румынией, ищущей сотрудничества и дружбы со всеми демократическими странами. (*Аплодисменты.*)

(Спец. корр. ТАСС)

РЕЧЬ В. М. МОЛОТОВА НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

(15 августа)

Господин председатель, господа делегаты!

Мы заканчиваем обсуждение вопросов, поставленных представителями бывших вражеских государств. Некоторые говорили здесь, что они не хотели выступать, так как они предпочитали высказаться в комиссиях. Спрашивается, почему бы не выступить, если есть о чём сказать, поскольку те предложения, которые выработаны в Совете четырёх министров нашими общими усилиями, встречают необоснованные возражения и, значит, требуют разъяснений. Почему уклоняться от этого? Советская делегация держится другого мнения. Она считает нужным защищать те предложения, которые приняты при её участии и были внесены на рассмотрение конференции.

Были и другого рода выступления. Приписывали, например, советской делегации то, чего она не говорила. Видимо, делалось это для того, чтобы удобнее было возражать. Но делегаты ведь знают, о чём говорила советская делегация, так как всё это опубликовано.

1. О МИРНОМ ДОГОВОРЕ С ФИНЛЯНДИЕЙ

Теперь я перехожу к вопросу о мирном договоре с Финляндией.

Финляндская делегация выступила со своими замечаниями и предложениями, направленными на изменение условий перемирия. Она имела на это, конечно, формальное право. Я только отмечу, что на протяжении многих месяцев, когда мы обсуждали мирный договор в Совете министров иностранных дел, со стороны Финляндии никаких замечаний или поправок не поступило. Мы только сегодня узнали о такого рода пожеланиях. Со своей стороны советская делегация держится того мнения, что хорошей базой для мирного договора с Финляндией являются условия перемирия, подписанные не только Советским Союзом и Великобританией, но и самой Финляндией. Они и положены в основу проекта мирного договора, который представлен конференции.

Теперь несколько слов по существу мирного договора с Финляндией. Финляндская делегация поставила вопрос о возможности территориальных изменений по сравнению с условиями перемирия. Советская делегация не видит к этому оснований. Советский Союз немало сделал для того, чтобы Финляндия имела возможность жить так, как она хочет, чего она безнадежно добивалась от царского правительства России. Из рук Советского государства Финляндия получила свою самостоятельность, независимость и свободу. Однако в период 1918—1922 гг., когда Советское государство было ещё слабым, неокрепшим государством, границы Советского Союза со стороны Финляндии нередко оказывались небезопасными, так как не прекращались вторжения белофиннов на территорию нашей страны. Конечно, в данном случае агрессивные элементы Финлян-

дии обыкновенно были лишь орудием в руках внешних сил, в руках враждебных Советскому государству больших империалистических держав, которые хотели всяческими средствами ослабить Советское государство и не брезговали для этого никакими средствами.

Но вот началась война, навязанная Европе и всему миру гитлеровской Германией. В этот период для Советского правительства особенно большое значение имело, чтобы границы Советского Союза, в частности — границы в районе Ленинграда, были спокойными и были бы обеспечены от вражеских вторжений. Поэтому, как известно, в течение 1939 г. велись длительные переговоры между советским и финским правительствами о том, чтобы несколько изменить границу в районе Ленинграда, где финская граница находилась только в 30 километрах от Ленинграда, то-есть только на расстоянии артиллерийского выстрела. Со стороны Советского Союза предлагалось хотя бы на два-три десятка километров отодвинуть финскую границу и компенсировать Финляндии соответствующий кусок территории территорий в районе восточной Карелии в размере вдвое большем, чем уступаемый кусок около Ленинграда. Нам не удалось этого добиться в переговорах. Навязанная нам Финляндией война зимой 1939—1940 гг. была тяжёлая война и для Советского Союза и для Финляндии, но этим дело не кончилось.

В 1941 г. вместе с Германией на Советский Союз напала Финляндия в числе других сателлитов Германии.

В результате этого Ленинград пережил ужасы многомесячной блокады, каких не переживал ни один большой город за время войны. В течение двух с половиной лет Ленинград, насчитывавший три с лишним миллиона жителей, был под осадой немцев, которым помогали финские войска. Почти два с половиной года славный Ленинград, город-герой, гордость нашей страны, обстреливался из тяжёлых орудий, изо дня в день вынося исключительные трудности, принося огромные жертвы. Эта блокада Ленинграда стала возможной благодаря тому, что Финляндия была на стороне немцев.

Вот почему теперь, когда дело идёт о границе в районе Ленинграда, никто в Советском Союзе не поймёт такого положения, при котором финляндская граница осталась бы в расстоянии 30 километров от Ленинграда. В Советском Союзе никто больше не согласится рисковать Ленинградом. Так обстоит дело с главным территориальным вопросом по условиям перемирия и по проекту мирного договора с Финляндией. Я не буду останавливаться на других территориальных вопросах.

Финляндская делегация ставит дальше вопрос об уменьшении репараций. Я должен сказать, что в вопросе о репарациях Советский Союз пошёл в максимально возможной мере навстречу Финляндии. Всё было сделано, чтобы так проводить решения о репарациях, чтобы содействовать восстановлению и дальнейшему росту финской промышленности и чтобы сроки и характер соответствующих экономических условий были бы возможно более приемлемыми для Финляндии. Соответствующего соглашения мы и достигли. Кроме того, нельзя забывать о том, что из всех пяти бывших союзников Германии единственно Финляндия была той страной, которая

не подверглась оккупации иностранных войск. Конечно, у Советского Союза было достаточно сил для того, чтобы после поражения фашистского режима в Финляндии оккупировать эту страну, занять её своими войсками и поступить так, как это естественно для победителя. Несмотря на то, что мы имели для этого все материальные возможности — военные и другие, а также все политические и моральные основания, Финляндия была освобождена от оккупации иностранных войск. Она была освобождена также тем самым от тех больших оккупационных расходов, которые неизбежны при режиме оккупации. Из этого видно, что Советское правительство всячески считалось с положением этой маленькой страны, несмотря на тяжкие преступления, которые она совершила в этой войне. Поскольку Финляндия выбросила из правительства гитлеровских лакеев и встала на демократический путь, Советский Союз стремился всячески облегчить её обязательства. Советский Союз отказался от оккупации Финляндии и освободил эту маленькую страну от больших оккупационных расходов, что во многом облегчило бремя репарационных условий, которые были установлены для Финляндии и которые ею честно выполнялись.

Исходя из желания проводить благожелательную политику в отношении демократической Финляндии и понимая, что старая царская Россия имела много грехов перед маленькой Финляндией, Советское правительство ограничилось тем, что на неё был возложен минимум обязательств по репарации, которые могут компенсировать лишь небольшую часть причинённого ею огромного ущерба. Советский Союз проводил и будет проводить в отношении Финляндии эту добрососедскую политику, поскольку сама Финляндия будет проводить такую же политику в отношении Советского Союза и поскольку Финляндия снова не окажется орудием в руках кого бы то ни было против Советского Союза. Могут найтись и такие, которые захотят спекулировать на расхождениях по отдельным пунктам между большими державами. Мы не посоветовали бы нашему соседу — Финляндии увлекаться такого рода планами и не посоветовали бы поддаваться нажиму в этом роде. Опыт использования Финляндии как орудия в руках сильных держав был очень печальным для Финляндии. Об этом нельзя забывать.

На основании всего этого советская делегация приходит к заключению, что те условия перемирия, которые подписаны Советским Союзом и Великобританией, под которыми находится также подпись самой Финляндии и которые показали свою обоснованность, — эти условия и должны найти своё отражение в мирном договоре.

2. О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ, ЗАТРОНУТЫХ В ДИСКУССИИ

Теперь я хочу коснуться тех выступлений, которые имели здесь место по другим темам.

Здесь опять был поднят вопрос о принципе так называемых «равных возможностей». Американский делегат выступил на этот раз с возражением против тех замечаний, которые мною были сделаны по этому вопросу 13 августа. Тем не менее, я должен сказать,

что замечания, высказанные тогда, советской делегации представляются и в настоящее время полностью справедливыми, а возражения, которые были на этот счёт сделаны, оказались весьма необоснованными, получилось такое впечатление, как бывает в тех случаях, когда слишком много доказывают. В самом деле, нам доказывали, что, когда дело идёт о равенстве в экономической области между, с одной стороны, сильными державами, а с другой стороны — малыми или ослабленными войной государствами, то тут наиболее подходит принцип «равных возможностей». Утверждают даже, что лучшего принципа для таких случаев и найти невозможно. Тогда позвольте вас спросить: почему же вы предлагаете провести этот замечательный принцип только в течение 18 месяцев после заключения мирного договора? Уж если так он хорош, то, может быть, его следует установить на неограниченно длительный срок? Нет, этого не предлагают, и мы понимаем, почему этого не предлагают. Потому, что с этим не согласны те государства, которых это касается, те малые и ослабленные войной государства, которых хотят заставить применять этот принцип. Если этот принцип хорош, то не следует ли признать, что его надо осуществлять не в порядке навязывания другим государствам, а в порядке их добровольного соглашения. Тогда нам следует спросить государства, о которых идёт речь, каково их мнение об этом принципе. Почему же на осуществлении этого принципа «равных возможностей» настаивает не Исландия, а Соединённые Штаты Америки? Ведь это не случайно. Нам предлагают принять этот принцип для побеждённых стран, и притом с большим упорством, Соединённые Штаты Америки, а также Великобритания, хотя последняя вряд ли одобрит полностью применение принципа «равных возможностей», скажем, в Индии. Но никто не может сказать, что неограниченное проведение принципа «равных возможностей» является одинаково удобным и для сильных, и для слабых государств, и для больших, и для малых держав. Никто этого не может доказать. Вот почему против этого возражают и Италия, и Румыния, и Болгария, и Венгрия, и Финляндия, а если вы не думаете этого, то спросите их, согласятся ли они с неограниченным применением принципа «равных возможностей». Ясно, что неограниченное применение этого принципа удобно проводить для тех, которые имеют силу и богатство, для тех, которые своим капиталом стремятся подчинить тех, кто слабее. Если же считаться с интересами народов этих стран, то надо быть поскромнее в таких делах и не навязывать силой того, что может задушить экономику менее сильных государств. Более демократичным будет такой подход к этому вопросу, когда мы предоставим малым государствам возможность самим высказать своё мнение по этому поводу, не навязывая им таких обязательств, которые для них чрезмерно тяжелы и неприемлемы.

Здесь неправильно говорилось, что будто бы советская делегация, настаивая на репарациях, возражает против необходимости компенсации собственности союзных государств, которой нанесён ущерб на территории того или иного бывшего вражеского государства. Это — неправильно. Мы — за компенсацию собственникам союз-

ных стран того ущерба, который им причинён на территории бывшей вражеской страны, но за компенсацию частичную, как это сделано и по репарациям, где принцип частичной компенсации применён ещё более строго. Тогда справедливость будет соблюдена, да и будут учтены реальные возможности у побеждённых государств.

Но выступавший здесь делегат Соединённых Штатов, с одной стороны, увлекался защитой необходимости компенсации собственников, пострадавших на территории бывших вражеских государств, а с другой стороны, выступает против репараций, всячески подчёркивая их тяжесть для побеждённых государств. Между тем ведь имеется подпись Соединённых Штатов Америки под репарациями в проектах мирных договоров для Румынии, Венгрии, Болгарии и Италии. Получается противоречие и притом совершенно очевидное. С таким положением не может согласиться советская делегация.

Здесь не раз говорили насчёт Греции. Много говорили о том, как велики заслуги Греции в защите нашего общего дела. И это — совершенно правильно. Греческий народ героически дрался за наше общее дело против наших общих врагов. Почему бы в этот момент не вспомнить о тех людях, о тех героях — участниках национально-освободительного движения Греции, так называемых замовцах, которые были героями этой славной борьбы в Греции. (*Аплодисменты.*) Отметить заслуги Греции в нашей общей освободительной борьбе против Германии и её сателлитов и забыть об этих настоящих героях, которые принесли наибольшие жертвы и прославили Грецию в борьбе против фашизма, — забыть об этом нельзя — нельзя забыть об этих важных и неоспоримых фактах. С другой стороны, когда выступает представитель Греции со своими захватническими планами: прирежьте ему территорию от Болгарии, прирежьте ему территорию от Албании и чуть ли не предлагает раздел Албании, — почему бы нам не покритиковать эти выступления представителя Греции? Что тут плохого, когда такие захватнические планы критикуются со стороны тех или других делегатов? Но хвалить Грецию и проходить мимо этих речей захватнического характера со стороны нынешних официальных греческих представителей, — не означает ли поощрение такого рода речей? Вот почему мы должны помнить о героических заслугах греческого народа, но там, где со стороны официальных греческих представителей делаются неправильные антидемократические выводы, мы должны их критиковать, чтобы во-время предупредить авантюристов от их опасной авантюристической политики. (*Аплодисменты.*)

Наконец, насчёт Мирной конференции. Советская делегация не может не реагировать на то, что в последнее время в печати появились сообщения о планах насчёт откладывания работы Мирной конференции, о перерыве в работе Мирной конференции и т. п. Советская делегация тем более не может пройти мимо этого, что кое-где выдают эти неправильные сообщения за мнение советской делегации. Советская делегация держится того мнения, что на этой Мирной конференции мы должны стремиться вести дружную и вместе упорную работу по скорейшему окончанию того дела, за которое мы взялись. Мы держимся того мнения, что лучше отложить что-

либо другое, чем откладывать Мирную конференцию. Мы также за то, чтобы не ограничиваться временным миром, как это было высказано одним из выступавших на нашей конференции. Мы за то, чтобы наша работа действительно содействовала установлению прочного и длительного мира — мира, которого ждут малые и большие народы, к которому стремятся все миролюбивые нации. (*Аплодисменты.*)

«Известия» № 193 (9109)

от 16 августа 1946 г.; см. также

В. М. Молотов, Вопросы внешней политики,

стр. 119—128.

РЕЧЬ А. Я. ВЫШИНСКОГО
НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ ПАРИЖСКОЙ
МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПРИ ОБСУЖДЕНИИ
ЗАЯВЛЕНИЯ ВЕНГЕРСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ
О ПРОЕКТЕ МИРНОГО ДОГОВОРА С ВЕНГРИЕЙ
(15 августа)

Господин председатель, господа делегаты! Мы здесь выслушали ряд замечаний по поводу сделанного вчера венгерской делегацией заявления о том проекте мирного договора, который является предметом обсуждения конференции.

Я взял слово для того, чтобы со своей стороны высказать от имени советской делегации некоторые соображения по этому вопросу. Правда, предыдущий оратор, представитель делегации Соединённых Штатов Америки, предпочёл, хотя и со значительным опозданием, использовать данный случай для того, чтобы вернуться к вопросу об Италии и затронуть вообще несколько более общих вопросов и, в частности, вопросов, связанных с процедурой работы нашей конференции. Ну, конечно, каждый оратор выбирает ту дорогу, по которой он считает предпочтительнее всего продвигаться вперёд. Против этого возражать нельзя, если только эта дорога действительно ведёт вперёд, а не возвращает назад. В таком случае этот метод работы нельзя признать достаточно удачным, обещающим успех работе конференции. Мне представляется поэтому, что нет нужды касаться всего того, что говорил господин Бирнс в отношении и процедуры, и Италии, и Греции, и в отношении целого ряда других вопросов.

Что касается замечаний господина Бирнса, которые он сделал против советской делегации, то я не думаю останавливаться и на них и не думаю полемизировать по этому поводу с господином Бирнсом, так как, разумеется, это лучше всего, при случае, сделает глава советской делегации Молотов.

Я хочу перейти к вопросам, связанным непосредственно с мирным договором по Венгрии, и остановиться, в первую очередь, на экономических статьях, которые остались в Совете министров несогласованными.

Кстати, не входя в подробности и детали, я хотел бы остановиться на вопросе о том, почему эти статьи остались несогласованными, почему Совет министров в упорной работе и борьбе мнений по проектам договоров с бывшими вражескими странами сумел согласовать целый ряд довольно трудных и острых вопросов, но ему не удалось согласовать ни одной серьёзной статьи экономического характера. Почему? Если этот принцип, который защищает здесь делегация Соединённых Штатов Америки, поддерживаемая, как правило, всегда делегацией Великобритании и некоторыми другими делегациями, хорошо уже нам здесь известными,— если этот принцип действительно такой благотворный, если он действительно такой справедливый, то почему же не удалось договориться в Совете министров по экономическим статьям на основе этого принципа?

Советская делегация держится такого взгляда, что, решая вопросы, связанные с экономическими требованиями, которые должны быть предъявлены той или иной побеждённой стране, нельзя не считаться с целым рядом весьма серьёзных обстоятельств. К таким серьёзным обстоятельствам советская делегация относит те уже взятые на себя экономические обязательства той или другой страной, которые записаны в соглашениях о перемирии и которые, естественно, не могут не найти себе места в проектах мирных договоров.

В самом деле, было бы чрезвычайно неразумно проводить такую политику в отношении бывших вражеских стран, которая не считается с тем, как обстоит дело с обязательствами, уже возложенными на эти страны, и предъявлять им дополнительно всё новые и новые требования, не считаясь с обстановкой и с теми реальными источниками, за счёт которых эти требования будут выполняться. Такая политика была бы плохой политикой, способной привести лишь к недоразумениям и обострениям, но не способной дать каких-либо положительных результатов.

Так обстоит дело с принципиальной позицией, которую занимает советская делегация в вопросах экономического порядка, а эти вопросы имеют немалое значение.

Этот принцип был уже неоднократно сформулирован советской делегацией. Это освобождает меня от необходимости повторить пройденное. Напомню лишь в двух словах, что этот принцип заключается в том, чтобы экономические требования были сформулированы с учётом, с одной стороны, тех обязательств, которые уже возложены на эти страны, и, с другой стороны, с учётом реального экономического положения этих стран.

У Советского Союза имеется законное, никем не оспоримое право требовать полного возмещения ущерба, причинённого ему войной, которую затеяли те или иные вражеские страны. Это наше право, право справедливое, и мы можем его требовать полностью, требовать уплаты, так сказать, полным рублём за тот ущерб, который причинён нашей стране бывшими вражескими государствами. Но, кроме формального права, есть ещё чувство справедливости. Мы защищаем этот принцип. К сожалению, не все делегации, которые участвовали в подготовке проектов мирных договоров для

данной конференции, согласны с этим принципом и исходят из этого принципа. Здесь лежит одна из основных причин разногласий, которая помешала Совету министров согласовать те экономические статьи, какие подлежат ещё согласованию на данной конференции. Нельзя не учитывать объективных условий и фактов, так как известно, что факты — это упрямая вещь, и если с ними не считаться, то эти факты обратятся против тех, кто с ними не желает считаться.

В проекте мирного договора с Венгрией Советский Союз, как и в проектах мирных договоров с другими бывшими вражескими странами, исходит именно из этого принципа. Формулируя наши требования экономического порядка по Венгрии, мы были обязаны исходить и мы исходили из реальных условий, исходили из учёта действительного экономического положения Венгрии. Как же рисуется это экономическое положение Венгрии? Можно ли предъявлять те или другие дополнительные требования к Венгрии в экономической области, не считаясь с тем, как справляется Венгрия с выполнением уже принятых ею на себя обязательств по соглашению о перемирии? Мы считаем, что на этот вопрос можно дать только один ответ, и ответ этот должен быть отрицательным. Не считаться с этим нельзя, не считаться с этим невозможно. Советский Союз считается с этим в должной мере, и это отражается в направлении советской репарационной политики.

В чём заключается особенность советской репарационной политики, в частности, по отношению к Венгрии?

Это можно видеть по нескольким примерам. В 1945 году Венгрия должна была поставить Советскому Союзу в счёт репараций товаров на 33,5 миллиона долларов, а поставила фактически на 10 миллионов долларов, т.е. меньше 30 процентов принятого на себя обязательства. Но ведь те обязательства, которые приняла на себя Венгрия, не были предъявлены Советским Союзом в одностороннем порядке! Эти обязательства предъявлены тремя великими державами. Под этими обязательствами стоят их подписи. Следовательно, эти державы не могут безразлично относиться к тому, выполняются ли эти обязательства или нет. Так обстоит дело только формально. По существу же дело обстоит иначе. Известно, что Советский Союз и Венгрия заключили торговый договор. По этому торговому договору Советский Союз поставил Венгрии товаров на 6,3 миллиона долларов, а получил от Венгрии товаров лишь на 22 тысячи долларов. Если учесть это и тот факт, что вместо 33,5 миллиона долларов, которые требовались с Венгрии по репарационным поставкам за эти два года, Венгрия поставила всего-навсего товаров на 10 миллионов долларов и в то же время получила от СССР товаров на 6,3 миллиона долларов, то окажется, что в конечном итоге вместо 33,5 миллиона долларов Советский Союз получил товаров лишь на 3,7 миллиона долларов. Говоря о репарационных платежах со стороны Венгрии, нельзя не учитывать указанного обстоятельства. Для понимания советской политики в отношении экономики Венгрии нужно иметь в виду также ещё следующее. Недавно Венгрия обратилась к Советскому Союзу с просьбой дать ей дополнительные льготы по репарациям. Венгрия предложила программу выполнения репараций.

рациональных обязательств в течение 8-летнего срока, — ибо советское правительство удлинило срок поставок с 6 до 8 лет, — предусматривающую, чтобы в первый год были поставлены товары на 21 миллион долларов, во второй год — на 23 миллиона долларов, в третий год — на 25 миллионов долларов и т. д. Советское правительство пошло навстречу венгерскому правительству и полностью приняло этот план. Кстати сказать, американские представители вообще возражают против взимания с Венгрии репараций, ссылаясь на тяжёлое экономическое положение Венгрии, которое объясняется якобы тем, что Венгрия обязалась платить репарации Советскому Союзу. Замечательная картина! Венгрия согласна платить репарации, а союзники, подписавшие соглашение о перемирии, обязывающее Венгрию платить репарации, возражают против репараций. Больше того, возражая против даже *частичного* возмещения ущерба Советскому Союзу, они требуют возмещения своего ущерба *полностью*. В этом случае они забывают об экономическом положении Венгрии.

Советское правительство последовательно проводит такую линию репарационной политики, которая заключается в том, чтобы исходить из реальных планов, чтобы не удручить Венгрию, чтобы не подрубить корни её экономического восстановления, а, наоборот, облегчить ей возможность её экономического возрождения, облегчить ей возможность стать на ноги, облегчить ей возможность войти в общую семью Объединённых наций и участвовать в деле экономического возрождения Европы. Это правильная политика, это правильная позиция. Если бы наши коллеги по конференции встали на такую же позицию, то, несомненно, экономические статьи по Венгрии были бы согласованы, и мирный договор с Венгрией мог бы явиться новым условием ликвидации тяжёлых последствий войны. Он, мирный договор, мог бы удовлетворить справедливые требования стран-победителей и учесть нужды стран побеждённых.

Нам говорят о тяжёлом экономическом положении Венгрии. Но при этом неправильно указывают причины такого положения. Это — важный вопрос, и мы не можем пройти мимо него. В действительности настоящими причинами тяжёлого финансового положения Венгрии являются понесённые ею расходы в войне против Объединённых наций, разорение страны немцами и бывшими венгерскими правителями. Этого нельзя забывать, как нельзя забывать и того, что одной из серьёзных причин тяжёлого экономического положения Венгрии является то обстоятельство, что огромное количество венгерского имущества оказалось вывезенным немцами и салашистами за пределы Венгрии. Это имущество оказалось в американской зоне и, насколько известно, до сих пор не возвращено Венгрии. Потеря Венгрией этого имущества, конечно, весьма затрудняет процесс экономического восстановления Венгрии. На это закрывать глаза нельзя.

Вы слышали из заявления венгерской делегации, что до сих пор в Венгрию не возвращены две трети всего подвижного состава венгерских железных дорог. Эти две трети всего железнодорожного состава Венгрии находятся, как известно, в американской зоне.

Почему до сих пор не возвращён Венгрии этот железнодорожный парк, без которого нельзя, разумеется, думать серьёзно о каком бы то ни было не только восстановлении, но и облегчении экономического положения страны? Нельзя строить никаких планов хозяйственного строительства при отсутствии транспорта. Нельзя, с одной стороны, оказывать экономическую помощь и хвалиться этим и в то же самое время не давать транспорта, не давать фактической возможности восстановить нормальное функционирование этих основных артерий всего хозяйственного организма страны, какими являются пути сообщения и, в первую очередь, железнодорожный транспорт. Тут изображают дело таким образом, что вся Европа благодетельствована. На самом деле, нельзя доводить дело до того, чтобы вся Европа была поставлена в положение, когда она с протянутой рукой должна просить подаяния. Нельзя поступать так, что правая рука ставит один плюс, а левая рука ставит два минуса.

Какие бы ни оказывались знаки внимания Венгрии со стороны тех или других богатых иностранных государств, факт остаётся фактом, что две трети венгерского железнодорожного состава уведены из Венгрии и не возвращаются, а без транспорта ни о каком восстановлении, ни о каком заживлении ран, нанесённых войной, не может быть и речи.

В заключение я хотел бы сказать два слова относительно выступления по заявлению венгерской делегации представителя Чехословакии г-на Масарика. Советская делегация считает, что г-н Масарик поставил важные вопросы об отношениях Чехословакии и Венгрии и что при рассмотрении и подготовке проекта мирного договора с Венгрией эти вопросы необходимо изучить со всем вниманием. Советская делегация к этим вопросам относится и отнесётся с должным вниманием, их изучит и примет, со своей стороны, участие в правильном решении этих вопросов.

(Спец. корр. ТАСС)

«Известия» № 193 (9109)
от 16 августа 1946 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ А. Я. ВЫШИНСКОГО В КОМИССИИ ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫМ ВОПРОСАМ ДЛЯ РУМЫНИИ ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

(16 августа)

Советская делегация считает необходимым, прежде чем начать работу этой комиссии, внести ясность в вопрос о её составе. Г-н Фук Дюпарк сослался на 3-й параграф правил процедуры. В этом параграфе указано, что членами комиссий по соответствующим проектам мирных договоров должны являться представители государств — членов Совета министров иностранных дел, которые подготовляли

проекты мирных договоров, и представители государств — членов конференции, которые находились в состоянии войны с соответствующим вражеским государством. Из этого текста, который, надо отдать ему справедливость, является недостаточно точным, авторы розданного 9 августа документа делают вывод, что условие, стоящее в конце параграфа и касающееся участия в комиссиях государств, находившихся в состоянии войны с соответствующим вражеским государством, — относится только к тем членам комиссии, которые не являются членами Совета министров иностранных дел. Советская делегация считает такое толкование неправильным. Если согласиться с ним, то будет нарушен один из основных принципов, установленных Берлинской конференцией и Московским совещанием министров иностранных дел для участия в подготовке мирных договоров. В решениях Берлинской конференции сказано, что Совет министров иностранных дел будет иметь своей первой «немедленной и важной задачей» составление мирных договоров для Италии, Румынии, Болгарии, Венгрии и Финляндии. Далее в этих решениях говорится, что в разрешении каждой из этих задач, т. е. задач, сводящихся к подготовке мирных договоров, будут участвовать те государства, которые подписали условия капитуляции, продиктованные данному вражескому государству. Это было заявлено отчётливо и ясно.

Далее отмечалось, что, поскольку Франция не подписывала условий капитуляции, то для неё будет сделано в этом отношении исключение, когда будут рассматривать вопросы мирного урегулирования с Италией. Это исключение лишний раз подтверждает основной принцип, что в подготовке мирных договоров будут участвовать лишь государства, которые подписывали условия капитуляции для каждого данного вражеского государства.

Этот же принцип был положен в основу решений Московского совещания в декабре 1945 года, где говорится, что в подготовке мирных договоров будут участвовать те государства, которые подписали условия капитуляции. Конкретно было указано: договор с Финляндией готовят представители двух государств — Великобритании и СССР; договоры с Румынией, Болгарией и Венгрией готовят представители трёх государств — Великобритании, США и СССР; договор с Италией готовят представители трёх вышеуказанных государств и Франции, которая, в виде исключения, признаётся наравне с ними правомочным участником подготовки договора с Италией.

Так обстоит дело, если рассматривать не внешнюю сторону вопроса, а его внутреннее содержание, его основные принципы. Эти принципы заключаются в том, что в подготовке мирных договоров участвуют государства, которые находятся в состоянии войны с данным вражеским государством.

Редакция же пункта правил процедуры, определяющего состав участников комиссий, недостаточно ясна. Здесь сказано лишь один раз то, что должно быть повторено два раза, т. е. слова — «которые находились в состоянии войны с бывшими вражескими государствами», — должны быть отнесены и к членам Совета министров иностранных дел. Толкуя это положение правил процедуры иначе,

мы подорвали бы самую основу организации работы по подготовке мирного договора. Основа эта, повторяю, состоит в том, что в подготовке мирных договоров должны участвовать страны, находившиеся в состоянии войны с данным вражеским государством. Возвращаясь к участию в данной комиссии Франции, необходимо напомнить, что Франция не находилась в состоянии войны с Румынией, и она не должна была бы участвовать в данной комиссии, однако советская делегация считает, что то исключение, которое было сделано для Франции на Совете министров иностранных дел, должно быть сделано и здесь и что Франция может принимать участие в подготовке договоров с Румынией и другими балканскими странами на тех же основаниях, на которых она участвовала в Совете министров иностранных дел.

Чтобы внести полную ясность и устранить возможность двусмысленного толкования, я скажу, что представитель Франции, по мнению советской делегации, не только может быть заслушан комиссией, как это предусматривается правилами процедуры в отношении всех членов конференции, но может систематически участвовать в обсуждении проекта мирного договора с Румынией. Однако мы будем оспаривать право участия Франции в голосовании по этому вопросу по тем основаниям, которые я имел честь здесь изложить.

Советское правительство поручило советской делегации сделать такого рода заявление, чтобы устранить те недоразумения, которые могут возникнуть при участии Франции в голосовании, поскольку каждая рекомендация может быть признана правомочной лишь при том условии, что она соберёт определённое количество голосов, установленное правилами процедуры.

(Спец. корр. ТАСС)

«Известия» № 194 (9110)
от 17 августа 1946 г.

РЕЧЬ А. Я. ВЫШИНСКОГО НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПРИ ОБСУЖДЕНИИ ВОПРОСА О ПРИГЛАШЕНИИ НА КОНФЕРЕНЦИЮ АВСТРИЙСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ

(17 августа)

А. Я. Вышинский заявил, что советская делегация не может согласиться с британским предложением — пригласить представителей австрийского правительства на конференцию. Советская делегация считает, вопреки мнению британской делегации, необходимым отклонить просьбу Австрии, так как не видит оснований к удовлетворению этой просьбы. Известно, что при обсуждении вопроса о приглашении на конференцию представителей Албании, Египта, Кубы и Мексики британская делегация уже вносила предложение о том, чтобы была приглашена и Австрия. Это предложение не нашло поддержки со стороны конференции, причём обращалось

внимание на то, что в распоряжении конференции нет никаких документов, которые в какой бы то ни было мере обосновывали эту просьбу австрийского правительства.

И Албания, и Египет, и Куба, и Мексика в своих записках и меморандумах обстоятельно изложили те основания, в соответствии с которыми они претендуют на то, чтобы быть приглашёнными и заслушанными на конференции. Совершенно иначе действовала Австрия, которая представила письмо, состоящее из нескольких строчек, без объяснения мотивов. В этом письме просто заявляется, что Австрия считает необходимым быть заслушанной по вопросу об австро-итальянской границе. Нельзя сказать, чтобы это было убедительно.

Вышинский говорит, что других материалов по этому вопросу от Австрии не поступало. Таким образом, с того дня, когда британская делегация впервые поставила вопрос о приглашении на конференцию представителей Австрии наравне с представителями Албании, Кубы, Мексики и Египта, ничего в этом отношении не изменилось. Мы стоим в этом вопросе на том же самом месте, на каком стояли несколько дней назад.

Переходя к выступлению Макнейла, Вышинский обратил внимание на то, что Макнейл хотел, очевидно, восполнить этот недостаток. То, чего не сделало австрийское правительство, попытался сделать британский делегат. Макнейл говорил здесь, что Австрия имеет общую границу с Италией и поэтому непосредственно заинтересована в мирном договоре с нею. Он говорил о том, что Куба и Мексика менее заинтересованы в мирном договоре с Италией, чем Австрия, и что поэтому Австрия, будучи более заинтересованной, нежели Мексика и Куба, которые допущены на конференцию, также должна быть допущена на конференцию. Макнейл сослался, наконец, на то, что Албания, не являясь членом Объединённых наций, оказалась тоже допущенной на конференцию.

Надо сказать, что аргументация Макнейла ни в чём нас не убедила, замечает Вышинский. Я думаю, что она никого не может убедить. Говорят, что Австрия имеет общую границу с Италией. Прекрасно. Австрия действительно имеет общую границу с Италией. Но, во-первых, проект мирного договора, представленный на рассмотрение конференции, не вносит никаких изменений в отношении этой границы и существующего статус-кво. Как известно, проект мирного договора прямо говорит, что австро-итальянская граница, имевшаяся на 1 января 1938 года, остаётся неизменной. Следовательно, интересы Австрии проектом мирного договора ни в какой степени не нарушаются.

Конечно, Австрия имеет свои претензии к Италии. Но советская делегация считает неприемлемым ставить на конференции рассмотрение таких претензий, так как Мирная конференция, собравшаяся ныне в Париже для рассмотрения проектов мирных договоров с пятью бывшими вражескими странами, не должна заниматься рассмотрением претензий каких бы то ни было других государств к кому бы то ни было. Иначе и быть не может, если к тому же

не упускать из виду особенности положения Австрии. Об этом следует напомнить.

В самом деле, декларация об Австрии правительств Советского Союза, Соединённых Штатов Америки и Великобритании в октябре 1943 года констатировала, что Австрия должна нести ответственность, которой не может избежать соучастие на стороне гитлеровской Германии, и что при окончательном урегулировании вопросов, связанных с Австрией, неизбежно будет принят во внимание её собственный вклад в дело освобождения. О чём говорит эта декларация? Она, во-первых, поднимает вопрос об ответственности Австрии за участие в войне против Объединённых наций на стороне гитлеровской Германии. Эта ответственность, на взгляд советской делегации, тем более усугубляется, что Австрия оставалась на стороне гитлеровской Германии до самых её последних дней. Известно, что Вена была взята войсками Красной Армии 13 апреля 1945 года после кровопролитных боёв, которые стоили больших жертв советским войскам в результате того жестокого сопротивления, которое оказывали, наряду с германской армией, австрийские войска под руководством своих немецких правителей. Известно, что день падения Вены отделён от дня падения Берлина всего лишь тремя неделями. Поэтому мы вправе утверждать, что Австрия до конца этой войны стояла на стороне Гитлера. И это, несмотря на декларацию об Австрии, в которой правительства Советского Союза, Великобритании и Соединённых Штатов Америки призывали Австрию отложиться, отделиться от Германии, порвать с Германией, перейти на сторону Объединённых наций и предупреждали об ответственности, которую Австрия понесёт в том случае, если и дальше будет содействовать борьбе против Объединённых наций на стороне Гитлера. Несмотря на то, что, как указывалось в декларации трёх министров, при окончательном урегулировании неизбежно будет принят во внимание собственный вклад Австрии в дело её освобождения, она ничего не сделала для того, чтобы действительно внести этот вклад в дело своего освобождения, в дело общей освободительной борьбы Объединённых наций, в дело борьбы против гитлеровской Германии и её сообщников.

Возникает поэтому законный вопрос: в каком качестве могла бы быть приглашена Австрия на настоящую конференцию? Мы все знаем, что Австрия явилась первой жертвой гитлеровской агрессии, задачу освобождения которой от германского господства поставили в качестве одной из своих задач правительства Советского Союза, Великобритании и Соединённых Штатов Америки. Разумеется, это обстоятельство ставит Австрию в особое положение по сравнению с другими странами, поднявшими вместе с Германией войну против Объединённых наций. Но даже с учётом этих обстоятельств нельзя признать за Австрией никакого права требовать, чтобы настоящая конференция занялась рассмотрением территориальных претензий австрийского правительства по отношению к каким бы то ни было другим государствам и, в частности, по отношению к Италии.

Парижская конференция имеет своей задачей обсудить проекты мирных договоров, которые должны быть заключены между Объединёнными нациями и бывшими сателлитами Германии, находившимися в войне с Объединёнными нациями — Италией, Румынией, Болгарией, Венгрией, Финляндией. Парижская конференция имеет своей задачей, таким образом, урегулирование отношений с этими государствами и заключение с ними с этой целью мирных договоров. В этой связи Парижская конференция должна рассмотреть ряд вопросов, составляющих содержание указанных мирных договоров, или вопросов, непосредственно связанных с этими договорами. Мирную конференцию могут и должны интересоваться лишь те вопросы, которые связаны с областью отношений между Объединёнными нациями, с одной стороны, и пятью бывшими вражескими странами, находившимися в состоянии войны с Объединёнными нациями, — с другой стороны. Такова задача, которая стоит перед конференцией.

Конференция не должна и не может заниматься, по твёрдому убеждению советской делегации, рассмотрением вопросов, которые выходят за пределы её задач, — задач, связанных с подготовкой мирных договоров для пяти указанных выше государств. Совершенно очевидно, что в компетенцию конференции не входит рассмотрение претензий со стороны государств, не находившихся в состоянии войны с этими вражескими странами. Австрия не находилась в состоянии войны с Италией, Австрия до последнего дня была в союзе с Гитлером, в союзе с основным виновником этой войны. Австрия и Италия не находились в состоянии войны друг с другом. Следовательно, нет оснований для рассмотрения на нынешней конференции в Париже взаимных претензий между этими странами.

При той постановке вопроса, которая даётся британской делегацией, — продолжает Вышинский, — Парижская конференция должна была бы заняться рассмотрением взаимных претензий стран, находившихся во вражеском лагере в борьбе против Объединённых наций.

Для этого ли созвана наша конференция? Достаточно поставить этот вопрос, чтобы было совершенно ясно, что не дело Парижской конференции заниматься рассмотрением территориальных претензий, которыми имеет в виду занять наше время австрийское правительство. У австрийского правительства могут быть и, очевидно, есть претензии к Италии. Но это не имеет никакого отношения к нынешней конференции. Пусть эти претензии Австрия предъявляет в другом месте, а не на этой конференции, в задачи которой не входит рассмотрение такого рода вопросов.

Нам могут сказать, как это и говорил Макнейл, что Куба и Мексика приглашены высказать свои взгляды на конференции, но они менее заинтересованы в договоре с Италией, чем Австрия. Но Куба и Мексика — члены Объединённых наций. Я думаю, что ни Макнейл, ни кто другой не станут отрицать некоторых элементарных фактов, которые говорят о праве Кубы и Мексики на то, чтобы изложить на конференции свои взгляды по тем или другим частям пунктов мирных договоров. Во-первых, они являются членами

Объединённых наций, во-вторых, они находились в состоянии войны с Италией и, в-третьих, они понесли известные жертвы в этой войне. Пусть эти жертвы небольшие, пусть заслуги этих государств перед общим делом борьбы с врагами не были решающими, как это приписывают себе другие, но, во всяком случае, факт остаётся фактом: все дополнительно приглашённые на конференцию государства были врагами наших врагов. И было бы странно слышать, если бы Макнейл стал отрицать такие факты. Мы утверждаем, что нельзя сравнивать Австрию с Кубой и Мексикой. Австрия, конечно, ни в какой мере не может быть поставлена в один ряд с этими членами Объединённых наций, как бы это ни старался здесь обосновать Макнейл.

Говорят об Албании, ссылаясь на то, что она не была членом Объединённых наций. Но Макнейл забыл или не принял во внимание, что Албания активно боролась против Италии и что в нашем проекте мирного договора с Италией Албании посвящён целый раздел. Этого нельзя забывать. Если вы развернёте проект мирного договора с Италией, то увидите, что вопросу об Албании посвящён целый пятый раздел — статьи 21, 22, 23, 24, 25, 26 посвящены Албании. Как же при этих обстоятельствах можно не пригласить сюда Албанию, когда в этих статьях говорится о важных для неё вопросах, затрагивающих её кровные интересы? Я думаю, что это бесспорно и мне незачем доказывать эту очевидную истину, поскольку решение конференции о приглашении Албании состоялось, и мы обязаны уважать это решение.

А каково в этом отношении положение с Австрией? Имеется ли в проекте мирного договора с Италией хотя бы одна статья, затрагивающая интересы Австрии? Нет ни одной такой статьи. Есть единственная статья 10, которую я считаю необходимым напомнить тем, кто защищает предложение о приглашении сюда Австрии. Статья 10 гласит: «Италия заключит или подтвердит соглашение с Австрией, чтобы гарантировать беспрепятственное пассажирское и грузовое движение между Северным и Восточным Тиролем».

Но, чтобы подтвердить соглашение о железнодорожном движении между Австрией и Восточным Тиролем, нет решительно никакой необходимости приводить в движение весь механизм нашей конференции. Кроме того, должен добавить, что этот вопрос относится к тем вопросам, которые подлежат урегулированию в порядке двустороннего договора. Статья 10 об этом и говорит. По существу, эта статья ничего не решает и, следовательно, не может затрагивать интересов Австрии, хотя бы в минимальных размерах. Такие статьи, как статья 10, юристы называют «отсылочными» статьями, потому что в этих статьях содержится лишь отсылка к какому-либо порядку разрешения вопроса, — в данном случае имеется отсылка к решению вопроса путём двустороннего договора. И это совершенно логично и правильно, потому что урегулирование железнодорожного движения в районе австро-итальянской границы не имеет и не должно иметь никакого отношения к вопросам, обсуждающимся на Парижской конференции.

Но нам говорят, что у Австрии имеются к Италии претензии в отношении Южного Тироля. Нам напомнили о том, что этот вопрос рассматривался в Совете министров иностранных дел, добавляя, что если Совет министров уделил этому вопросу внимание, то и Мирная конференция должна уделить этому вопросу внимание. Это довольно удивительная логика. Я пришёл бы к другому выводу: именно потому, что этот вопрос был рассмотрен в Совете министров и там не нашёл поддержки, поскольку Совет министров единодушно отклонил претензии Австрии в отношении Тироля, — конференции не следует заниматься этим вопросом. У нас нет никаких оснований засорять работу нашей конференции лишними проблемами. Кстати сказать, об ускорении работы конференции говорят очень многие и очень много. Нужно действительно беречь время. Это тоже один из доводов против приглашения Австрии. В самом деле, какое конференция имеет право тратить своё время на рассмотрение притязаний австрийского правительства на Южный Тироль, на который претендует Австрия за счёт Италии, пытаясь использовать Парижскую конференцию, чтобы изменить Сен-Жерменский договор 1919 года? Австрия домогается получить новые земли. Но, я спрашиваю, в награду за что, в качестве премии за какие усилия в борьбе демократических стран против гитлеровской Германии? Нет таких усилий, нет оснований для такой постановки вопроса. Так рассуждал, очевидно, и Совет министров иностранных дел, когда он отклонил домогательства Австрии. Чтобы не быть голословным, я напомню только то, чем закончилось в Совете министров рассмотрение вопроса о Южном Тироле, который Австрия пытается вновь, при содействии британской делегации, притащить сюда, на конференцию, отвлекая нас без всяких оснований от наших основных задач. Для того, чтобы напомнить, чем закончилось это дело в Совете министров иностранных дел, приведу свою запись о заседании Совета министров 24 июня этого года. Вот эта запись: «На заседании Совета министров по вопросу об австро-итальянской границе Молотов внёс следующее предложение:

«Рассмотрев доклад Комитета экспертов по вопросам гидро-электроэнергии, в связи с австрийской претензией о незначительном исправлении австро-итальянской границы в северо-восточной части Альто-Адидже (Южный Тироль), Совет министров не может признать названные претензии Австрии в качестве «незначительных изменений» австро-итальянской границы, как это представляется в памятной записке генерального правительства Австрии от 30 мая 1946 года».

Дальше у меня в записи значится: «Бирнс заявил, что делегация США может согласиться с предложением, внесённым советской делегацией».

Дальше записано: «Бидо сказал, что он не может считать претензии австрийского правительства незначительными. У Совета министров нет оснований лишать Италию значительных ресурсов электроэнергии в северной части Южного Тироля. В этом районе ресурсы электроэнергии не столь малы, как в районе Тенда-Брига, на которые претендует Франция».

Бевин заявил, что английская делегация принимает предложение советской делегации, но одновременно он хотел бы выразить надежду, что Италия и Австрия придут к разумному соглашению об использовании железных дорог, соединяющих восточную часть австрийского Тироля с её северной частью.

Таким образом, все четыре делегации единодушно признали, во-первых, что претензии Австрии по отношению к Италии неприемлемы по существу. Во-вторых, что они отнюдь не являются теми незначительными изменениями границы, которые готов был допустить Совет министров. В-третьих, что в силу всего этого просьба Австрии должна быть отклонена.

Так обстоит дело.

После всего изложенного я спрашиваю конференцию, — какие имеются юридические, политические и, я бы сказал, морально-политические основания для того, чтобы пригласить Австрию на эту конференцию? Советская делегация на этот вопрос отвечает одним, но твёрдым категорическим словом: нет. (*Аплодисменты.*)

(*Спец. корр. ТАСС*)

«Известия» № 195 (9111)
от 18 августа 1946 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. Я. ВЫШИНСКОГО НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ВОПРОСУ О ПРИГЛАШЕНИИ НА КОНФЕРЕНЦИЮ ДЕЛЕГАЦИИ ИРАНА

(17 августа)

Конференция рассмотрела вопрос о приглашении на конференцию делегации Ирана, от правительства которого поступило по этому поводу мотивированное ходатайство.

Выступая с поддержкой этого ходатайства, представитель советской делегации Вышинский напомнил, что ещё 4 июня 1946 года иранское правительство обратилось к послам пяти великих держав, настаивая на своём праве принять участие в работе Мирной конференции. 25 июля оно повторило свою просьбу. Наконец, 10 августа аналогичное письмо было направлено иранской миссией в Париже генеральному секретарю конференции. Иранское правительство считает, что Ирану, входящему в состав организации Объединённых наций, вложившему свои усилия в дело победы над общим врагом и понёсшему при этом ущерб, должно быть дано право участвовать в рассмотрении проектов мирных договоров с бывшими союзниками Германии.

Советская делегация, указал Вышинский, считает обращение иранского правительства вполне обоснованным, правильным и законным. В декларации трёх держав об Иране, сделанной в декабре 1943 года, правительства Советского Союза, Великобритании и

Соединённых Штатов признали помощь, которую Иран оказал Объединённым нациям в войне против общего врага. В этой декларации указывалось, что Иран будет участвовать совместно с другими миролюбивыми нациями в установлении международного мира, безопасности и прогресса после войны.

Вышинский подчеркнул, что иранское правительство имеет право быть приглашённым на конференцию на тех же основаниях, на каких были приглашены союзные державы, не значившиеся в первоначальном списке участников конференции...

Предложение советской делегации было принято единогласно. Делегация Ирана приглашается на конференцию на тех же основаниях, на которых были приглашены делегации Албании, Мексики, Кубы и Египта.

(Спец. корр. ТАСС)

«Известия» № 195 (9111)
от 18 августа 1946 г.

К ВОПРОСУ О РЕПАРАЦИЯХ

РЕЧЬ В. М. МОЛОТОВА НА ЗАСЕДАНИИ КОМИССИИ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ ВОПРОСАМ, ОТНОСЯЩИМСЯ К РУМУНИИ, БОЛГАРИИ, ВЕНГРИИ И ФИНЛЯНДИИ, ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

(26 августа)

Господин председатель, господа члены комиссии, советская делегация приносит благодарность австралийской делегации за то, что она так подробно изложила мотивы, по которым она внесла свою поправку к статье мирного договора по румынским репарациям. Советская делегация считала весьма важным выслушать эти мотивы, чтобы знать, какие причины заставляют австралийскую делегацию вносить свои предложения, которые полностью опрокидывают условия перемирия с Румынией, заключённого два года тому назад Советским Союзом, Великобританией и Соединёнными Штатами Америки от имени Объединённых наций. Теперь мы знаем, в чём дело, и знаем также, что эти предложения поддерживает греческая делегация.

I

ПОСЛЕДСТВИЯ АГРЕССИИ В СССР

Австралия находится не меньше чем за 17 тысяч километров от Румынии. Надо пересечь два океана, чтобы попасть из Австралии в Румынию. Казалось, должны иметься серьёзные причины, если Австралия считает нужным так активно вмешиваться в вопрос о

репарациях с Румынии для Советского Союза и настаивать здесь на фактической отмене этих репараций. Интересно, что именно Австралия взяла на себя эту задачу, проявляя особую заинтересованность в этом вопросе.

Положение Советского Союза в этом вопросе не такое, как Австралии. Румыния не нападала на Австралию и не могла этого иметь даже в уме. Австралия, хотя формально и объявила войну Румынии, но не истратила ни одного патрона против фашистских войск Антонеску. Другое дело — Советский Союз. 22 июня 1941 г., когда Германия вероломно напала на Советский Союз, вместе с гитлеровской бандой на Советский Союз напала и Румыния, возглавляемая тогда одним из гитлеровских лакеев — Антонеску. Таким образом, Румыния Антонеску была в сговоре с германским агрессором, вторгшись в Советский Союз и выступив против других Объединённых наций. Может быть, живя на расстоянии 17 тысяч километров от Румынии, можно обо всём этом забыть, но мы — советские люди — не можем об этом забыть. Мы не можем забыть о том, что румынские войска под командой фашиста Антонеску вторглись в Советский Союз летом 1941 г., прошли через всю южную Украину, разоряя всё на своём пути, так же как и гитлеровцы, уничтожая города и сёла, оккупировав юго-западную часть Украины вместе с нашим прекрасным южным городом — Одессой, где они хозяйничали два с половиной года, оккупируя и разоряя наш замечательный Крым, и дошли до Волги, где они вместе с немцами осаждали наш славный Сталинград. Может быть, австралийская делегация обо всём этом забыла или просто не хочет знать об этих фактах? Тем не менее я обратил бы внимание австралийской делегации на эти важные факты и на имевшуюся у них возможность лично убедиться, что означало вторжение в Советский Союз фашистских войск Антонеску.

Не буду приводить большого количества фактов, чтобы показать, что означало вторжение Германии и её сателлитов в Советский Союз. Достаточно будет сослаться на документ, опубликованный ко всеобщему сведению 13 сентября 1945 г. от имени Чрезвычайной Государственной Комиссии СССР по установлению и расследованию злодеяний немецких захватчиков и их союзников на территории Советского Союза. Эта Чрезвычайная Государственная Комиссия, составленная из выдающихся общественных деятелей, была создана высшим органом — Верховным Советом СССР. Вот что говорится о результатах разбойничьего нападения на Советский Союз Германии и её сателлитов в опубликованном этой комиссией документе:

Германия и её бывшие сателлиты «полностью или частично разрушили и сожгли 1710 городов и более 70 тысяч сёл и деревень, сожгли и разрушили свыше 6 миллионов зданий и лишили крова около 25 миллионов человек. Среди разрушенных и наиболее пострадавших городов — крупнейшие промышленные и культурные центры: Сталинград, Севастополь, Ленинград, Киев, Минск, Одесса, Смоленск, Новгород, Псков, Орёл, Харьков, Воронеж, Ростов-на-Дону и многие другие».

Германия и её бывшие сателлиты «разрушили 31 850 промышленных предприятий, на которых было занято около 4 миллионов рабочих; уничтожили или вывезли 239 тысяч электромоторов, 175 тысяч металлообрабатывающих станков.

Разрушили 65 тысяч километров железнодорожной колеи, 4 100 железнодорожных станций, 36 тысяч почтово-телеграфных учреждений, телефонных станций и других предприятий связи.

Уничтожили или разгромили 40 тысяч больниц и других лечебных учреждений, 84 тысячи школ, техникумов, высших учебных заведений, научно-исследовательских институтов, 43 тысячи библиотек общественного пользования.

Разорили и разграбили 98 тысяч колхозов, 1 876 совхозов и 2 890 машинно-тракторных станций; зарезали, отобрали или угнали в Германию 7 миллионов лошадей, 17 миллионов голов крупного рогатого скота, 20 миллионов голов свиней, 27 миллионов овец и коз, 110 миллионов голов домашней птицы».

На основании многочисленных актов и документов Чрезвычайная Государственная Комиссия установила, что общий размер прямого ущерба, причинённого народному хозяйству СССР и отдельным сельским и городским жителям, определяется суммой в 679 миллиардов рублей.

Таковы бедствия, причинённые Советскому Союзу разбойничьим нападением Германии и её бывших сателлитов. Румыния несёт немалую долю ответственности за эти бедствия, за это неслыханное разорение нашей страны. Предлагает ли австралийская делегация, чтобы советские люди забыли обо всех этих фактах, когда и теперь ещё, особенно на юге СССР, вы можете встретиться всюду с тяжёлыми последствиями войны, с оставшимися после войны разрушениями и с разорёнными семьями советских людей? Но я не сомневаюсь, что честные люди во всём мире знают и помнят об этом, об этих фактах, которые говорят сами за себя.

II

ВОЗМЕЩЕНИЕ УЩЕРБА

После того, что было мною указано о разорении и бедствиях, причинённых Советскому Союзу и его гражданам агрессорами в годы 1941—1942—1943—1944,—после всего этого мы должны обратиться к тем условиям перемирия, которые были подписаны при окончании войны с Румынией. Можно, конечно, стать в позу объективных людей и теперь рассуждать, что условия перемирия были подписаны второпях и поэтому, дескать, нельзя считать, что эти условия перемирия были хорошо продуманы и что их можно оставить в силе. Но, господа, я обращаю внимание на следующее: эти условия перемирия были подписаны не только Советским Союзом, но также Великобританией и Соединёнными Штатами Америки и до подписания подробно обсуждались правительствами Советского Союза, Великобритании и Соединённых Штатов. Напомню также о том, что условия перемирия, которые заключил Советский

Союз и две других союзных державы с Румынией, Венгрией и Болгарией, а также с Финляндией,— эти условия перемирия в своё время подробно обсуждались вместе с представителями указанных побеждённых государств, а затем были полностью и сразу же опубликованы.

В чём заключались эти условия по вопросу о репарациях с Румынии?

В условиях перемирия об этом было точно сказано. При этом была установлена точная сумма репараций и было сказано, что Румыния должна возместить ущерб, причинённый Советскому Союзу, только частично, так как было принято во внимание, что Румыния не просто вышла из войны, а включилась в войну против Германии и выставила свыше 10 дивизий в помощь союзным войскам для победы над Германией и её сателлитами. В проекте мирного договора, который представлен конференции Советом министров иностранных дел, повторено полностью то, что было сказано по репарациям в условиях перемирия. Я прочитаю статью 22, в которой говорится о репарациях и к которой австралийская делегация внесла свои поправки. Вот текст этой статьи:

«Убытки, причинённые Советскому Союзу военными действиями и оккупацией Румынией советской территории, будут Румынией возмещены Советскому Союзу, причём, принимая во внимание, что Румыния не просто вышла из войны против Объединённых наций, а объявила войну и вела её на деле против Германии, Стороны улаиваются о том, что возмещение указанных убытков будет произведено Румынией не полностью, а только частично, а именно: в сумме 300 миллионов американских долларов, с погашением в течение восьми лет с 12 сентября 1944 года, товарами (нефтепродукты, зерно, лесные материалы, морские и речные суда, различное машинное оборудование и т. д.)».

Эта статья мирного договора с Румынией при рассмотрении данного вопроса в Совете министров иностранных дел не вызвала никаких сомнений ни у представителя Великобритании, ни у представителя Соединённых Штатов Америки, ни у представителя Франции, который присутствовал на всех заседаниях, где обсуждался этот вопрос. Оказывается, эта статья вызывает теперь возражения со стороны австралийской делегации, которая, однако, не представила никаких конкретных предложений и никаких данных, подтверждающих её точку зрения о необходимости коренного изменения этой статьи.

Мне остаётся отметить, что по сравнению с условиями перемирия в этой статье была сделана одна поправка: по инициативе Советского правительства срок уплаты репараций в проекте мирного договора был установлен не в шесть лет, а в восемь лет. Это сделано Советским правительством для того, чтобы облегчить демократическому правительству Румынии уплату репараций. Советское правительство делало и другие облегчения в выполнении репараций Румынией, и для этого заключались соответствующие советско-румынские соглашения. С другой стороны, всем известно и о том, что, когда подписывались условия перемирия, демократи-

ческое правительство Румынии полностью согласилось с условиями перемирия и, в частности, полностью было согласно с той суммой репараций в 300 миллионов долларов и с тем порядком уплаты репараций, как это записано в условиях перемирия.

Больше того, выступавший на конференции 13 августа министр иностранных дел Румынии г-н Татареску заявил следующее:

«В вопросе о репарациях, которые должны быть выплачены союзным и соединённым державам, мы не могли бы умолчать о том, что Советский Союз, которому более, чем какой-либо иной державе, принадлежит право требовать от Румынии полных репараций, ограничился тем не менее требованием возмещения лишь одной пятой ущерба, понесённого им по её вине».

Таким образом, г-н Татареску от имени румынского правительства признаёт, что эти репарации являются обоснованным требованием Советского Союза и что они составляют лишь одну пятую часть того ущерба, который причинили румынские войска Советскому Союзу. У него нет никаких возражений по этому вопросу.

Справедливость этого требования Советского Союза не может никто оспорить. Можно указать, что о справедливости и обоснованности этого требования имеются многочисленные заявления общественных деятелей в демократических странах.

III

ОШИБОЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ АВСТРАЛИЙСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ

Но вот, видите ли, австралийская делегация держится другого мнения. Она изображает дело так, что эта делегация больше заботится об интересах Румынии, чем само румынское правительство. Австралийская делегация стремится кого-то убедить, что она в данном случае якобы лучше понимает положение, чем это поняли Советский Союз, Великобритания и Соединённые Штаты Америки, дважды подробно обсуждавшие и одобrivшие это решение.

Австралийская делегация говорит нам, что в принципе она согласна с необходимостью уплаты репараций Румынией Советскому Союзу. Австралийская делегация сегодня не раз декларировала здесь о своих добрых намерениях. Но дело ведь не в количестве заявлений о добрых намерениях.

Говорят, что «добрыми намерениями дорога в ад вымощена». Нас интересуют не фразы о добрых намерениях, а действительное значение тех предложений, которые вносит австралийская делегация.

Что же предлагает австралийская делегация?

Австралийская делегация предлагает не устанавливать на конференции размер репараций и отложить рассмотрение этого вопроса на шесть месяцев, создать для этого комиссию из представителей семи государств, а пока прекратить уплату репараций Советскому Союзу. Таково первое предложение этой делегации.

Но, позвольте, размер репараций уже установлен. Уже 86 миллионов из 300 миллионов долларов репараций уплачены Румынией Советскому Союзу. Разве это не так? При этом Румыния признавала и признаёт правильность возложенных на неё обязательств по репарациям. И тем не менее австралийская делегация предлагает конференции зачеркнуть одно из самых важных условий перемирия, затеять на шесть месяцев дискуссию о репарациях в какой-то никому не нужной комиссии и сорвать выполнение репараций, которые вот уже в течение двух лет добросовестно выполняются румынским правительством.

Получается так: австралийская делегация делает декларацию за уплату репараций, а на деле её предложение ведёт к срыву репараций.

Второе предложение австралийской делегации заключается в том, чтобы репарации выплачивались либо в долларах, либо в фунтах стерлингов, а не поставками румынских товаров, как это предусмотрено условиями перемирия.

Но что означает такое предложение австралийской делегации? Это означает — заставить Румынию по дешёвке продавать свои товары за границей, чтобы выручить американские доллары и английские фунты стерлингов, что совершенно невыгодно Румынии, но может встретить одобрение у определённых кругов Соединённых Штатов Америки и Англии. Австралийская делегация почему-то находит, что это справедливо. С точки зрения некоторых кругов Соединённых Штатов Америки и Великобритании, может быть, это и будет казаться правильным. Но для Румынии это составит большие затруднения и может оказаться петлёй на её шее. Австралийская делегация усиленно предлагает свои услуги тем, у кого много долларов и фунтов стерлингов, хотя об этом её не просит Румыния, для которой это крайне обременительно, и хотя СССР, который заинтересован в репарациях, также не просит об этом австралийскую делегацию. И всё это будто бы обосновывается тем, что австралийская делегация заботится об интересах Румынии. Нет, это не так. Это, может быть, забота о долларе или забота о фунте стерлингов или ещё что-нибудь, но при чём тут интересы Румынии?

Если мы так будем защищать интересы Румынии, очень тяжело ей придётся от таких «забот». Это поставит Румынию в кабалу от доллара, от фунта стерлингов, чего нельзя допустить. Не так надо помогать Румынии. Ей надо помогать в восстановлении и в развитии промышленности и сельского хозяйства, в укреплении её собственной валюты с тем, чтобы она могла выполнить свои обязательства путём развития своей промышленности и увеличением производства своих товаров, которые производятся внутри страны. Если австралийская делегация хотела своим предложением помочь Румынии, то она шла в дверь, а попала в другую. Во всяком случае никто об этом не просил австралийскую делегацию.

Что же получается? На словах австралийская делегация хлопочет за интересы Румынии и за уплату репараций, а на деле её предложение наносит вред Румынии и срывает выполнение репараций Советскому Союзу.

IV

АВСТРАЛИЙСКИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОТКЛОНЕНЫ

Понимает ли австралийская делегация то, что она делает? Предложение австралийской делегации заключается в том, чтобы конференция не устанавливала размера репараций, хотя этот размер уже давно установлен и хотя репарации уже выплачиваются, причём это не вызывает возражений со стороны самого румынского правительства. Предложение австралийской делегации оставить вопрос о размере репараций открытым на шесть месяцев на деле означает срыв репараций Советскому Союзу. Если бы так было сделано, то это было бы тяжёлым ударом по делу восстановления тех районов Украины, Крыма и других областей СССР, которые были разорены немецкими, румынскими и другими оккупантами. Это нанесло бы большой вред восстановлению в этих районах промышленности и сельского хозяйства, восстановлению школ и больниц и причинило бы серьёзную обиду населению прежде всего этих районов Советского Союза. Нанести такой удар по восстановлению пострадавших от агрессии районов в Советском Союзе — кому это нужно? Почему срывать репарации, которые установлены для Румынии? Зачем нужно наносить удар по восстановлению разрушенных районов Украины, Крыма и других территорий Советского Союза, подвергшихся грабительской оккупации врага?

Австралийская делегация настаивает на том, чтобы был изменён действующий уже два года порядок выплаты репараций. Она предлагает перейти на уплату репараций долларами и фунтами стерлингов, получение которых для Румынии затруднительно, причём СССР также не считает это целесообразным, и обе страны, как Советский Союз, так и Румыния, удовлетворены существующим порядком выплаты репараций товарами. И тем не менее австралийская делегация своим непрошеным вмешательством хочет расстроить те отношения, которые установились между Румынией и Советским Союзом. Она предлагает расстроить то советско-румынское соглашение, которое есть, и отбросить прочь это соглашение. Это может пойти на пользу только тем, кто хочет расстроить отношения между Советским Союзом и Румынией. Но, господа из австралийской делегации, вам следует знать, что как у советских людей, так и у румын в лице широких демократических кругов имеется стремление не только не расстраивать установившиеся дружественные отношения, а дальше развивать их на пользу обеих стран. Ведь это соответствует интересам всех демократических стран. Ваши же предложения могут повести только к тому, чтобы подорвать дружбу между Румынией и Советским Союзом, расстроить те дружественные отношения, которые установились между Румынией и Советским Союзом. Я не думаю, чтобы в этом была заинтересована Австралия или австралийский народ. Я не думаю, чтобы австралийская делегация, когда она поймёт, к чему ведут её предложения, стала защищать эти неправильные и вредные предложения.

Как вы знаете, австралийская делегация предлагает, чтобы конференция сама не решала вопрос о том, какой размер репараций должен быть установлен для Румынии, чтобы конференция передала этот вопрос в комиссию из нескольких государств, которая должна ещё шесть месяцев вести всякие дискуссии по этому вопросу. Однако не может быть сомнения, что если согласиться на такое предложение, то этим был бы нанесён большой удар по делу мира в Европе. В самом деле, разве интересам установления прочного мира в Европе может содействовать откладывание на какой-то новый срок принятия решений по важным вопросам мирных договоров? Разве демократические государства заинтересованы в том, чтобы те вопросы, которые уже были урегулированы между союзными странами и бывшими сателлитами Германии,— чтобы эти вопросы были теперь оставлены открытыми, а принятые ранее решения были бы ликвидированы? Разве кто-нибудь, кто хочет прочного мира в Европе, может поддержать такие предложения? Нет. Такие предложения могут поддержать только те, которые не хотят установления устойчивого мира в Европе. Тот, кто дорожит интересами мира, тот, кто действительно хочет устойчивого мира в Европе,— тот не может вносить такие предложения, если он понимает, к чему ведут такие предложения.

На конференции уже делалось предложение отложить на год рассмотрение некоторых важных вопросов. Австралийская делегация идёт как раз по такому же пути. Что же это будет означать, если Мирная конференция всё новые и новые вопросы будет оставлять открытыми, чтобы предоставить их решение в каких-то комиссиях, где-то после конференции? Разве решение какой-то случайной комиссии будет более авторитетным, чем мнение, высказанное конференцией, или решение Совета министров иностранных дел? Никто с этим не может согласиться. На деле принятие такого предложения приведёт только к подрыву авторитета Мирной конференции и нанесёт ущерб делу мира в Европе. Если мы пойдем по пути австралийской делегации, предложившей во всех мирных договорах вопрос о репарациях сдать на шесть месяцев в злополучную комиссию, и значит, оставить его открытым, мы наплодим много нерешённых вопросов, и тогда вся эта Мирная конференция не будет иметь никакого серьёзного значения. Советская делегация никак не может согласиться с такой позицией.

После всего сказанного совершенно очевидно бесплодность и вредность австралийских поправок к проекту мирного договора с Румынией и с другими бывшими сателлитами Германии. Такого рода поправки не могут нам помочь, а могут лишь запутать работу конференции.

Но всё же, может быть, в какой-то мере предложения австралийской делегации продиктованы национальными интересами Австралии? Не трудно, однако, убедиться, что эти предложения не имеют ничего общего с национальными интересами Австралии. Австралийский народ, конечно, не может желать, чтобы мы отложили важный вопрос о мире на какое-то неопределённое будущее время, чтобы конференция разошлась, не рассмотрев наиболее

крупных вопросов, и чтобы, кроме того, конференция нарушила и сломала те решения, которые были приняты в условиях перемирия. Такие ошибки могут допустить отдельные австралийцы, как равным образом и какие-нибудь не австралийские реакционеры, которым чужды интересы установления прочного мира и которые любят ловить рыбу в мутной воде. Но при чём тут австралийский народ? Австралийский народ, как и все другие миролюбивые народы, стремится к установлению прочного мира в Европе и во всём мире, и в этом ему пойдёт навстречу настоящая конференция. Наша конференция представляет демократические государства. Она не захочет помогать реакционным силам, империалистическим планам которых может соответствовать откладывание решения важных вопросов мирных договоров. Мирная конференция должна сделать всё, что от неё зависит, чтобы пострадавшие от агрессии народы не остались без справедливого возмещения причинённого им агрессором ущерба и чтобы эта конференция дала правильное направление для безотлагательного решения вопросов, поставленных в мирных договорах, так как это отвечает интересам создания устойчивого и прочного мира.

Кому могут быть приятны поправки австралийской делегации? Если бы австралийская делегация ещё раз подумала над своими поправками, она, вероятно, поняла бы, что её поправки выгодны только тем, кто хотел бы как можно больше затянуть и запутать решение основных вопросов мирных договоров. Если бы бывшие агрессоры имели своего адвоката на нашей конференции, он мог бы настаивать на такого рода предложениях и поправках. Однако кому нужны адвокаты агрессора на этой конференции? Австралийская делегация, конечно, согласится, что на Мирной конференции — не место для адвокатской защиты агрессоров. Но в таком случае следует сделать соответствующие выводы и не настаивать больше на ошибочных поправках, внесённых австралийской делегацией.

Наконец, следует вспомнить и об общественном мнении демократических стран, которым не следует пренебрегать. Вся работа Мирной конференции находится под постоянным наблюдением этих общественных кругов. А если так, то спросите себя, кого можно убедить в демократических кругах, что предложения австралийской делегации отвечают интересам справедливости и интересам прочного мира в Европе? В демократических общественных кругах предложения австралийской делегации не могут встретить одобрения. Эти предложения, ведущие к срыву прежних соглашений, наносят тяжёлый ущерб странам, серьёзно пострадавшим от агрессии, как, например, Советскому Союзу. Эти предложения выгодны тем странам, которые богаты накопленными за годы войны долларами и фунтами стерлингов, но ведут к экономическому угнетению стран, ослабленных войной. Эти предложения, направленные на откладывание окончательного решения таких важных вопросов мирных договоров, как вопрос о репарациях, наносят тяжёлый удар по всем попыткам содействовать установлению прочного мира. Теперь ясно, насколько неправильными и вредными являются предложения австралийской делегации, а также то, что в общественных кругах

демократических стран они встретят лишь отрицательное отношение.

Вот почему хотелось бы надеяться, что австралийская делегация откажется от своих вредных поправок, и уж во всяком случае они не должны получить поддержки со стороны конференции.

Советская делегация предлагает отклонить предложения австралийской делегации по вопросу о репарациях как ошибочные и вредные.

Вместе с тем советская делегация предлагает по вопросу о репарациях одобрить предложение Совета министров иностранных дел, которое хорошо взвешено и отвечает справедливым интересам пострадавших от агрессии стран и интересам установления устойчивого и длительного мира.

«Известия» № 202 (9118)

от 27 августа 1946 г.; см. также

В. М. Молотов, Вопросы внешней политики,
стр. 129—143.

ЕЩЕ О РЕПАРАЦИЯХ

РЕЧЬ В. М. МОЛОТОВА НА ЗАСЕДАНИИ КОМИССИИ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ ВОПРОСАМ ПРОЕКТА МИРНОГО ДОГОВОРА С ИТАЛИЕЙ ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

(27 августа)

Когда обсуждались вопросы процедуры, австралийская делегация проявляла исключительную заинтересованность. Теперь видно, как австралийская делегация стремится использовать права, предоставленные процедурой конференции. Она проявляет особую активность в вопросе о репарациях. Мы видим, что по вопросу о репарациях австралийская делегация выступает со своими предложениями, опрокидывающими принятые решения, уже не в первой этой комиссии.

I

ТЕНДЕНЦИОЗНОСТЬ АВСТРАЛИЙСКИХ ПОПРАВК

Что бросается в глаза в этих предложениях австралийской делегации? Прежде всего то, что они все сделаны по одному шаблону. В отношении всех стран, для которых мы сейчас рассматриваем мирные договоры, австралийская делегация выступает с одним

и тем же стандартным предложением. Некоторые отличия в деталях не меняют их шаблонного характера. Она предлагает не устанавливать размера репараций ни для Румынии, ни для Италии, ни для Венгрии, ни для Финляндии, ни для Болгарии. Хотя это совершенно различные государства, у австралийской делегации для всех этих стран — один шаблон по вопросу о репарациях. Другой вопрос. Она везде предлагает, чтобы репарации производились не натурой, не товарами той страны, которая должна уплачивать репарации, а иностранной валютой, долларами или фунтами стерлингов или другой иностранной валютой. И здесь — одна мерка для всех пяти стран. Она предлагает дальше вопрос о репарациях по существу не решать на этой конференции, а перепоручить решение этого вопроса комиссии из представителей семи членов. Она даже предлагает направить в эту комиссию и вопросы репараций, касающиеся Германии и Австрии, хотя эти вопросы вовсе не касаются данной конференции. Тот факт, что нам предлагается принять шаблонные решения по репарационному вопросу для пяти и даже для семи стран, сам этот факт уже говорит за то, что предложения австралийской делегации не относятся к конструктивным предложениям. Эти предложения имеют, однако, свой определённый характер в том смысле, что они неприемлемы для пострадавших от агрессии государств, но в странах, ответственных за агрессию, они встретят сочувствие у тех, кто стремится уклониться от репараций.

Между тем неправильность упрощённого подхода по шаблону к разным странам совершенно очевидна. Нельзя же в самом деле считать, что в вопросе о репарациях с Германии — с одной стороны, и, скажем, с Болгарии — с другой стороны, допустима одна и та же мерка, один и тот же стандарт. В таких случаях шаблон может очень повредить делу.

Но и в шаблоне австралийской делегации нетрудно заметить определённую тенденцию, когда дело идёт о её отношении, например, к СССР. Прошёл всего лишь год после окончания войны, а уже есть такие люди, даже в союзных государствах, которые забыли или начинают забывать о том, какую роль сыграл Советский Союз в разгроме нашего общего врага и в достижении победы союзников, и при этом слишком легко забывают о тех жертвах, которые принёс Советский Союз во имя свободы и независимости своей страны и во имя общего дела союзников. Посмотрите, что происходит на наших глазах. Известно, что Советский Союз совместно с другими союзными государствами установил репарации для Румынии, Венгрии и Финляндии. Эти государства уже второй год выплачивают репарации, причём никаких недоразумений между Советским Союзом и этими государствами не было. Несмотря на это, австралийская делегация предлагает прекратить выплату репараций Советскому Союзу Румынией, Венгрией и Финляндией и передать весь вопрос о репарациях в придуманную ею комиссию, разрушив тем самым действующие соглашения. Совет министров иностранных дел установил репарации для Советского Союза только в 100 миллионов долларов с уплатой этой суммы в течение

ние семи лет. Решение принято после очень больших обсуждений, после очень внимательного рассмотрения этого вопроса. Несмотря на это, является австралийская делегация и говорит, что она предлагает и это решение ликвидировать. При этом нам очень вежливо говорят: мы не против того, чтобы вы получали репарации, но мы и не за то, чтобы вы получали репарации. Может быть, мы должны благодарить за такое отношение к Советскому Союзу? Но, спрашивается, на каком же основании? При этом не приводится никаких оснований, никаких фактов, ничего сколько-нибудь заслуживающего внимания. Просто-напросто австралийская делегация решила, что она должна проявить особую энергию в тех вопросах, которые касаются Советского Союза, и во все проекты мирных договоров она стала вносить свои трафаретные предложения, направленные против интересов Советского Союза. Австралийская делегация написала столько поправок на этой конференции, что некоторые уже выражают удивление, как только хватает для всего этого бумаги. Тенденциозность этих поправок в отношении СССР бросается в глаза.

Что касается Советского Союза, то австралийская делегация взяла определённую линию, которая идёт вразрез с интересами Советского Союза. Все её предложения по репарационным вопросам не совместимы с интересами Советского Союза. Нет такого действующего уже решения по этому вопросу — хотя бы одного! — с которым была бы согласна австралийская делегация. Но в проекте мирного договора с Италией имеется не только статья 64 — о репарациях, но есть и статья 69. Вот текст этой последней статьи:

«Каждая из союзных и соединённых держав будет иметь право взять, удержать, ликвидировать или предпринять любое другое действие в отношении всей собственности, прав и интересов в пределах её территории, которые к моменту вступления в силу настоящего Договора будут принадлежать Италии или итальянским гражданам, а также использовать такое имущество или доход от него для таких целей, какие эта держава сочтёт желательными в пределах требований этой державы и её граждан к Италии или к её гражданам, — включая долги, — иных, чем претензии, полностью удовлетворённые другими статьями настоящего Договора. Все итальянское имущество или доход от него, которые превышают сумму таких претензий, должны быть возвращены».

Советское правительство считает, что это — тяжёлая статья для Италии, но по настоянию Соединённых Штатов, Англии и Франции, с которыми мы сотрудничаем по многим вопросам, оно должно было голосовать и за неё. Однако, когда нам предлагают эту же статью распространить на все малые страны, несущие свою долю ответственности за агрессию, мы говорим, что это недопустимо — по шаблону решать нельзя. Одно дело — Италия — большое государство, другое дело, скажем, Венгрия — малое государство. Нельзя допустить, чтобы каждая из союзных и соединённых держав забрала себе и отняла у той же Венгрии все её заграничные активы, всю и всякую венгерскую собственность, находящуюся на её территории, хотя бы Венгрия не причинила данной стране какого-либо

ущерба. Мы считаем это недопустимым. Но в данном случае не слышно голоса австралийской делегации в защиту малых наций, тут она не возражает и не вносит никаких поправок, чтобы хоть немного умирить аппетиты. Даже не пытается узнать, что это за заграничные активы, сколько их, кому они принадлежат, — в таких вопросах австралийская делегация никого стеснять не предлагает. Такова другая тенденция, которая обнаруживается у этой делегации, которая не всем будет симпатична.

Получается следующее. Австралийская делегация выступает против предложений, которые хоть в какой-нибудь минимальной мере твёрдо защищают интересы Советского Союза в вопросе репараций. Но там, где дело идёт об интересах других больших стран, там австралийская делегация не предлагает каких-либо ограничений даже таких требований и таких аппетитов, которые могут несправедливо ущемить права малых государств из числа бывших сателлитов Германии. Разве это объективная политика? Разве это не тенденциозность? У неё разные мерки: одна мерка для Советского Союза и другая мерка для тех государств, которые ей больше нравятся. После всего сказанного это, я думаю, стало вполне ясным. Одна русская пословица гласит: «Шила в мешке не утаишь». Нельзя не согласиться с этим.

II

РАЗМЕР РЕПАРАЦИЙ

Остановлюсь на отдельных вопросах.

Ещё в сентябре прошлого года на Лондонской сессии Совета министров иностранных дел советская делегация предлагала установить общий размер репараций с Италии в 300 миллионов долларов. При этом указывалась для Советского Союза цифра в 100 миллионов долларов и, кроме того, для Югославии, Греции и Албании — 200 миллионов долларов. Мы знаем, что теперь перед нами ставят также вопрос о репарациях для Франции и, наконец, вопрос о репарациях для Эфиопии, что мы также считаем нужным обсудить. Нельзя, впрочем, пройти мимо того факта, что, хотя указанное мною советское предложение о репарациях с Италией было опубликовано и никогда не менялось, некоторые газеты, специализировавшиеся на дезинформации, напечатали сообщения, будто СССР требует с Италии репарации в сумме 750 миллионов фунтов стерлингов, то-есть 3 миллиарда долларов. Потребовалось специальное опровержение этой печатной лжи о СССР, в отношении которого всякие реакционеры, как известно, готовы пойти на любые мерзости и на любую ложь из желания нанести ущерб Советскому государству. Но правда всё равно восторжествует. Советское предложение о репарациях с Италией теперь широко известно, и его не удастся извратить.

О чём оно говорит? Разве не ясно, что, когда мы говорим об обязанности Италии заплатить Советскому Союзу репарации только в сумме 100 миллионов долларов, то мы требуем не больше, чем одну двадцатую или одну двадцать пятую часть того прямого.

ущерба, который фашистские войска Италии причинили Советскому Союзу, и что, например, в отношении Германии, которая несёт главную ответственность, мы не можем ограничиться подобной ничтожной суммой возмещений. Но мы знаем, что Италия в последние годы войны выступила на стороне союзников и помогала нам в победе над Германией, и поэтому мы считаем, что надо пойти навстречу Италии и ограничиться самыми минимальными, самыми скромными репарациями. Однако и с этим не согласна австралийская делегация. Мы думаем, что цифра репараций в 200 миллионов долларов для Греции, Албании и Югославии — это крайне недостаточная цифра. Она совершенно не удовлетворяет ни Югославию, ни Албанию, а может быть и Грецию, хотя греческий делегат в другой комиссии настойчиво призывал не налагать на бывших сателлитов Германии тяжёлых репараций. Во всяком случае, никто не может отрицать, что Советский Союз предлагает проявить максимальное великодушие в отношении Италии. И тем не менее австралийская делегация добивается того, чтобы не только не принимать на конференции этих предложений, но чтобы на конференции вообще не было принято никаких решений о репарациях с Италией и чтобы этот вопрос был законсервирован и сдан на шестимесячное обсуждение в какой-то никому не нужной комиссии. На деле это означает — похоронить репарации и оставить без возмещения колоссальный ущерб, нанесённый агрессором некоторым союзным странам. Ясно, что это предложение не соответствует интересам дела.

III

ИСПОЛНЕНИЕ РЕПАРАЦИЙ

Австралийская делегация снова добивается, чтобы репарации всеми странами выплачивались не в натуре, не товарами данного государства, а долларами или фунтами стерлингов. Австралийский делегат сегодня милостиво разъяснял, что можно выплачивать репарации не только долларами и фунтами стерлингов, хотя он никакой другой иностранной валюты так и не называет. Он, как видно, с уважением относится только к доллару и к фунту стерлингов — и это, конечно, его право и его собственное дело.

Когда, однако, он хочет заставить и Италию, и Румынию, и Болгарию, и Венгрию, и Финляндию платить репарации долларами и фунтами стерлингов, а не товарами, которые производятся на собственную валюту данной страны, он оказывает плохую услугу этим странам. Вопрос заключается именно в том, заставлять ли платить репарации иностранной валютой, которой у этих государств очень мало, или разрешить им платить репарации своими товарами, которые производятся внутри страны на местную валюту. Для того чтобы платить иностранной валютой, надо продавать товары на заграничном рынке.

Кстати, на помощь австралийцам приходит южно-африканская делегация с её скандальной поправкой насчёт так называемых «справедливых цен». Если принять эту поправку, то побеждённое государство не будет иметь права продавать за границей свои

товары так, как это делают все другие, а должно продавать их по ценам, которые нравятся иностранным купцам-экспортёрам, причём этим купцам предоставляется возможность требовать в специальном арбитражном порядке установления таких цен, которые будут для них удобны.

Таким образом, хотят поставить Италию и другие побеждённые государства в такое положение, при котором они не только должны платить репарации, но они должны платить репарации обязательно в иностранной валюте, а так как для этого они, хочешь не хочешь, должны продавать свои товары на иностранном рынке, то в отношении цен на эти товары связать их по рукам и по ногам, назвав такие насильственно навязанные цены не больше и не меньше, как «справедливыми». Если это называется справедливостью, то советская делегация должна сказать, что она имеет совсем другое понятие о справедливости. Внося своё предложение об уплате репараций долларами или фунтами стерлингов, австралийская делегация не потрудилась узнать мнение об этом у представителей Италии, Румынии, Финляндии, Болгарии или Венгрии, могут ли они на это пойти или нет. Австралийская делегация, не спрашивая никого, хочет заставить всех платить долларами и фунтами стерлингов, иначе говоря, заставить эти страны по дешёвке продавать свои товары за границей на доллары и фунты стерлингов — в Соединённых Штатах Америки, в Великобритании, в доминионах и в зависящих от них странах. И всё это преподается как справедливое решение вопроса о репарациях!

На деле это означает, что купцы, которым хотят гарантировать в мирных договорах такие удобные условия покупки итальянских, румынских, болгарских, венгерских и финляндских товаров, будут иметь возможность скупать эти товары по дешёвке и таким способом будут загребать громадные прибыли на этих операциях. При таком порядке уплаты репараций они фактически превратятся в главных получателей репараций. Вот, собственно, куда ведёт предложение австралийской делегации. И нам хотят это предложить в качестве справедливого решения вопроса о репарациях? Тут нет справедливости ни в отношении пострадавших от агрессии государств, ни в отношении государств, которые должны нести ответственность за агрессию. На деле такое решение будет в пользу купцов и именно таких купцов, которые имеют много долларов или много фунтов стерлингов и которые получают от принятия нами австралийского предложения громадные барыши, нарастив свои капиталы на репарациях. Мы, разумеется, против такого решения.

Наконец, ещё об одном вопросе.

Нам всё время навязывают комиссию, которая должна, видите ли, после конференции наблюдать за репарациями в каждой стране, для которой они устанавливаются. Кому нужна такая комиссия? Например, Советский Союз весьма заинтересован в репарациях, но он возражает против учреждения подобной комиссии, ибо такая комиссия будет вмешиваться во внутренние дела этих стран, будет задевать своим вмешательством национальное достоинство и суверенитет этих государств.

Советский Союз установил дружественные отношения со всеми этими государствами и надеется на их дальнейшее положительное развитие. Советский Союз никому не навязывает своей дружбы, но охотно устанавливает хорошие отношения с теми государствами, которые действительно стремятся к установлению дружественных отношений с Советским Союзом. Создавать такого рода комиссии — это значит добиваться постоянного вмешательства во внутренние дела Италии, постоянного вмешательства в дела Румынии и других государств. Советский Союз решительно возражает против этого, не желая вмешиваться во внутренние дела других государств и не желая кому-либо другому облегчать такое вмешательство. Советский Союз отказывается участвовать в таких комиссиях. Принятие решения о создании таких комиссий будет только дискредитировать конференцию.

На основании всего этого мы говорим, что предложения австралийской делегации неприемлемы для Мирной конференции. Из уважения к конференции мы выражаем уверенность, что конференция отклонит эти неправильные и несправедливые предложения.

«Известия» № 204 (9120)

от 29 августа 1946 г.; см. также

В. М. Молотов, Вопросы внешней политики,
стр. 144—154.

ВЫСТУПЛЕНИЯ А. Я. ВЫШИНСКОГО НА ЗАСЕДАНИИ КОМИССИИ ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫМ ВОПРОСАМ ДЛЯ ИТАЛИИ ПРИ ОБСУЖДЕНИИ ПЕРВОГО РАЗДЕЛА ПРОЕКТА МИРНОГО ДОГОВОРА — О ГРАНИЦАХ ИТАЛИИ

(27 августа)

Австралийская делегация, сказал Вышинский, предлагает немедленно создать «обследовательскую комиссию». Советская делегация считает это неправильным и неприемлемым. Советская делегация считает необходимым напомнить, что изучением вопросов, которые нашли своё отражение во второй и третьей статьях проекта мирного договора, очень тщательно занимались не мало не много как семь комитетов, созданных Советом министров иностранных дел. Эти комитеты работали по несколько месяцев и представили шесть докладов, причём некоторые из них насчитывают по 200 страниц с приложениями, с различными справками, протоколами проведённого на месте опроса населения и т. д. Я прошу обратить внимание на эти цифры, они говорят сами за себя. Только по вопросам, связанным с установлением итало-югославской границы, было создано три комитета. По вопросам, связанным с установлением итало-французской границы, также работали три комитета, представившие исчерпывающие материалы. Но всё это не удовлетворяет

австралийского делегата Ходсона, уподобляющегося деревенскому парнишке, который попал впервые из глухой деревни в город, хочет всё пощупать своими руками. Но нельзя же переделывать всё заново, не считаясь с тем, что уже сделано, подходя ко всему с точки зрения ограниченных провинциалов, воображающих, что мир начинается с них и что всё определяется ими, что именно они держат в своих руках ключи от всех замков!

Австралийская делегация предлагает учредить и притом немедленно постоянный комитет по пограничным вопросам. Допустим, что мы создадим комитет, который начнёт всё сначала, примется за работу, уже тщательно проделанную семью комиссиями. Сколько времени потребуется для этого? Это нужно особенно иметь в виду тем, кто не перестаёт кричать о необходимости всячески ускорить работу конференции. Скажу кстати, что это очень напоминает комическую «вампуку», где все кричат «спешим, спешим», «вперёд, вперёд», а сами ни с места...

Нам предлагают начать работу заново только потому, что якобы кто-то чего-то не знает. Но позвольте напомнить, что незнание, невежество не является аргументом.

Подчеркнув, что Совет министров иностранных дел тщательно подготовил свои предложения, Вышинский предложил приступить к рассмотрению их по существу. Речь должна идти о том, чтобы двигаться вперёд, а не начинать всю работу заново.

Австралийская делегация, продолжал Вышинский, предлагает создать комитет для изучения «спорных вопросов», но какие вопросы она считает спорными? Пусть скажут, мы обсудим их и установим, действительно ли они спорны. Может быть, вы недовольны проектом франко-итальянской границы? Может быть, вы недовольны решением вопроса о проходе Малый Сан-Бернар, Плато Мон-Сени, Мон-Табор-Шабертон и т. д.? Тогда дайте ваши предложения! Но вы их не даёте, играете в жмурки и в то же время предлагаете создать какой-то «постоянный комитет», который «вообще» будет рассматривать спорные вопросы. Такое предложение может преследовать одну цель — затормозить работу, а не ускорить работу.

Нам говорят, что этот комитет должен будет представить свои рекомендации. Но почему нужны новые рекомендации, когда уже есть предложения Совета министров иностранных дел, к которым не внесено ни одной поправки? Я понимаю, что можно было бы предложить учредить комитет, если бы оказалось, что предложения Совета министров неудовлетворительны и требуется подготовить новые предложения. Но ничего подобного сейчас нет. Предложения Совета министров твёрдо стоят на месте, нетронутые и неизменные, а нам предлагают создать комитет, чтобы выработать новые предложения. И это подаётся как средство, якобы, ускорить работу конференции. Поистине, у некоторых членов конференции странное представление о том, что такое «скоро» и что такое «медленно», что такое «вперёд» и что такое «назад», что «на пользу» и что «во вред».

От имени советской делегации Вышинский предложил отклонить предложение австралийской делегации, никаких комитетов или

комиссий не создавать, а приступить к конкретной работе, выйти из паутины словопрений, отказаться от фехтования словами и фразами и встать на путь конкретного обсуждения проекта мирного договора статьи за статьёй...

Однако австралийские делегаты упорствовали. Они поспешили внести новое предложение, которое по существу ничем не отличалось от первоначального предложения.

Взявший вторично слово Вышинский разоблачил эту нехитрую маскировку.

— Изменения, — сказал он, — в предложении австралийской делегации, по существу, ничего не меняют. Раньше предлагалось создать комитет «немедленно», а теперь предлагают создать его «сегодня». Раньше говорили, что комитет должен представлять «рекомендации», а теперь предлагают сказать «доклады». Второе предложение столь же неприемлемо, как и первое.

Вышинский обратил внимание на то, что в экономической комиссии по Италии австралийской делегацией поддерживалось в таком же порядке, как здесь, предложение о создании постоянного комитета по репарациям до обсуждения по существу репарационного вопроса. Дальше обнаружилось, что у австралийской делегации планы по части репараций вообще очень широкие — поломать все репарации. Для того, чтобы поломать репарации, такой комитет действительно очень пригодился бы. Теперь такая же история повторяется в комиссии по территориальным вопросам.

План один, исполнители разные, руководство то же, — замечает Вышинский.

Вышинский указал, что экономическая комиссия для Италии отклонила предложение об образовании подкомитета по репарациям, решив перейти к постатейному обсуждению проекта договора. Он отметил далее, что и в данной комиссии предложение австралийской делегации не встречает поддержки. Однако комиссия вынуждена терять несколько часов на обсуждение австралийского предложения.

— Порядок создания подкомиссий совершенно ясно указан правилами процедуры, — сказал Вышинский. — Спрашивается: зачем же мы так долго спорим по этому вопросу? Почему австралийская делегация не интересуется мнением других делегаций, почему она наваливает одну кучу поправок на другую? 35 процентов поправок, внесённых в комиссии разными делегациями, принадлежат австралийской делегации. Почему же австралийская делегация, страна которой так далеко отстоит от Европы, старается внести побольше поправок, создать побольше трудностей? Я скажу здесь открыто: такую линию можно рассматривать лишь как стремление задержать работу, заstopорить её, сорвать принятие предложений Совета министров иностранных дел.

Вышинский вновь предложил отклонить предложения австралийской делегации и действовать согласно правилам процедуры.

(Спец. корр. ТАСС)

РЕПАРАЦИИ И СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

РЕЧЬ В. М. МОЛОТОВА
НА ЗАСЕДАНИИ КОМИССИИ
ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ ВОПРОСАМ,
ОТНОСЯЩИМСЯ К РУМЫНИИ, БОЛГАРИИ,
ВЕНГРИИ И ФИНЛЯНДИИ,
ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

(28 августа)

Господин председатель, советская делегация выражает благодарность тем делегациям, которые, подобно югославской и некоторым другим, полностью поддержали предложение Совета министров иностранных дел по вопросу о репарациях. Мы подводим сегодня итоги состоявшемуся обсуждению.

I

ВАЖНОСТЬ ВОПРОСА

Советская делегация придаёт большое значение вопросу о репарациях. Наша страна подверглась вторжению нескольких миллионов солдат фашистских армий Германии и её сателлитов. Вторжением оккупантов ей причинены огромные бедствия. Произведённые ими разрушения вы и сейчас встретите на каждом шагу во всех западных и южных областях СССР. Весь советский народ, засучив рукава, занят теперь ликвидацией последствий этого вражеского нашествия. Как в годы Отечественной войны народы СССР сплотились вокруг великого Сталина и вели победоносную борьбу с вторгшимися оккупантами, так и теперь, вот уже второй год, под руководством своего великого вождя советский народ самоотверженно осуществляет план восстановления страны. Перед нами стоят огромные задачи в деле восстановления промышленности, сельского хозяйства и транспорта, в деле восстановления разрушенных городов и сёл, и все советские люди заняты сейчас этим восстановительным трудом, ведут героическую и грандиозную работу по восстановлению своих фабрик и заводов, разрушенных электростанций и железнодорожных путей, разрушенных и уничтоженных очагов миллионов семей. При этом десятки миллионов людей сознательно осуществляют новый сталинский план экономического подъёма и обновления своей родины.

В этих условиях репарации имеют своё немалое экономическое значение, а также громадное политическое значение, давая известное моральное удовлетворение нашему народу, который не может согласиться с тем, чтобы страны, войска которых творили произвол и разрушения на территории СССР в течение многих месяцев, остались безнаказанными и не взяли на себя хотя бы некоторой доли материальной ответственности за причинённые Советскому Союзу бедствия.

В народах Советского Союза нет колебаний насчёт осуществимости тех новых громадных задач, которые встали перед ними в деле хозяйственного восстановления и технического обновления страны. Само Советское государство так устроено, пользуется такой поддержкой трудящихся и возглавляется таким великим вождём, как Сталин, что мы, советские люди, уверены в том, что дело восстановления нашей страны находится в надёжных руках и на верном пути. Мы постараемся выполнить установленный пятилетний план в более короткий срок, чем намечено. И мы уверены, что наша страна скоро сможет перейти к новым, ещё более грандиозным хозяйственным задачам, чем это было перед войной.

Разумеется, мы стремимся устранить все препятствия и осложнения на этом пути. Если бы вопрос о репарациях на Мирной конференции принял такой оборот, что даже удовлетворение скромных советских претензий на репарации, которые уже предусмотрены проектами мирных договоров, встретило бы помехи,— это было бы недопустимым ущербом для советского народа. Нелепо было бы предположить, что советская делегация не постарается защитить эти законные и справедливые интересы своей страны. Мы будем это делать и дальше, хотя бы это иногда и не нравилось кому-либо, кто не способен понимать самых элементарных вещей, когда дело идёт об интересах других народов.

II

ОТВЕТ ЗАЩИТНИКАМ АВСТРАЛИЙСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ

На комиссии дважды выступал представитель греческой делегации с замечаниями по поводу австралийской поправки и пытался разъяснить свою точку зрения. Греческий делегат старательно подчёркивал, что репарации не надо делать обременительными для государств, ответственных за агрессию. Но тот же греческий делегат, как известно, требует с маленькой Болгарии не больше не меньше, как один миллиард долларов или, точнее говоря, 985 миллионов долларов репараций. Цифра эта, как это очевидно, ни на чём не основана и является только показателем безудержных аппетитов насчёт чужого добра. Из этого также видно, что греческая делегация впала в глубокое противоречие, когда она, с одной стороны, говорит, что надо быть поосторожнее насчёт репараций, а, с другой стороны, предъявляет совершенно легкомысленные требования к своим соседям. Надо к этому добавить, что греческая делегация не заявила возражений в отношении предложений австралийской делегации, что весьма характерно для её позиции.

Канадская делегация заявила, что она до конференции считала правильными решения Совета министров иностранных дел, а вот здесь, узнав о существовании одного небольшого замечания польской делегации, она пришла к выводу о необходимости поддержать австралийскую поправку насчёт создания комиссии по репарациям. Вы знаете также, что не успела канадская делегация оказать столь быструю поддержку польской делегации, как последняя сама отказалась от своего предложения. Неизвестно, что теперь сделает сама

канадская делегация, но позиция канадской делегации в некотором отношении характерна — характерна своей непрочностью, неустойчивостью, готовностью к отступлению и переходу с одних рельс на другие. Два года тому назад, когда подписывались условия перемирия, и ещё вчера, до небольшой польской поправки по спорному вопросу, Канада считала правильным установленный для Румынии размер репараций и порядок их взимания. Оказалось, однако, что на это согласие нельзя положиться. Теперь канадская делегация, непрочность позиции которой по репарационному вопросу мы все наблюдали, должна сама выбраться из того положения, в которое она попала.

Здесь был сделан ряд замечаний по поводу моего первого заявления, на которых мне придётся остановиться.

Представитель Соединённых Штатов Америки защищал австралийскую делегацию и особо защищал её право вносить поправки, создавая такое впечатление, будто советская делегация оспаривает это право. Между тем советская делегация и не думала оспаривать право австралийской, как и любой другой, делегации вносить свои предложения и поправки. Каждая делегация может внести не только правильное, но и неправильное предложение. Это её полное право. Но, с другой стороны, кто может оспаривать наше право критики таких предложений? Если вносится какое-либо предложение, то, очевидно, оно вносится для того, чтобы его свободно обсудить и выслушать те замечания, которые могут быть сделаны по поводу этого предложения. Эти замечания могут нравиться, могут не нравиться, но во всяком случае право критики — это не менее законное право делегатов конференции.

Замечания нашей делегации по поводу австралийского предложения, как и содержание самого предложения, опубликованы в советской печати. Почему бы австралийской делегации, в свою очередь, не опубликовать те замечания, которые она сделала в защиту своих предложений, и содержание ответа советской делегации. Пусть люди судят о том, что правильного есть в предложениях австралийской и советской делегаций и что неправильного. Вы знаете, что перед началом конференции был пущен слух в некоторых иностранных газетах, что вот, дескать, советская делегация против присутствия представителей печати на заседаниях конференции, на заседаниях комиссий. При первой же постановке этого вопроса на конференции советская делегация разъяснила, что это ложный слух, что кто-то пустил этот слух, несмотря на то, что он совершенно не соответствует действительности. Мы рады присутствию представителей печати на нашей комиссии. Мы будем удовлетворены, если как точка зрения австралийской делегации, так и точка зрения советской делегации по поводу этого вопроса будут подробно освещены в печати. Если представители печати помогут объективному изложению той или другой позиции перед демократическим общественным мнением, это будет весьма полезно. Не следует бояться печати, не следует бояться того, что в печати будут обсуждаться существенные вопросы, рассматриваемые на конференции, и при этом будет правдиво сказано о том, какие есть пред-

ложения по тому или иному важному вопросу и какие есть возражения против этих предложений. Это только полезно для выяснения дела и для устранения всяких вымыслов и ложных слухов, мешающих людям разобраться в действительном положении.

Здесь некоторые говорили, что не следует высказываться о мотивах тех или иных внесённых предложений. Можно согласиться, что в конце концов нам нет дела до того, какими мотивами руководствовалась та или иная делегация, внося своё предложение. Но, с другой стороны, нас интересует, конечно, не словесная форма этих предложений, а действительное их существо.

Австралийская делегация говорит, что она в принципе за репарации. Но вспомните, в чём заключается существо её предложений, и станет очевидным, что на деле эти предложения означают ликвидацию репараций. Это похоже на то, как если бы кто-нибудь по-дружески предложил своему соседу стул, а когда он захотел бы сесть на этот стул, то вдруг, скажем, ради шутки, взял да отставил бы этот стул в сторону. В таких случаях опасно положиться на слово, а лучше оглянуться, чтобы не сделаться жертвой плохой шутки, хотя бы и со стороны друга. Вот почему мы думаем, что о существовании того или иного предложения нельзя судить по его словесной форме, а надо разобраться в действительном содержании этого предложения и сделать из этого надлежащие выводы, хотя бы это кому-нибудь и не нравилось. Говорили здесь и о том, будто бы нельзя высказывать сомнения по вопросу о том, выражает ли мнение своего народа данная делегация. Но невозможно соглашаться с тем, чтобы так ограничивали высказывания делегатов. В демократических странах есть способы проверки, выражает ли тот или иной представитель действительную волю народа. Почему же иной раз и не поставить такой вопрос, если для этого есть серьёзные основания? В демократических странах имеются и вполне разработанные, практически испытанные методы исправления такого положения, когда данный представитель не выражает мнения широких кругов народа, а только мнение той или иной группы. Как вы знаете, в прошлом году во время Берлинской (Потсдамской) конференции, которая продолжалась всего две недели, в начале конференции мы видели одних представителей Великобритании, а в конце конференции уже других представителей, так как народ внёс весьма существенную поправку и в состав парламента и в состав правительства, а затем — и в состав делегаций. Кстати сказать, это положительно сказалось и на результатах работы Берлинской конференции. В демократических странах иногда не так уж трудно установить действительное мнение народа, а тогда можно найти и соответствующие пути исправления допущенных неправильностей и ошибок. Представителям демократических стран не приходится возражать против этого. Из этого, между прочим, следует, что нельзя отрицать и права высказать иной раз сомнение, выражают ли данные представители действительную волю своего народа.

III

РЕПАРАЦИИ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

Были и такого рода замечания, что мы слишком много занимаемся вопросом о репарациях. Советская делегация не может с этим согласиться.

Я понимаю, что представители Великобритании и Соединённых Штатов Америки могут больше интересоваться, скажем, не 22-й статьёй проекта мирного договора с Румынией (статья о репарациях), а, скажем, 26-й статьёй, которая говорит о праве союзных и соединённых держав «взять, удержать, ликвидировать или предпринять любое другое действие в отношении всей собственности, прав и интересов» Румынии и румынских граждан на территориях этих государств. Для них это, может быть, более существенный вопрос. Но в таком случае, кто же может помешать нам защищать то, что касается законных и справедливых прав нашего государства, нашего народа.

Обратимся к фактам.

В Советском Союзе, как вы знаете из приведённых мною документов, иностранные захватчики разрушили во время войны 31 850 промышленных предприятий, в том числе немало крупных заводов и фабрик. На этих предприятиях до войны было занято около 4 миллионов рабочих. Это потрясло нашу промышленность. В Соединённых Штатах, к счастью, не было вторжений врага. В Соединённых Штатах за эти же годы построено немало новых предприятий. За эти годы в Соединённых Штатах Америки промышленность значительно развилась, достигла такой мощи, какой не было никогда и в Америке. Там построены и новые заводы не только для мирной продукции, но сооружены и новые мощные заводы военной промышленности, очевидно, на всякий случай, для будущих времён. Это общеизвестно.

Советская делегация надеется на то, что будет правильно понято наше стремление поскорее покончить с разрушениями, которые нанесла нам война, и наше желание использовать для этого все имеющиеся возможности, в том числе и те сравнительно небольшие репарационные платежи, которые предусмотрены в условиях перемирия. И, конечно, мы никак не можем согласиться с теми предложениями, которые могут мешать восстановлению хозяйственной жизни Советского Союза, которые могут тормозить восстановление хозяйственной жизни в тех районах СССР, которые подверглись оккупации. Нас удовлетворяло то положение, что наше право на получение репараций было признано во всех условиях перемирия как Соединёнными Штатами Америки, так и Великобританией. Мы поняли друг друга, нашли общий язык.

Но австралийская делегация заговорила на другом языке. Она выступила здесь с такими предложениями, которые были направлены на ликвидацию этого соглашения. Австралийская делегация выступила с такими предложениями, которые противоречат не только точке зрения Советского Союза, но и расходятся с точкой

зрения Соединённых Штатов Америки и Великобритании по этим вопросам, расходятся с условиями перемирия и с проектами мирных договоров. Мы ещё в своё время нашли общий язык с Соединёнными Штатами Америки и Великобританией по этому и многим другим вопросам. А австралийская делегация заговорила на другом языке, который имеет совершенно другой смысл.

На этом другом неприемлемом для СССР языке может говорить только тот, кто начинает забывать, как шла война и какую роль играла та или иная страна в деле обеспечения общей победы союзников, кто начинает забывать и о тех жертвах, которые потребовала от нас война с фашизмом. Но в таком случае мы скажем своё мнение и дадим нашу оценку такому положению. Язык поправок австралийской делегации — это не тот язык, на котором мы говорили во время войны как союзники, это язык, который не может объединять, а может только разъединять союзников, разъединять Объединённые нации.

Что же касается ликвидации последствий войны, то я должен заявить, что при всех условиях мы надеемся в первую очередь на наши собственные силы, а не на репарации. Конечно, известную помощь в деле восстановления страны нам окажут и репарации, но главное, на что мы надеемся, — это на наш советский народ, на наши сталинские пятилетки и на то, что всем делом восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства в послевоенный период, так же как это было в период военных бурь, руководит наш великий вождь, наш Сталин, который обеспечивал раньше и обеспечивает теперь несокрушимое сплочение нашего народа в труде, в восстановлении народного хозяйства после войны и в обеспечении процветания нашего государства в хозяйственной, культурной и политической областях. Мы надеемся, что это соответствует вместе с тем и интересам всех других народов, которые готовы идти в ногу в деле защиты интересов мира и безопасности и в деле установления таких отношений между народами, которые соответствуют лучшим стремлениям всех миролюбивых народов.

«Известия» № 205 (9121)
от 30 августа 1946 г.; см. также
В. М. Молотов, Вопросы внешней политики,
стр. 155—164.

РЕЧЬ А. Я. ВЫШИНСКОГО
НА ЗАСЕДАНИИ КОМИССИИ
ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ ВОПРОСАМ
ДЛЯ ИТАЛИИ
ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
(28 августа)

Вчера представитель Советского Союза, глава советской делегации Молотов изложил с исчерпывающей полнотой соображения, исходя из которых советская делегация считает неприемлемыми, вредными и подлежащими безусловному отклонению поправки австралийской делегации. Я не взял бы сегодня слова, если бы не некоторые выступления на этом заседании, которые заставляют советскую делегацию представить дополнительные соображения по этому вопросу.

Здесь опять напоминали, что репарации должны быть установлены в соответствии с принципами справедливости не только в отношении тех, которые имеют законное право на возмещение убытков от навязанной им войны, но и в отношении тех, кто отвечает за нанесённый ущерб. Этот принцип правилен, и проект решения вопроса о репарациях, предложенный Советом министров иностранных дел, полностью отвечает ему. Что же касается предложения австралийской делегации, то оно противоречит этому принципу. Мало того, что оно шаблонно и абстрактно,— оно не считается с требованием быть справедливыми прежде всего к пострадавшим странам. Оно не даёт пострадавшим от агрессии народам минимального удовлетворения.

Советская делегация настаивает на том, чтобы предложение австралийской делегации было отклонено именно потому, что оно несправедливо.

О чём идёт речь? Почему австралийская делегация считает предложение Совета министров иностранных дел неприемлемым? Какие части его неприемлемы и почему? На эту тему представитель Австралии не проронил ни слова.

Совет министров иностранных дел предлагает Италии уплатить Советскому Союзу 100 миллионов долларов. Я спрашиваю австралийскую делегацию — вносит ли она поправку к этой сумме? Считает ли она, что во имя справедливости надо уплатить не 100 миллионов долларов, а 500 миллионов долларов? Или она считает, что надо платить не 100 миллионов в возмещение потерь, превышающих в 20 раз эту сумму и причинённых итальянскими фашистами, которые три года хозяйничали на советской земле, а 10 миллионов долларов? Или, может быть, австралийская делегация считает, что Советскому Союзу вообще ничего не надо платить? Но австралийская делегация молчит, и вряд ли она предложит какую-либо цифру. Скорее всего она, как это уже было на территориальной комиссии, где обсуждался вопрос об итальянских границах, вос-

пользуется своим излюбленным методом — отложить, назначить комиссию, изучить, поскольку-де «мы ничего не знаем, ничего не понимаем и в силу этого не можем ничего решить».

Мы считаем, что вопрос ясен. Три года итальянские разбойники пробыли на территории Советского Союза. Они грабили, разрушали, сжигали советское добро, убивали советских людей; миллиарды рублей потребовались бы, чтобы возместить эти потери. Но Советский Союз, исходя из чувств милосердия и великодушия, называет цифру в 100 миллионов долларов. Эта сумма — скорее — символ наказания агрессора, чем действительное возмещение убытка.

Сравните требование СССР с требованиями других государств. Возьмите Грецию. Мы скорбим вместе с греческим народом по поводу тяжёлых потерь и ущерба, причинённых ему этой жестокой войной. В целях возмещения этого ущерба Греция определила свои репарационные требования в документе, представленном в ноябре 1945 года, суммой в 2 миллиарда 877 миллионов долларов. Но неужели могут быть сомнения в том, что Советский Союз несравненно больше потерял, чем Греция? И ведь если Греция требует в возмещение своих убытков 2 миллиарда 877 миллионов долларов, то что в сравнении с этим требование 100 миллионов долларов, предъявленное Советским Союзом? Справедливо ли требование Советского Союза или несправедливо? Безусловно справедливо. А если нет, то лишь в отношении СССР, который имеет право на гораздо большую, чем в 100 миллионов долларов, сумму для возмещения полученного ущерба. Но Советский Союз великодушен и милосерден!

Возьмите Эфиопию. Мы глубоко скорбим вместе с эфиопским народом о его потерях и готовы всячески поддержать Эфиопию, как и всякую другую страну, подвергшуюся вторжению итальянских разбойничьих орд. Чтобы попытаться возместить тяжёлые потери и облегчить восстановление хозяйства, какое требование предъявила Эфиопия? В сентябре 1945 года она предъявила свои претензии к Италии в сумме 775 миллионов долларов. Думаю, что нет сомнения в том, что Советский Союз пострадал не менее Эфиопии, но мы просим не 775 миллионов долларов, а всего 100 миллионов. Справедливо это или нет? Безусловно справедливо. А если нет, то несправедливо только в отношении СССР. Но Советский Союз великодушен и милосерден!

Возьмите Египет. 18 июня 1945 года Египет предъявил к Италии требование репараций в 515 миллионов долларов — в пять раз больше, чем требует Советский Союз. Но неужели Советский Союз пострадал от нашествия итальянских банд меньше, чем Египет? Мексика требует 50 миллионов долларов. Но неужели же Советский Союз понёс потери только в два раза больше, чем Мексика?

Но дело не в этих 100 миллионах, а в принципе наказания агрессора рублём, — чтобы помнил он, чтобы помнили его потомки, что значит вести агрессивную войну против миролюбивых народов!

Господин австралийский делегат, подумайте, взвесьте эти факты, неопровержимые, как сама жизнь и смерть. Это требование

в 100 миллионов следовало не ставить на утверждение, а утвердить здесь без голосования — *par acclamation*, в знак уважения и преклонения перед великими и неисчислимыми жертвами советского народа и других свободолюбивых народов в этой войне. Предложение австралийской делегации, которая выступает против решения Совета министров иностранных дел о репарациях в пользу СССР и настаивает на том, чтобы передать этот вопрос какой-то комиссии на изучение, нельзя рассматривать иначе, как оскорбление справедливости, как неуважение к памяти погибших в этой войне.

Советская делегация настаивает, чтобы предложение австралийской делегации было отклонено и чтобы было утверждено решение Совета министров иностранных дел, в минимальной степени отвечающее требованиям справедливости, — повторяю: в минимальной степени отвечающее требованиям справедливости.

Ещё одно замечание. Австралийская делегация предлагает отложить решение вопроса о репарациях на шесть месяцев и поручить его какой-то комиссии. Но как поступить, если в этой комиссии возникнут разногласия — кто их разрешит? Очевидно, придётся снова собрать новую Мирную конференцию? Но это означает лишь то, что предложение австралийской делегации сводится по существу к тому, чтобы отложить конференцию на шесть месяцев, чтобы отложить, следовательно, и заключение мирных договоров.

Наконец, ещё один вопрос, касающийся уже юридической стороны дела. Австралийская делегация предлагает, чтобы общая сумма репараций, которые должна будет уплатить Италия в пользу Франции, Югославии, Албании, Эфиопии и других государств, потерпевших от итальянской агрессии, была определена через шесть месяцев после подписания мирных договоров. Это значит, что мирные договоры должны быть подписаны без указания в них суммы репарационных платежей со стороны Италии. Это значит, что в мирных договорах будет оставлена планкетная статья — пустое место, без указания какой-либо суммы репарационных платежей, которая будет установлена через шесть месяцев после подписания мирных договоров. Но такое предложение с юридической стороны представляет собой нонсенс — абсурд. Ведь нужно иметь очень плохое представление об умственных способностях итальянского правительства, чтобы думать, что оно может пойти на такой трюк — подписать договор со статьёй, в которой не будет обозначено никакой суммы! Вот до какого абсурда договорилась австралийская делегация, ослеплённая своими вредными политическими сентенциями!

Почему советская делегация так настаивает на правильном решении вопроса о репарациях? Потому что она считает, что это — основной, стержневой вопрос мирного договора. Нужно знать, что без репараций нет и не может быть мирного договора. Мирный договор, который не предусматривает репараций, не может никого удовлетворить как договор несправедливый, не отвечающий требованиям справедливого возмездия.

Я обращаюсь к членам комиссии в глубокой уверенности, что они, следуя принципам справедливости, отклонят предложение

австралийской делегации и согласятся с решением, предложенным Советом министров иностранных дел.

Что касается Советского Союза, то для него никакой комиссии не нужно. Комиссии здесь делать нечего, ибо ущерб, причинённый итальянскими фашистскими бандами Советскому государству, ясен, сумма частичного возмещения этого ущерба определена, источник репараций установлен. Само правительство Италии — страны, побеждённой и склонившей голову перед волей победителей, не возражает ни против суммы репараций, установленной Советом министров иностранных дел, ни против указанных источников покрытия этих репараций. Оно согласно подчиниться решению Совета министров иностранных дел, но здесь находятся люди, которые вмешиваются со стороны и направляют все силы, чтобы сорвать это решение и помешать делу установления справедливого мира. Я настаиваю на отклонении австралийской поправки полностью как несправедливой и противоречащей интересам Советского Союза и других стран, испытавших ужасы нашествия вражеских полчищ...

«Известия» № 205 (9121)
от 30 августа 1946 г.

О ЗАХВАТНИЧЕСКИХ ПРЕТЕНЗИЯХ ГРЕЧЕСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ОТНОШЕНИИ АЛБАНИИ

РЕЧЬ В. М. МОЛОТОВА
НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ
ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

(30 августа)

Господин председатель, господа делегаты!

Греческая делегация проявляет на этой конференции особенно большую активность в своих внешнеполитических делах. Снова перед нами поставлен вопрос, относящийся к претензиям греческого правительства в отношении своего соседа — Албании. Греческое правительство выступает здесь не с претензиями к какому-либо бывшему вражескому государству, что было бы понятно, — нет, греческая делегация пытается использовать Мирную конференцию для предъявления захватнических претензий к своему миролюбивому соседу, к демократической, дружественной союзникам Албании. Греческая делегация не унимается, что весьма опасно, так как этим снова создаётся беспокойное положение на Балканах,

создаётся беспокойство в том районе Европы, где как раз теперь установился мир и добрососедские отношения между народами и создаётся возможность разрешать отдельные разногласия между народами в дружественном порядке. Греческое правительство не хочет немного подождать — подождать того момента, когда Греция сможет поставить свои вопросы перед соседними или перед другими государствами в обычном порядке: дипломатическим путём, путём переговоров, чтобы урегулировать имеющиеся вопросы так, как это должно делать каждое порядочное демократическое правительство.

Мирная конференция собралась не для того, чтобы дать возможность какому-либо агрессивному недемократическому правительству, не желающему считаться с общепринятыми правилами в отношениях с другими демократическими государствами, дать возможность такому правительству втягивать нас в свои дела, которые идут неблагоприятно. Греческая делегация, кроме того, хочет, чтобы конференция втянула в это дело и Совет министров иностранных дел. Она хочет, чтобы конференция поручила Совету министров иностранных дел рассмотреть захватнические претензии греческого правительства к своему соседу. Однако мы знаем, что не дело конференции давать поручения Совету министров иностранных дел. Известно также, что никаких поручений конференция до сих пор не давала Совету министров иностранных дел, так как она собралась не для этого, а для рассмотрения мирных договоров с бывшими сателлитами Германии. Из этого следует, что конференция не должна предоставлять свои услуги какому-либо беспокойному и агрессивному правительству, которое не понимает, что такое Мирная конференция, и хочет использовать эту трибуну, чтобы отвлечь внимание своего народа и внимание других народов от своих неблагоприятных внутренних дел.

Греческая делегация не случайно поставила вопрос о своих претензиях к Албании как раз накануне плебисцита, накануне 1 сентября, когда самыми незаконными мерами всё подготовлено для того, чтобы вернуть короля в Грецию, когда в самой Греции, зажатой в тисках террора и полицейского насилия над демократическими партиями, над демократическими кругами общества, всё же нет уверенности, что на плебисците не провалится вся искусственная подготовка восстановления монархии. Повидимому, у греческого правительства нет веры и в то, что помощь и поддержка надолго расположившихся в Греции иностранных войск, несущих свою ответственность за столь ненормальное положение в этой стране, что эта поддержка со стороны иностранных войск является достаточной гарантией желательного для греческого правительства проведения плебисцита в Греции в пользу короля, которого греческий народ до сих пор не пускает в свою страну.

Мы знаем, что правительство Советской Украины возбудило вопрос о положении в Греции перед Советом безопасности ввиду того, что политика греческого правительства угрожает миру. Может быть, этот вопрос уже будет обсуждаться сегодня в Совете безопасности. Законно, что к этому вопросу должно быть привлечено

внимание международного руководящего органа, обязанного заботиться о сохранении мира и безопасности,— Совета безопасности Объединённых наций. Но греческая делегация не хочет набраться немного терпения, чтобы выслушать, как будет рассматриваться этот вопрос в Совете безопасности. Она торопится использовать эту трибуну для внешнего давления на предстоящий плебисцит.

Накануне плебисцита, подготовленного с помощью некоторых внешних сил для восстановления непопулярной монархии, нам предлагают, чтобы Международная конференция помогала такому «плебисциту». Между тем следовало бы лучше обратить внимание на то, что Греция остаётся единственным пунктом на Балканах, где неспокойно, где демократическим элементам нельзя дышать, где редакторов демократических газет хватают на улицах и убивают, где проводятся такие крайние меры террора, которые вызывают возмущение в демократических кругах всех стран. Видимо, теперешние греческие власти настолько нуждаются в том, чтобы провести то дело, которое они замыслили осуществить 1 сентября, несмотря на сопротивление своего народа, что им нужно оставить в тени свои внутренние дела и для этого отвлечь внимание на внешние дела.

Нынешнее греческое правительство, как известно, опирается на иностранные войска, не желающие уходить из чужой страны. Конечно, иностранные штыки могут сыграть свою роль, но, господа, такая помощь ненадёжна, потому что она вызывает отрицательное отношение народа. Она создаёт такое впечатление, что теперешние греческие власти не имеют авторитета у своего народа, что они нуждаются в том, чтобы опираться на иностранные войска. Оказывается, греческие власти нуждаются, кроме того, в том, чтобы Международная конференция помогала им в их внешнеполитических маневрах. Это уж слишком!

Советская делегация полагает, что Мирная конференция откажется от того, чтобы содействовать этим внешнеполитическим маневрам, которые нужны греческой делегации перед плебисцитом 1 сентября. Советская делегация предлагает отклонить предложение греческой делегации, которая стремится к расчленению Албании и втягивает в это дело Мирную конференцию. Есть другие пути к рассмотрению спорных вопросов между соседями. После подписания мирного договора с Италией греческое правительство может, если это будет необходимо, воспользоваться обычными дипломатическими правилами для урегулирования своих отношений с соседями. (*Аплодисменты.*)

ЕЩЕ РАЗ ПО ВОПРОСУ ОБ АЛБАНИИ

РЕЧЬ В. М. МОЛОТОВА НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

(30 августа)

Господин председатель, господа делегаты!

Мы собрались сегодня для того, чтобы обсуждать два определённых вопроса, а обсуждаем нечто другое — третий вопрос. Нами была утверждена повестка, состоящая из вопросов, касающихся Ирана и Ирака, а мы обсуждаем вопрос о Греции. В нормальном порядке вопрос греческой делегации не был поставлен в повестке дня конференции, но нас вынудили неожиданно заняться этим вопросом.

Теперь придётся остановиться на том разъяснении, которое было сегодня сделано американским делегатом относительно порядка рассмотрения вопросов в Совете министров и на конференции. Разумеется, никто из нас не оспаривает право Совета министров иностранных дел рассматривать те вопросы, которые предусмотрены Потсдамским (Берлинским) соглашением. Заявления, которые были здесь сделаны на этот счёт по случаю моего выступления, направлены не по адресу.

Какой порядок установлен для работы Совета министров иностранных дел? Здесь совершенно правильно было указано на пункт 3 «А» решения Потсдамской конференции о создании Совета министров иностранных дел. В этом решении сказано следующее о задачах Совета: на него возлагается составление мирных договоров для Италии, Румынии, Болгарии, Венгрии и Финляндии, а также на него возлагается «выработка предложений по урегулированию неразрешённых территориальных вопросов, встающих в связи с окончанием войны в Европе». Следовательно, действительно, любыми вопросами, относящимися к этой категории дел, Совет министров иностранных дел может заняться.

Но сейчас дело ведь идёт не о том, чем должен заниматься Совет министров иностранных дел. В этом зале заседает не Совет министров иностранных дел, а конференция 21 государства. Дело идёт о том, чем должна заниматься Мирная конференция, но об этом говорится не в Потсдамской резолюции, а в другом документе, который здесь также упоминался. Этот документ называется: «Решения Московского совещания министров иностранных дел Советского Союза, Соединённых Штатов Америки и Соединённого Королевства». В этом документе, в главе о подготовке мирных договоров с Италией, Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией (пункт 2), говорится, что, «когда подготовка всех этих проектов будет закончена, Совет министров иностранных дел созовёт конференцию для обсуждения мирных договоров с Италией, Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией». Таким образом, здесь точно указано, чем должна заниматься Мирная конференция. Она дол-

жна заниматься обсуждением мирных договоров с этими пятью государствами.

Как видите, компетенция Совета министров иностранных дел — одна, а компетенция Мирной конференции — другая. Нельзя это смешивать. Нельзя не видеть разницы между компетенцией Совета министров иностранных дел и Мирной конференцией. Если мы хотим придерживаться того, что мы подписали, на чём мы согласились в отношении задач и прав Мирной конференции, мы должны придерживаться того, что было записано в указанном решении Московского совещания. Ознакомление же с текстом показывает, что конференция согласно этому решению может заниматься только мирными договорами с пятью бывшими сателлитами Германии. Ничего другого не предусмотрено для рассмотрения на Мирной конференции.

Я понимаю выступавшего передо мною представителя Франции, который правильно указал, что в задачи Мирной конференции не входит обсуждение вопросов, относящихся к Албании и Греции. Албания не является бывшим сателлитом Германии, она не относится к числу бывших вражеских государств. Сколько бы греческая делегация ни говорила здесь о том, что Греция до сих пор находится в состоянии войны с Албанией, это останется необоснованным и несolidным заявлением. Это придумано для того, чтобы угрожать маленькой Албании и оправдывать захватнические планы греческих правителей. Вопреки этому заявлению, мы единогласным решением конференции пригласили Албанию на нашу конференцию не в числе вражеских государств, а именно в числе тех государств, которые помогали союзникам во время войны против Германии. И мы приветствовали здесь представителя новой, демократической Албании, боровшейся вместе с нами против Германии и фашистской Италии и помогавшей нашей победе над фашизмом. Советская делегация считает единственно правильным такое дружественное отношение к нынешней демократической Албании. Если же мы пойдём по пути поддержки захватнических претензий сегодняшних греческих правителей, то конференция тогда покатится по неправильному пути, на который они нас толкают.

Из всего этого следует, что конференция не должна и не имеет права заниматься другими вопросами, кроме тех, которые были предусмотрены при её созыве.

Может быть, однако, та или иная делегация из присутствующих здесь уполномочена на то, чтобы на этой конференции заниматься любыми вопросами? Едва ли это так. Во всяком случае советская делегация не имеет таких полномочий. Нам не говорили до сих пор и того, что другие делегации получили полномочия заниматься любыми вопросами, которые вздумается поставить на конференции той или другой делегации. Ссылки же на желание проявить либерализм никак тут не подходят, так как такого рода «либерализм» ничего хорошего не сулит конференции, а только приведёт к путанице.

Мы должны отказаться от того, чтобы расширять права конференции и вести конференцию не по тому пути, как она шла до сих пор. Мы должны рассматривать проекты пяти мирных договоров

и не втягиваться в обсуждение таких вопросов, которые к компетенции конференции не относятся.

Мы знаем, что некоторые иностранные державы поддерживают сегодняшних греческих правителей и официально и неофициально. Вчера ещё говорилось о том, что за плебисцитом в Греции будут следить официальные наблюдатели со стороны Великобритании и Соединённых Штатов Америки. Сегодня уже говорят, что официальных наблюдателей не будет, но зато будут неофициальные наблюдатели. Иначе говоря, определённые государства и теперь продолжают вмешиваться во внутренние дела Греции и, следовательно, несут за это ответственность. Только французское правительство отошло от этого дела. Правительства Англии и Соединённых Штатов снова заангажированы в этих внутренних делах Греции и тянут к вмешательству других. Это до некоторой степени понятно. Английские войска до сих пор находятся в Греции, и это возлагает на них ответственность за положение в этой стране. Опубликовано всюду, что американские военные корабли идут в Грецию. Видимо, и такая поддержка также нужна греческому правительству. Но эти средства давления на внутренние дела Греции не только чужды демократизму, но и опасны.

Не пора ли остановиться, не пора ли покончить с этим вмешательством во внутренние дела Греции, от которых тяжко приходится греческому народу? Не пора ли прекратить внешнее вмешательство и дать возможность самому греческому народу свободно, на нормальных демократических основах, выбрать свой парламент, без нажима извне решить вопрос о монархии, выбрать своё законное демократическое правительство, действительно достойное героического и дружелюбного нам греческого народа? Вот если бы в этом вопросе со стороны представителей некоторых иностранных государств была проявлена некоторая доля либерализма, — либерализма в хорошем смысле этого слова, — то я думаю, что общественное мнение всех демократических стран только приветствовало бы такой шаг.

Однако есть желающие как-то поддержать греческую делегацию, голос которой признаётся недостаточно авторитетным для прямого обращения в Совет министров иностранных дел. На это следует сказать, что желающие могут это сделать другим способом. Греческая делегация могла бы собрать подписи таких делегаций в кулуарах конференции, не втягивая всю конференцию в это дело.

Во всяком случае просьба советской делегации заключается в том, чтобы не втягивать в это дело Мирную конференцию. *(Аплодисменты.)*

«Известия» № 206 (9122)

от 31 августа 1946 г.; см. также

В. М. Молотов, Вопросы внешней политики, стр. 169—173.

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. Я. ВЫШИНСКОГО
НА ЗАСЕДАНИИ КОМИССИИ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ
ВОПРОСАМ ДЛЯ ИТАЛИИ
ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ПРИ ОБСУЖДЕНИИ ВОПРОСА О РЕПАРАЦИЯХ

(30 августа)

РАЗОБЛАЧЁННЫЙ МАНЕВР КАНАДСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ

Советской делегации,—сказал Вышинский,—уже не раз приходилось констатировать, что во всех случаях, когда дело доходит до непосредственных интересов советского народа и Советского Союза, сейчас вырастают на пути этих интересов какие-то препятствия. Для того, чтобы создать эти препятствия и помешать Советскому Союзу в справедливом удовлетворении его требований, австралийская делегация сделала, как помнят делегаты, немало усилий в этой комиссии. Эти усилия, к нашему удовлетворению, потерпели фиаско, окончились провалом, я скажу — позорным провалом. Но лавры провалившейся делегации одной страны не дают покоя, очевидно, представителям другой страны. И сегодня мы должны констатировать новую попытку сорвать успешную работу нашей комиссии. Поэтому я не могу оставить без ответа выступление Уилгресса, тем более знаменательное, что он является послом Канады в Советском Союзе, который, кажется, лучше и больше других иностранцев мог бы понять значение репарационного вопроса для Советского Союза. Все годы войны Уилгресс провёл в Советском Союзе, видел и знает нашу страну, был свидетелем военных событий на территории СССР. И после всего этого канадский представитель берёт слово для того, чтобы сорвать справедливое и по существу никем не оспариваемое решение Совета министров. Что преследует, какие цели ставит перед собой в своём выступлении канадский делегат? Он предлагает сегодня не одобрять пункта первого, следовательно, не одобрять той суммы репараций, которая предлагается Советом министров. Почему, в силу каких соображений? Соображения эти очень ясно изложены канадским делегатом и сводятся к тому, чтобы привести эту сумму в 100 миллионов долларов в соответствие, как он сказал, с требованиями других стран. Мы слышали об этих требованиях. Мы помним, что они исчисляются сотнями миллионов долларов: Египет требует 515 миллионов долларов, Греция — 2 миллиарда с чем-то долларов, Эфиопия — 775 миллионов долларов и т. д. Должны ли мы понимать предложение г-на Уилгресса привести сумму репараций, требуемую Советским Союзом, в соответствие с этими требованиями? Может быть, Уилгресс не удовлетворён 100 миллионами долларов для Советского Союза, как крайне низкой суммой, и намерен предложить более высокую сумму в возмещение убытков, понесённых Советским Союзом, чтобы эту сумму привести в соответствие с ущербом, причинённым Советскому Союзу итальянским нашествием.

нием? Ничего подобного. Здесь просто делается попытка, прикрываясь всякого рода формально-юридическим крючкотворством, постараться отложить возможно дальше удовлетворение справедливых требований Советского Союза. Выступление канадского представителя — маневр, направленный на срыв решения о репарациях для Советского Союза. Мы должны разоблачить этот маневр. Советская делегация считает, что было бы непристойно, я говорю — непристойно и неприлично, становиться на тот путь, на который нас сейчас тянет канадская делегация. Я уверен, что комиссия на этот путь не встанет и не заставит нас возвращаться ещё и ещё раз к тем фактам, которые вопиют к небу. Я, разумеется, знаю, что не все рождены для того, чтобы видеть небо.

* *
*

Ввиду того, что канадская и австралийская делегации продолжали настаивать на своих предложениях, Вышинский вторично взял слово, посвятив своё выступление опровержению вредных позиций этих делегаций и несостоятельности приведённых ими соображений.

ЛИЦЕМЕРНЫЕ РЕЧИ КАНАДСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ

Я не знаю, заявил А. Я. Вышинский, благодарить ли мне господин Уилгресса за поддержку, которую он оказывает Советскому Союзу, или, наоборот, продолжать высказывать своё недоумение по поводу того своеобразия этой поддержки, которым она отличается. То, что сказал господин Уилгресс, подтвердило то, что я увидел в его выступлении в начале заседания, и ни в какой мере не поколебало тех замечаний и выводов, которые были мною сделаны по поводу этого выступления. В самом деле, Уилгресс, по его словам, сочувствует Советскому Союзу. Он, видите ли, действительно был во время войны в Советском Союзе, видел те разрушения, которые причинены врагом Советскому Союзу, он восхищается даже, — даже восхищается! — тем, как Советский Союз восстанавливает своё хозяйство и залечивает свои раны. Но в то же время он продолжает настаивать на том, чтобы отложить решение вопроса об определении суммы репараций для СССР — страны, которая прошла ряд тяжёлых испытаний, суммы, определённой в результате, как здесь справедливо говорили представители Англии, Соединённых Штатов и Франции, трудной и упорной работы в Совете министров. Уилгресса это ни в какой мере не удовлетворяет. Он настаивает на том, чтобы решение этого вопроса было отложено. Он придумывает в качестве мотива в пользу откладывания такое соображение, что сумму в 100 миллионов нужно, оказывается, привести в соответствие с теми суммами репараций, которые будут установлены для других стран. Но о каком соответствии идёт речь? Что именно предлагает Уилгресс привести в соответствие «одно с другим»? Я поставлю господину Уилгрессу прямой вопрос, и пусть он скажет, не прячась за широковещательные и ни к чему не обя-

зывающие слова, за общие фразы, оспаривает ли он эту сумму в 100 миллионов долларов в сторону увеличения или в сторону её уменьшения, или же он считает нужным возражать потому, что он не разобрался в этом вопросе? В последнем случае можно только пожелать, чтобы канадский представитель поскорее разобрался в этом вопросе. Но это не может служить основанием для того, чтобы задерживать решение данного вопроса. То, что канадская делегация не хочет пойти навстречу Советскому Союзу в вопросе об этой незначительной сумме, видно хотя бы из того, что Уилгресс к одному доводу против этой статьи тут же добавляет второй довод. Теперь, оказывается, что он, видите ли, сомневается не только в первом, но и в третьем пункте, и считает поэтому эти пункты неприемлемыми, говоря, что эти пункты трудно принять, пока он не получит необходимой информации. Но какую информацию нужно ещё получить по третьему пункту? О чём говорит третий пункт? Он говорит о том, что в пределах суммы в 100 миллионов долларов Советский Союз и итальянское правительство должны будут заключить товарное соглашение о поставках, т. е. такое соглашение, которое СССР два года тому назад уже заключил с Румынией, Венгрией, Финляндией, полностью себя оправдавшее соглашение, в котором будет сказано, что Италия обязуется поставлять такие-то и такие-то товары. Г-ну Уилгрессу этого недостаточно. Он предлагает отложить решение относительно 100 миллионов долларов до тех пор, когда комиссия по учёту претензий других стран закончит свою работу. Но эта комиссия ещё не приступала к своей работе, и срок окончания её работы никому не известен. Кроме того, нет никакой связи между первым и вторым вопросами. Ясно, таким образом, что это — искусственный довод, придуманный специально для того, чтобы сорвать решение относительно 100 миллионов долларов в пользу Советского Союза. Тогда так и скажите, что вы на словах — за репарации в пользу СССР, а когда дело доходит до практического решения, хотите дело это сорвать. Ваше предложение отложить решение о 100 миллионах долларов без указания срока означает не что иное, как предложение отложить решение *ad calendas graecas*, т. е. до греческих календ, которых у греков никогда, как известно, не было, что, следовательно, означает откладывание дела на веки вечные! Вот как в действительности обстоит дело.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ ПРЕДЛОЖЕНИЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Ну как смотрит на это дело Италия? Мы имеем по этому поводу ноту итальянского министерства иностранных дел от 5 ноября 1945 года. В этой ноте итальянское правительство высказывается в том смысле, что самое большее, чего оно могло бы ожидать, — это то, чтобы каждая из Объединённых наций составила список своих претензий, описала итальянскому правительству понесённые ею убытки, а итальянское правительство, заключив необходимые двусторонние соглашения относительно суммы убытков, сможет договориться наилучшим образом с каждой из Объединённых наций относительно возмещения нанесённых ей убытков.

Какой путь покрытия своего долга перед Объединёнными нациями, пострадавшими от агрессии, видит итальянское правительство? Об этом можно судить по указанному официальному итальянскому документу от 5 ноября 1945 года. Это — двусторонние соглашения. Это — договорённость между победителями и побеждёнными, между потерпевшими и причинившими ущерб. Об этом говорится и в пункте третьем проекта мирного договора с Италией. Мы считаем это наилучшим способом решения задачи. Так же думает и итальянское правительство. Но г-н Уилгресс и поддакивающий ему представитель Австралии, — впрочем, я не знаю, кто кому поддакивает, — возражают против этого способа, ничего, однако, не предлагая взамен. Для советской делегации ясны их планы и их намерения: провалившись в одном деле, они пытаются получить реванш в другом, во всяком случае — сорвать решение. Говорят, что Италия не в состоянии будет платить репарации. Если так, то откровенно скажите это. Если так, то не голосуйте за репарации, тогда голосуйте против репараций. Но разговоры о невозможности для Италии выплатить 100 миллионов долларов репараций Советскому Союзу лишены основания.

Как обстоит дело в действительности? Дело обстоит так: итальянское правительство обратилось в Москве к советскому правительству с предложением восстановить торговые отношения между СССР и Италией. В этой ноте итальянское правительство указывает на то, что значительная часть итальянской промышленности и судостроительные верфи находятся в настоящее время в исправном состоянии; а что касается предприятий, более или менее повреждённых, то они восстанавливаются и могут возобновить работу. Для итальянской промышленности нетрудно было бы, говорится в ноте, взять на себя обязательство даже в отношении значительных поставок в области постройки судов, а также производства дизелей, моторов, электромеханизмов, аппаратуры по точной механике и оптике, материалов для электротяги, различных станков, дорожных строительных материалов и т. д. Вот в каком состоянии находится теперь это пошатнувшееся, разумеется, во время войны хозяйство Италии.

Италия говорит нам: мы хотим и можем восстановить и укрепить торговые связи, можем сделать для вас то-то и то-то, наше хозяйство в состоянии это делать. Мы хотим пойти им навстречу. И поэтому вместо иностранной валюты, которую нам хотят подсунуть австралийцы, мы говорим — текущая продукция, потому что мы хотим, чтобы рабстали заводы и фабрики Италии, вырабатывающие эту продукцию, что поможет восстановлению итальянской промышленности, даст работу десяткам тысяч и даже больше итальянских рабочих и т. д. Часть этой продукции Италия платила бы в качестве репараций. Так предлагает поступить Советский Союз. Предложение Советского Союза относительно решения вопроса о репарациях с Италией в пользу СССР справедливо и отличается несомненными достоинствами, так как оно не подрывает, а, наоборот, укрепляет народное хозяйство Италии.

Уилгресс видит третий пункт проекта и не замечает почему-то

четвёртого пункта, где говорится, что Советский Союз берёт на себя обязательство поставить Италии сырьё, необходимое для выделки тех или иных видов продукции, в тех случаях, когда это сырьё обычно импортировалось Италией из других стран.

Австралийская и канадская делегации относятся к вопросу о репарациях с Италии в пользу СССР, как к чуждому делу, и это понятно. Как известно, и на территории Австралии, и на территории Канады итальянские фашистские войска не были. Это счастье Австралии и Канады. Но вы, счастливые, вы не имеете права занимать такой позиции, какую занимаете сейчас по отношению к тем, которые, к несчастью, видели на своей земле оккупантов и понесли ущерб от вражеской оккупации. Мне кажется, что рассуждения, которые мы слышим в этой комиссии уже не первый день, всем своим остриём направлены в одну сторону — сломать те решения, которые приняты Советом министров, поддерживаемые всеми странами, которые пострадали от вражеской оккупации.

Советский Союз добивается репараций не только для себя, но и для всех пострадавших от войны и оккупации стран. Мы уже заявляли, что требуем минимальную часть репараций в возмещение своих убытков. СССР сказал, что понимает и поддерживает другие страны в их требованиях, если они будут требовать больше потому, что они слабее Советского Союза и им труднее справиться с восстановлением своего хозяйства, труднее покрыть этот ущерб. Мы согласны на меньшее. Но тут появляются адвокаты, которые, защищая абстрактную идею справедливости, фактически добиваются того, чтобы это меньшее не было вовсе дано. И это называется сочувствием и поддержкой. Я не знаю, должны ли мы благодарить за такую «поддержку» и за такую «дружбу» или откровенно сказать: «Избави нас, боже, от таких друзей, а с противником мы как-нибудь справимся сами»...

(Спец. корр. ТАСС)

«Известия» № 207 (9123)
от 1 сентября 1946 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. Я. ВЫШИНСКОГО НА ЗАСЕДАНИИ КОМИССИИ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ ВОПРОСАМ ДЛЯ ИТАЛИИ ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПРИ ОБСУЖДЕНИИ ВОПРОСА О РЕПАРАЦИЯХ

(2 сентября)

Я должен сказать несколько слов об австралийской поправке к пункту третьему 64-й статьи проекта мирного договора с Италией. В этом пункте говорится, что количество и виды товаров, подлежащих поставке в порядке репараций, должны являться предметом соглашения между правительством СССР и итальянским правительством и что эти товары выбираются и поставки распределяются во времени таким образом, чтобы не помешать экономической реконструкции Италии и не создавать дополнительных обязательств

для Союзных и Соединённых держав. Австралийская поправка, очень кратко изложенная делегатом Австралии, предлагает заменить слова о том, что соглашение должно заключаться между советским правительством и Италией, словами о том, что соглашение заключается между советским правительством и репарационной комиссией.

Я не могу скрыть своего удивления по поводу этого выступления. Я несколько раз обращался к тексту поправки и вспоминал то, что говорил здесь австралийский делегат, думая, не кроется ли здесь какое-то недоразумение. Я всё ещё нахожусь под этим впечатлением и ожидаю, что австралийский делегат выступит и скажет, что это недоразумение, что эта поправка по своему существу является бессодержательной и извращает всю перспективу отношений, которые сложились в репарационных вопросах и которые должны быть установлены между побеждёнными странами и странами-победительницами.

В самом деле, до сих пор, так это было в истории, отношения в части взимания репараций строились на единственно возможной основе: победитель предъявлял требования, побеждённый эти требования выполнял; победитель предъявлял свои претензии, возлагая на побеждённого известные обязательства, а побеждённый принимал к исполнению эти претензии и брал на себя ответственность за выполнение обязательств.

Других отношений не может существовать в этом вопросе между победителем и побеждённым. Именно этот факт, который лежит в основе правоотношений между государством-победителем и побеждённым государством, является предметом соглашения между той и другой сторонами. Есть две стороны — истец и ответчик, победитель и побеждённый, и между ними должны быть заключены соглашения по поводу тех обязательств, которые одна сторона принимает на себя перед другой стороной. Совершенно другой вопрос — имеются ли налицо один истец или несколько истцов, — для юриста это не составляет проблемы. Это составляет проблему для студента первого курса, который лишь приступает к изучению права.

Возьмём для примера Версальский договор. Советский Союз не участвовал в подготовке и подписании Версальского договора и не несёт ответственности за него, но в данном случае я обращаюсь к фактическим материалам, которые содержатся в этом договоре. Версальский договор предусматривал организацию репарационной комиссии. Этому вопросу посвящены, как вы, очевидно, помните, несколько статей Версальского договора (статьи 231, 232 и др.). Обратимся к этим документам для того, чтобы в истории, т. е. в прошлом, почерпнуть некоторые данные для оценки настоящего и для аргументации нашего будущего. Вы увидите, что тогда, после первой мировой войны, репарационная комиссия состояла из представителей победивших стран. Перед этой комиссией — представительницей победивших стран Германия — побеждённая страна несла ответственность за выполнение репарационных обязательств.

В четвёртом приложении к Версальскому договору перечисляются конкретные обязательства Германии. В параграфе 6 вы можете

видеть перечисление конкретных товаров, которые Германия должна была поставить победившим странам в качестве аванса. Здесь говорится, в частности, что Германия обязуется сдать в течение трёх месяцев после вступления в силу договора определённое количество голов живого скота: французскому правительству — 5 тысяч жеребцов, 300 тысяч коров — арденнской, булонской, бельгийской пород, 2 тысячи быков, 90 тысяч дойных коров, сто тысяч овец и т. д. Бельгийскому правительству причиталось меньше жеребцов, меньше коров, меньше баранов и коз. Но всё, что причиталось в счёт репараций, было указано очень определённо. О поставках угля — в миллионах тонн — говорилось в приложении V, о красящих веществах — в приложении VI. Репарационной комиссии оставалось лишь наблюдать за выполнением конкретных обязательств, которые по договору принимала на себя Германия, как побеждённая страна, перед странами-победителями.

Так было в истории после первой мировой войны. Нужно ли говорить, что репарационная комиссия не имела никаких иных функций, кроме функций контроля над выполнением Германией своих репарационных обязательств, и, конечно, никаких соглашений страны-победители с репарационной комиссией не заключали и заключать не могли, так как это было бы бессмыслицей. Между тем именно такую бессмыслицу отважилась предложить конференции австралийская делегация.

Как обстоит дело теперь? Мы имеем уже опыт, и довольно солидный опыт. Возьмём примеры в области репарационных отношений между Советским Союзом и Румынией, Венгрией и Финляндией. Между Советским Союзом и Румынией, между Советским Союзом и Венгрией, между Советским Союзом и Финляндией заключены товарные соглашения по взаимному согласию между ними и взаимной договорённости в отношении рода и количества товаров, в отношении цен, по которым эти товары должны поставаться, в отношении сроков и порядка поставок. По этим соглашениям Румыния, Венгрия и Финляндия взяли на себя известные обязательства; они должны выполнять их и они их выполняют, надо сказать, добросовестно. Так строятся правоотношения между Советским Союзом — победителем и Румынией, Венгрией, Финляндией — странами побеждёнными.

Я должен принести извинения за то, что я так подробно говорю на эту тему, но я обязан это сделать, так как австралийское предложение переворачивает всё вверх дном, все вещи ставит вверх ногами. Вместо того, чтобы использовать имеющийся уже в репарационном деле опыт, вместо того, чтобы пойти по пути, уже предложенному и изведанному, австралийская делегация выдумывает совершенно нереальные планы и предложения, вредные планы и предложения. Нам предлагается внести в проект договора такую поправку, согласно которой соглашения должны быть заключены не между Советским Союзом и Италией, а между Советским Союзом и репарационной комиссией. Иначе говоря, за поставки по репарациям будет отвечать не Италия, не итальянское правительство, как это должно быть и не может не быть, а будет отвечать

репарационная комиссия. Советский Союз должен будет предъявить свои претензии не к Италии, а к репарационной комиссии, Советский Союз будет взыскивать платежи не с Италии и итальянского правительства, а с репарационной комиссии. Как это может быть? Я ещё раз спрашиваю — как это может быть?

Репарационная комиссия не может быть заместителем итальянского правительства. Итальянское правительство не может отказываться от своей ответственности, переложив эту ответственность на репарационную комиссию. Если допустить, что репарационная комиссия будет создана — это особый вопрос, который я постараюсь осветить особо, изложив советскую позицию, — то во всяком случае, в функции репарационной комиссии не могут входить те задачи, которые пытается ей навязать австралийская делегация. Не репарационная же комиссия будет отвечать перед победителями, требующими и взыскивающими репарации, а Италия!

В формуле, которую предлагает австралийская делегация, не остаётся места для итальянского правительства; итальянское правительство исчезло из поля зрения. С одной стороны, авторы поправки ставят Советский Союз, с другой стороны — репарационную комиссию. Чтобы показать, насколько бессодержательна и бессмысленна эта поправка, нужно учесть именно то, из кого предлагается создать репарационную комиссию. Репарационная комиссия, по предложению австралийского делегата, должна состоять из представителей четырёх великих держав и трёх других заинтересованных стран. Что же получается? Получается, что государства, взыскивающие репарации, должны заключить соглашения о поставках им товаров с... репарационной комиссией, т. е. со своими собственными представителями! В данном случае, касающемся Советского Союза, дело должно будет, согласно австралийскому предложению, обстоять так, что Советский Союз должен заключить соглашение о репарационных поставках с комиссией, членом которой будет представитель СССР! Где же итальянское правительство? Где обязательства Италии? Где ответственность Италии? Достаточно поставить эти вопросы, на которые не даёт ответа австралийское предложение, чтобы убедиться в том, что это предложение лишено всякого смысла, что это — вредное предложение.

Я предлагаю, заявил Вышинский, отклонить это предложение австралийской делегации и принять предложение, изложенное в проекте, выработанном Советом министров иностранных дел.

ВЫСТУПЛЕНИЯ А. Я. ВЫШИНСКОГО
НА ЗАСЕДАНИИ КОМИССИИ ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ
И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫМ ВОПРОСАМ
ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ПО ПРОЕКТУ МИРНОГО ДОГОВОРА ДЛЯ ФИНЛЯНДИИ

(3 сентября)

Полковник Ходсон, — сказал А. Я. Вышинский, — говорил весьма пространно, выходя при этом далеко за пределы обсуждающегося здесь вопроса о передаче этого предложения на рассмотрение юридическо-редакционной комиссии. Ходсон признал, что проект создания «европейского суда защиты прав человека» находится в неподготовленном, сыром виде. Что же нам предлагают обсуждать? Оказывается, нам предлагают обсудить идею, которая даётся в самой общей абстрактной форме, крайне расплывчатой и лишённой даже намёка на что-либо конкретное.

Я понимаю, — продолжал Вышинский, — что д-р Эватт перед отъездом дал твёрдые указания полковнику Ходсону, и тот старается их выполнить. Эватт бросил только мысль и притом, надо признать, в совершенно бесплотном виде. Он бросил даже не мысль, а голую фразу, в которой нет ничего, кроме громких слов и сумбурной фантазии, не считающейся ни с какой реальностью. Он предлагает организовать какой-то международный суд, но как этот суд будет действовать, на какой основе, на основе каких законов? Какие он будет применять правовые нормы? Какие будут пределы его судебной власти? В каком отношении будет находиться этот так называемый «Европейский суд» к европейским государствам, суверенным государствам? Здесь возникает много важных вопросов. Но ни на один из них мы не получили и не можем получить ответа от авторов этого надуманного учреждения, называемого «Европейским судом». Австралийская делегация говорит — давайте создадим суд, а потом будем вырабатывать план, программу его действий, правила судопроизводства, организацию всей деятельности суда, может быть, новые законы. Разве это предложение? Это — голая мысль, притом сырая, неподготовленная, лишённая содержания и, да просят мне, — лишённая всякого смысла, как это нетрудно будет доказать дальше...

Когда люди строят здание, они сперва закладывают фундамент, затем воздвигают стены и покрывают их крышей. А здесь говорят — давайте сначала положим крышу, затем построим стены, потом перейдём к фундаменту и посмотрим, что из этого выйдет. Ясно, что из этой затеи ничего путного выйти не может. В сущности, после того, что сказал Ходсон, нам делать с этим «Европейским судом» нечего. Было бы правильнее всего не вносить этого вопроса в юридическую или иную комиссию, отказаться от этой праздной затеи, выбросить этот «проект» в корзину для ненужных бумаг.

Но, если вы хотите обсуждать поставленный вопрос, если начали его обсуждать в комиссии по Финляндии, давайте и продолжим

обсуждение до конца. Есть такая пословица, что, переправляясь через реку, лошадей не перепрягают. Но, впрочем, дело обстоит здесь не так просто. В данном вопросе дело не в юридической и не в политической стороне вопроса, а в том, где и сколько можно получить голосов. Здесь в комиссии — 10 голосов, и австралийская делегация не уверена, может ли она рассчитывать на получение даже простого большинства, а в комиссии по политическим и территориальным вопросам для Италии — 20 голосов, там есть блок доминионов и южно-американские делегации, на которые австралийская делегация рассчитывает почти безошибочно. Вы дошли до того, что открыто предлагаете не рассматривать этот вопрос в комиссии по Финляндии, где у вас не набирается большинства, а предлагаете передать комиссии по Италии, где вы рассчитываете собрать 11—12 голосов. Вот в чём ваша хитрая механика! Вы предлагаете искусственно задержать обсуждение вашего предложения в комиссии по Финляндии до того, как этот вопрос будет рассмотрен в комиссии по Италии, где ваших сторонников больше и где вам легче протащить свои предложения.

Если комиссия по политическим и территориальным вопросам для Италии подойдёт к этому вопросу через 2 недели, вы готовы ждать 2 недели, так как боитесь, что в других комиссиях провалитесь, как не раз уже проваливались. Будем говорить честно и открыто — почему не подходит для рассмотрения вопроса о «Европейском суде» комиссия по Финляндии? Потому, что здесь вы не соберёте нужные вам голоса. Вот ваша политическая арифметика.

Я настаиваю на том, заявил в заключение Вышинский, чтобы не создавались прецеденты, которые вызывают раздражение и мешают добрым отношениям. Будем действовать честно и откровенно. Здесь стоит на повестке дня предложение австралийской делегации. Давайте обсуждать его, не вырывая из общей связи вопросов, не превращая его в футбольный мяч, искусно перебрасываемый с одного поля на другое поле, где больше шансов забить гол.

Правила процедуры обязывают комиссию по политическим и территориальным вопросам по Финляндии рассматривать вопросы, связанные с мирным договором для Финляндии. Австралийская поправка была внесена на рассмотрение не в юридической комиссии, а именно в комиссии по политическим и территориальным вопросам для Финляндии. Я предлагаю отбросить всякие искусственные соображения и обсуждать вопрос так, как это обусловлено правилами процедуры.

«Известия» № 209 (3125)
от 5 сентября 1946 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. Я. ВЫШИНСКОГО НА ЗАСЕДАНИИ КОМИССИИ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ ВОПРОСАМ ДЛЯ ИТАЛИИ ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ (3 сентября)

Выступления, которые мы здесь прослушали, — сказал Вышинский, — довольно характерны. Они, несомненно, выражают тревогу делегаций некоторых стран по поводу того, что Советский Союз может оказаться в положении, выгодном для него и невыгодном для

других. Эта тревога ясно проявилась в дружном, согласованном выступлении Бразилии, Австралии, Южно-Африканского Союза и Канады. Уже одно перечисление этих делегаций проливает свет на подлинный смысл предлагаемой ими поправки. Их поправка продиктована страхом и опасениями, что сырьё, поставляемое Советским Союзом, станет на дороге коммерческих сделок, купеческих интересов заправил этих стран; купеческие интересы выше всего; дело не в репарациях, а в том, чтобы заработать на этих репарациях, чтобы могли заработать те, кто зарабатывает на коммерческих операциях и делает это своей профессией.

Вышинский подчеркнул, что советская делегация не считает возможным ломать решения, которые были приняты согласованно в Совете министров. Он напомнил историю вопроса о репарациях. Советская делегация в Совете министров настаивала на том, чтобы репарации Италии Советскому Союзу покрывались за счёт поставок товаров из текущей продукции промышленности; это было бы наиболее выгодно и для Советского Союза и для Италии.

Представители Соединённых Штатов и Англии возражали в Совете министров против этого. Они доказывали, что выплата репараций за счёт текущей продукции будет тяжёлым бременем для итальянского народного хозяйства и будет противоречить интересам Италии, одновременно накладывая известную тяжесть на экономику Англии и США.

В ходе этой дискуссии в Совете министров и родилось решение о том, чтобы Советский Союз, получая от Италии репарации товарами, предоставлял ей на коммерческих началах сырьё, которое она обычно импортирует.

С точки зрения СССР было бы, разумеется, выгоднее требовать товары из текущей продукции, не будучи ничем обязанным. Однако, чтобы достичь общего согласия, советское правительство взяло на себя обязательство поставлять Италии нужное ей сырьё для изготовления товаров в счёт репараций. Что же тут плохого или угрожающего кому-либо, что заставляло бы волноваться представителей Бразилии, Австралии, Южно-Африканского Союза и Канады? Кому такое решение невыгодно? Оно невыгодно только тем, кто хочет заработать на репарациях, которые Италия должна выплатить Советскому Союзу. В этом и заключается философия всего этого вопроса.

Здесь предлагают, чтобы в договоре было указано, что Советский Союз должен будет поставлять Италии сырьё «в случае необходимости». Что это значит? Кто будет решать, есть необходимость или нет необходимости в сырьё? Этого не будет решать ни Бразилия, ни Австралия, ни Южно-Африканский Союз, ни Канада. Это дело Италии и Советского Союза. Допустим, что Италия признает, что ей нужно сырьё, иначе она товаров поставить не сможет. Тогда Советский Союз обязан будет поставить ей это сырьё. Вы этого боитесь, господа члены бразильской, австралийской, южно-африканской и канадской делегаций? Тогда скажите прямо, что вы не хотите, чтобы сырьё шло из Советского Союза.

В статье о репарациях речь идёт о том, что Советский Союз должен будет поставлять сырьё на коммерческих условиях. Вы против коммерческих условий? Или вы только против коммерческого

соглашения, которое может заключить Советский Союз с Италией, но не против такого соглашения, которое вы сами сможете с ней заключить? Тогда так и скажите, внесите соответствующую поправку против коммерческих соглашений о поставках сырья, заключаемых Советским Союзом. Но где в этом случае гарантии, что тогда Италия действительно выполнит свои обязательства по репарациям? Когда мы даём сырьё, Италия не имеет права отказываться от выполнения наших требований о репарациях в пределах заключённого соглашения. Одно органически связано с другим. Это, по-моему, абсолютно ясно.

Тут пытались, выдвигая поправку, подавать её под видом благожелательного отношения к Советскому Союзу. Но представитель Греции откровенно поставил вопрос, когда сказал, что ему неясно, на пользу данный пункт Советскому Союзу или во вред ему. Не будем уточнять, чего добиваются те, кто так ставит вопрос; хотят ли они действовать на пользу Советскому Союзу или нет. Пожалуй, этого и не требуется в виду того, что вопрос и без того ясен. Я хотел бы только заметить, что поправка, предлагаемая здесь, ничем не поможет тем делегациям, которые её выдвигают. Если они хотят, попросту говоря, лишить Советский Союз возможности вступить в коммерческие отношения с Италией, то они этой поправкой ничего не добьются, ни этой поправкой, ни тысячью других поправок или предложений.

Исходя из всех этих соображений, я считаю, что наша комиссия должна отклонить поправку, выдвигаемую четырьмя делегациями, обычно выступающими против проекта Совета министров.

«Известия» № 209 (9125)
от 5 сентября 1946 г.

**ВЫСТУПЛЕНИЕ А. Я. ВЫШИНСКОГО
В КОМИССИИ ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫМ
ВОПРОСАМ ДЛЯ ИТАЛИИ
ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ПО ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ ПОДКОМИССИИ
ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ ПРОЕКТА СТАТУТА
СВОБОДНОЙ ТЕРРИТОРИИ ТРИЕСТ
(10 сентября)**

Советская делегация выслушала с некоторым удивлением предложение английской делегации не открывать прений, сказал Вышинский. То, что изложил здесь представитель английской делегации Макнейл, нельзя понять иначе, как попытку ограничить свободу слова в нашей комиссии, ограничить гласное обсуждение весьма серьёзного и важного вопроса. Такое предложение для нашей комиссии неприемлемо. Постановка вопроса о том, что выступать устно можно только тогда, когда есть письменное заявление, ведёт к ничем не оправданному ограничению членов комиссии и, кроме того, противоречит тому, что мы установили.

Мы установили, что можно отказаться от устного перевода на рабочие языки конференции выступлений в том случае, если текст этих выступлений заранее предоставляется в распоряжение членов комиссии. Это приемлемо. Но делегат Великобритании пошёл дальше и предложил вообще ликвидировать в комиссии прения по Триесту.

Почему подобный вопрос не поднимался раньше? Почему этот вопрос поднят только теперь, когда мы подошли к проблеме Триеста? Почему не говорили об этом, когда обсуждались другие статьи договора? Почему не принимали тогда экстренные, можно сказать, «пожарные меры», какие предлагаются сейчас для того, чтобы устранить с арены широкой гласности вопрос, который представляет жизненный интерес для будущего Триеста и не может не интересовать мировое общественное мнение?

Говорят, что нужно торопиться. Но торопиться нужно так, чтобы мы смогли избежать ошибок, а не наоборот. Здесь лучше следовать римскому правилу: «*festina lente*» — торопись медленно, т. е. не теряй времени зря, действуй быстро, но организованно и обдуманно.

Советская делегация считает предложение представителя Великобритании не только неправильным, но и опасным. Оно может породить предположение, что кто-то чего-то боится, что-то стремится скрыть и т. д. Зачем это нужно? Советская делегация с самого начала высказалась за широкую гласность работы конференции. Нам неприемлемы никакие поправки, никакие предложения, направленные на ограничение этого принципа — принципа полной гласности и общественного контроля.

Нужно, кроме того, иметь в виду и другое обстоятельство, касающееся существа дела. В самом деле, как будет работать подкомиссия, если предварительно она не получит от комиссии никаких установок и ориентиров? Не сомневаюсь, что тогда эта подкомиссия будет напоминать корабль, блуждающий по бурному морю прений без руля и без ветрил. От этого нельзя ждать ничего хорошего, кроме кораблекрушения, а кораблекрушение надо постараться предотвратить.

При обсуждении статута Триеста безусловно встретятся некоторые трудности, связанные с разницей в понимании и толковании отдельных принципиальных вопросов. Не нужно забывать, что в статуте Свободной территории Триест затрагиваются весьма серьёзные вопросы, без предварительного обсуждения которых в комиссии было бы очень трудно организовать работу подкомиссии, назначенной нами для рассмотрения имеющихся четырёх проектов статута. Таковы вопросы о конституции Триеста, о законодательстве и исполнительной власти, о правах, полномочиях и функциях губернатора, о взаимоотношениях между губернатором и правительством Свободной территории Триест, о гражданстве и правах граждан Свободной территории Триест, наконец, вопрос об основах, на которых должны будут осуществляться внешние отношения этого нового государственного организма — Свободной территории Триест.

По всем этим вопросам необходимо выслушать мнения делегаций. Такой обмен мнениями поможет установлению общих точек

зрения, устранил те или другие разногласия, сблизит наши позиции и облегчит подготовку одного проекта вместо имеющихся четырёх проектов. Это значительно облегчит работу подкомиссии. Мы должны дать ей в руки компас, которым она сможет пользоваться во время своей работы.

Советская делегация стоит за то, чтобы вопрос о статуте Триеста был обсуждён предварительно в комиссии в рамках основных принципиальных проблем. На основе этого обсуждения подкомиссия получит установку в своей работе, и её работа станет более деловой и успешной.

«Известия» № 215 (9131)
от 12 сентября 1946 г.

СТАТУТ ТРИЕСТА И ГЛАВНЫЕ ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

РЕЧЬ В. М. МОЛОТОВА

НА ЗАСЕДАНИИ КОМИССИИ ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ
И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫМ ВОПРОСАМ
МИРНОГО ДОГОВОРА С ИТАЛИЕЙ ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

(14 сентября)

Господин председатель, господа делегаты!

Вопрос о государственном устройстве «Свободной территории Триест» имеет важное принципиальное и практическое значение.

Вы знаете, что основа для выработки статута Триеста у нас имеется. Она дана в решении четырёх министров от 3 июля. В этом решении намечены границы «Свободной территории Триест»; признано, что целостность и независимость территории обеспечиваются Советом безопасности; установлены и общие принципы, на которых должны быть построены органы власти.

Тем не менее избранная Советом министров иностранных дел комиссия по выработке статута Триеста не пришла к единому мнению. Нам представлены, с одной стороны, три более или менее близких друг другу проекта от английской, американской и французской делегаций. С другой стороны, имеются два других проекта, представленные советской и югославской делегациями, в которых также есть немало однородных пунктов. Конференции предстоит разобраться в этих проектах и высказать своё мнение о статуте Триеста.

Можно по-разному подойти к вопросу о государственном устройстве Триеста. Надо, однако, помнить, что мы имеем в виду поставить всю эту территорию под покровительство Объединённых наций. Следовательно, принципы организации государственной власти в Триесте должны соответствовать основным целям Объединённых наций.

Нельзя рассматривать «Свободную территорию Триест» как какую-то подмандатную территорию. Тем более нельзя рассматривать эту территорию как своеобразную колонию Совета безопасности. Цель, которую мы должны поставить, ясна: благополучие населения Триеста и установление хороших отношений с соседями и с другими народами.

Если было бы неправильно рассматривать Свободную территорию как какую-то колонию или полуколонию, то мы не должны рассматривать её и как военную базу для тех или иных держав или даже для самого Совета безопасности. Нельзя превращать Триест в чью-то новую базу вооружённых сил на Балканах. Это не соответствовало бы ни интересам населения Триеста, ни интересам Объединённых наций. Всеми признаётся, что Триест является важным международным торговым портом, и он должен выполнить свою крупную роль в развитии международной торговли.

Предложение советской делегации исходит из решений, принятых четырьмя министрами. Моей задачей является разъяснить точку зрения советской делегации по этому вопросу, особенно в связи с проектами других делегаций.

1

ОРГАНИЗАЦИЯ ВЛАСТИ И ДЕМОКРАТИЗМ

Основы организации власти в Триесте — таков первый важный вопрос. В чьих руках должна находиться власть в Триесте: в руках народа или в руках губернатора? По этому вопросу наметились главные расхождения между проектами, представленными на конференцию.

В решении Совета министров иностранных дел сказано, что «законодательная и исполнительная власть устанавливается на демократических началах, включая всеобщее избирательное право». Таким образом, ясно сказано, кому должна принадлежать законодательная и исполнительная власть в Триесте. Из решения вытекает, что эта власть должна находиться в руках народа Триеста и что она должна быть организована на демократических началах.

В этом решении говорится также о том, какое положение должен занимать губернатор Триеста. Там сказано, что «губернатор назначается Советом безопасности после консультации с Югославией и Италией». Кроме того, сказано, что «губернатор представляет Совету безопасности ежегодные доклады». Таким образом, место губернатора определено также совершенно точно.

Тем не менее по проекту английской делегации вся полнота власти передаётся в руки губернатора. Таков же смысл американского проекта, а в значительной мере и французского проекта. В оправдание приводятся всякого рода соображения насчёт напряжённости политического положения в Триесте. Указывается, что здесь пока не следует вводить демократическое самоуправление, что надо отложить осуществление демократических принципов на этой территории на будущее время. Вопреки решению Совета министров иностранных дел, английский, американский и француз-

ский проекты требуют, чтобы хозяином Триеста был губернатор. Такова одна политическая установка.

Возникает вопрос, как же именно выглядят права губернатора в Триесте с этой точки зрения?

В английском проекте подробно говорится об этих правах. Здесь сказано, что правительственный совет будет состоять из председателя — губернатора, заместителя губернатора, директора порта и трёх лиц, назначаемых Ассамблеей Свободной территории с согласия того же губернатора. При этом указывается, что губернатор, заместитель губернатора и начальник порта должны быть не из граждан Триеста и не из граждан Югославии и Италии, а из граждан других государств. Таким образом, предлагается, чтобы правительство Триеста состояло наполовину из иностранцев. В английском проекте говорится дальше о том, что губернатор сохраняет за собой ответственность за внешние сношения, за поддержание общественного порядка и безопасности, что он имеет право увольнять членов правительственного совета и рекомендовать Ассамблее назначение других. Кроме того, сказано, что все административные должностные лица назначаются и увольняются по распоряжению губернатора, что он может увольнять членов судебных органов, что губернатор имеет право приостанавливать действие любого закона, отменять любое административное распоряжение и издавать приказы, имеющие силу закона. Губернатор уполномочивается также заключать соглашения с другими государствами, вступать в международные многосторонние соглашения и т. д. Как видите, согласно английскому проекту власть полностью передаётся губернатору. Примерно то же самое говорится как в американском, так и во французском проектах.

Возникает вопрос, что послужило образцом для выработки такого рода проектов?

В этой связи представляет несомненный интерес положение, которое можно встретить в британских колониях. Здесь губернаторам предоставлены права такого же рода.

Так, в Индии генерал-губернатор, он же вице-король, председательствует, когда хочет, на заседаниях совета министров, а сами министры назначаются тем же генерал-губернатором. От генерал-губернатора зависит, согласиться или не согласиться с тем или иным биллем (законом), причём генерал-губернатор может обнародовать любой указ, который, по его мнению, требуется данными обстоятельствами. Полиция и органы безопасности находятся в руках генерал-губернатора Индии. Остаётся добавить, что такие же права предоставлены губернаторам в отдельных провинциях Индии.

Возьмите другой пример. В Западной Африке имеется британская колония под названием Золотой Берег. Губернатор Золотого Берега имеет право утвердить или не утвердить решение местного законодательного совета. Он осуществляет высшее руководство администрацией колонии. Он может увольнять чиновников, если они не назначены королём. Исполнительный совет колонии Золотой Берег, выполняющий роль местного правительства, находится под председательством губернатора и, кстати сказать, тоже состоит из

шести человек, как это предложено для правительственного совета в Триесте.

Из всего этого видно, что положение губернатора в Триесте будет похоже на положение генерал-губернатора в Индии или на положение губернатора в колонии Золотой Берег в Африке. Спрашивается, подходит ли такое положение для «Свободной территории Триест». Что получится, если мы дадим такие права губернатору в Триесте? Не получится ли у нас вместо *Свободной* территории нечто вроде *губернаторской* территории, вместо свободного Триеста — губернаторский Триест? Мне кажется, что эта опасность налицо. Естественно, что советская делегация возражает против того, чтобы переносить опыт управления в британских колониях на Триест.

Будет неправильно, если в отношении Триеста мы будем придерживаться установки лорда Керзона насчёт Индии. Мы не можем сочувствовать такой политической установке. Нам чужды также идеи Сесиль Родса, известного организатора «Южно-Африканского Союза», который говорил так: «С туземцем надо обращаться, как с ребёнком, и нельзя давать ему избирательных прав, так же как и алкоголя. Мы должны осуществить систему деспотизма, подобную той, которая дала такие хорошие результаты в Индии». С такой рабовладельческой идеологией нельзя идти в Триест. Советская делегация хотела бы, чтобы это стало всем нам понятно.

Всё это говорит о том, что предложение британской делегации не соответствует элементарным принципам демократизма. Выступавший здесь британский делегат сказал, что он не недооценивает идеологической привлекательности советского проекта, но будто бы этот проект неприменим к реальной действительности в Триесте. Однако он этого не доказал, и я думаю, что не смог бы этого сделать. С другой стороны, советская делегация не может согласиться, чтобы принципы, которые проводятся Британской империей в Индии и на Золотом Берегу, были подходящи для Триеста.

Мы отнюдь не предлагаем проведение принципов советского демократизма в Триесте, хотя на опыте нашей страны эти принципы, как известно, дали немалые и, можно сказать, замечательные результаты. По мнению советской делегации, осуществление этих принципов возможно лишь при определённом уровне политического развития, когда это делается действительно жизненной потребностью народа. Но мы считаем, что общеизвестные принципы демократизма, которые получили теперь такое сильное развитие в странах Европы, могут быть с пользой применены и в Триесте. Такова наша установка.

Разумеется, мы должны различать положение, как оно складывается в отдельных странах.

Возьмите для примера две соседних страны: Грецию и Болгарию, где в самые последние дни решался вопрос о судьбах монархии путём плебисцита. Известно, как это происходило. В одном случае — в Греции решался вопрос о восстановлении монархии, причём были пущены в ход все средства давления со стороны внутренних органов и внешних сил, и в стране было создано такое

положение, при котором ничего, кроме фальсификации плебисцита, не могло получиться. Свободное выражение воли народа в таких условиях было невозможно. Другое дело — в Болгарии. Все признают, что там в нормальных условиях прошёл свободный плебисцит, который превратился в общенародное торжество. Всё население участвовало в этом плебисците, единодушно высказавшись за ликвидацию монархии и за установление республики в Болгарии.

Сравнивая две страны, мы видим, что в Болгарии установлена республика таким путём, который полностью соответствует общепризнанным принципам демократизма, и, с другой стороны, в Греции восстанавливается монархия такими средствами, которые не имеют ничего общего с честным отношением к принципам демократизма. Конечно, плохим примерам подражать не следует. Но разве не ясно, что теперь мы имеем достаточно фактов такого проведения принципов демократизма, которое указывает путь для осуществления демократизма в реальных политических условиях Триеста.

Триест тесно связан с современной политической жизнью в Европе. В Триесте около 300 тысяч жителей, которые привыкли к активной политической жизни и умеют ценить роль политических, профессиональных, культурных и других организаций демократического типа. Нельзя притти в Триест с таким статутом, который будет игнорировать демократические принципы государственного устройства. Антидемократический статут не внесёт желательного нам успокоения, а приведёт к обратным результатам. Мы уже давно живём в XX веке, и следовало бы признать, что демократизм стал жизненной потребностью народов.

Некоторым, правда, больше нравится демократизм XIX века, и они не хотят признать прогрессивное значение установившихся уже новых и весьма важных путей в развитии демократизма в наше время. Мы все знаем, что демократизм XIX века был большим прогрессом, и его положительная роль в борьбе против деспотизма, как и против фашизма в наше время, известна. В XIX веке в ряде стран развился демократизм парламентского типа, что было большим шагом вперёд в развитии государственной жизни. Но вне избирательных кампаний и вне стен парламента этот демократизм не получил широкого развития. Участие народа в государственной жизни всё ещё оставалось весьма ограниченным.

В наше время, в век радио, газет и кино, когда к тому же существуют массовые политические партии, профсоюзы и когда нередко даже церковь принимает самое широкое участие в проведении политических кампаний, демократизм приобрёл совершенно другой вид. В политическую жизнь теперь втягивается весь народ, миллионные массы. Не только в периоды избирательных кампаний, но и повседневно широкие массы народа участвуют теперь в политической жизни своей страны и активно реагируют на события международного порядка. Вместе с великими успехами радио, ежедневной прессы и многих других форм массового просвещения демократизм и формы его осуществления делают быстрые успехи в наше время. Триест расположен в одном из важных политических

пунктов Европы, и всё это к нему полностью применимо. Нас не поймут, если мы придём к тому мнению, что надо отказаться от проведения принципов демократизма в Триесте. Из этого мы должны сделать вывод, что государственное устройство Триеста необходимо осуществить на демократических основах. Триест не может остаться в стороне от большой дороги, в стороне от развития демократизма в странах Европы. Если хорошенько присмотреться к тому, что есть для всех нас приемлемого в современных демократических формах в Европе, мы, наверно, найдём немало хорошего и применимого для Свободной территории. И тогда мы откажемся от того, чтобы переносить сюда принципы губернаторской власти в колониях, а возьмём то, что полезно, и то, что практически применимо в данных условиях для демократического развития Триеста.

Вот почему мы высказываемся против предложенного британской делегацией проекта, напоминающего в какой-то мере колониальный режим, и считаем естественным, что Свободная территория должна быть организована на основах демократизма, не откладывая этого дела «в долгий ящик». Народ Триеста должен иметь возможность дышать действительно свободно и пользоваться всеми правами, как это имеет место и в других демократических государствах,— и только тогда всем будет понятно принятое нами решение о создании Свободной территории.

В статуте о Триесте важное значение имеет ещё вопрос о гражданстве. Советская делегация считает правильным югославское предложение, направленное в данном случае против бывших активных деятелей фашизма в Триесте. Не так давно мы все признавали, что надо покончить с остатками фашизма. Если это так, то активные деятели фашизма и их платные агенты не должны получить право гражданства в Триесте.

II

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ПРАВО ВЕТО

Предложения, которые мы взялись подготовить, должны дать новое место Триесту в международных отношениях.

Ещё в сентябре прошлого года Совет министров иностранных дел признал, что Триест должен быть свободным международным портом. Триесту надлежит сыграть важную роль в международной торговле, и мы должны позаботиться о том, чтобы вырабатываемые нами предложения содействовали этому. Разумеется, это надо сделать не за счёт интересов населения самого Триеста, а, напротив, с учётом этих интересов.

В этой связи необходимо остановиться на взаимоотношениях Триеста с соседями — с Югославией и Италией. Мы считаем необходимым, чтобы в триестском порту были специальные свободные зоны для обоих соседних государств. При этом нельзя не видеть, что Триест особенно заинтересован в развитии отношений с Югославией, являющейся его главным хинтерландом, хозяйственным

тылом. В связи с этим советская делегация считает правильным предложение о таможенной унии Триеста с Югославией, а также установление совместного с Югославией управления железными дорогами Триеста. При таком положении будут созданы более благоприятные условия для экономического подъёма Триеста и для всей международной торговли.

Один из выступавших делегатов высказывал в связи с этим опасение, не подготовит ли это почву для включения Свободной территории в Югославию. Однако это опасение не было ничем подкреплено. Во всяком случае, создавая Свободную территорию, мы не можем забыть об её географическом положении и о необходимости для неё тесных экономических связей, особенно с таким соседом, как Югославия. Забота об интересах Свободной территории требует такого решения, и мы должны пойти по этому пути.

Перехожу к вопросу о политическом месте Триеста в международных отношениях.

Во всех проектах, внесённых представителями четырёх министерств, имеется предложение о демилитаризации Триеста. Однако только в советском проекте говорится, что Свободная территория должна быть также и нейтральна. Признание нейтральности означает, что на этой территории не будет никаких вооружённых сил — ни внутренних, ни иностранных. Советская делегация считает, что конференция должна высказаться за такое предложение.

В связи с этим прежде всего необходимо, чтобы было принято решение о выводе иностранных войск из Триеста в определённый срок. Об этом, однако, ни слова не говорится в представленных проектах. Советская же делегация не считает возможным пройти мимо такого важного вопроса.

Обращает на себя внимание, что в меморандуме Соединённых Штатов Америки подчёркивается, что Совет безопасности должен иметь необходимые средства для обеспечения целостности и независимости Свободной территории. При этом деликатно умалчивается, о каких «необходимых средствах» идёт речь. На поставленные мною представителю Соединённых Штатов вопросы здесь также не было получено удовлетворительного ответа. Но нетрудно догадаться, что под «необходимыми средствами» в данном случае могут подразумеваться и вооружённые силы. Если это действительно так, то советская делегация не может дать согласия на предложение Соединённых Штатов. Для нас должно быть ясно, что присутствие вооружённых сил превратит Свободную территорию в военную базу. Это будет и в том случае, если эти вооружённые силы будут находиться в формальном подчинении Совету безопасности. В Совете министров иностранных дел было принято решение о том, чтобы Триест был свободным международным портом. Но никто ещё не считал возможным говорить о том, что Триест должен стать базой каких-либо вооружённых сил. Советская делегация исходит из того, что не только никакая отдельная держава, но и Совет безопасности не должен превращать Свободную территорию в военную базу, так как это придавало бы совершенно новый и притом совершенно нежелательный характер всему вопросу о Триесте.

Как известно, уставом организации Объединённых наций предусматривается, что члены этой организации в определённых случаях должны предоставлять Совету безопасности необходимые для поддержания мира вооружённые силы. По смыслу устава здесь имеются в виду действия, связанные с предупреждением агрессии или с подавлением выступления агрессивной державы. При этом предусмотрено, что на случаи такого рода должны быть заключены специальные соглашения между Советом безопасности и членами организации. Всё это, однако, не даёт никаких оснований, чтобы на Свободную территорию были введены вооружённые силы какой-либо державы или Совета безопасности и чтобы фактически эта территория превратилась в военную базу. Попытки такого рода не должны встретить поддержку среди нас.

Вопрос о взаимоотношениях Свободной территории с Советом безопасности заслуживает особого внимания. По представленному проекту Совет безопасности обеспечивает целостность и независимость Свободной территории, назначает губернатора и, наконец, получает от губернатора ежегодные доклады.

Вчера австралийская делегация выступила с возражениями против этих решений. Она доказывала, что Совет безопасности не справится с такими задачами. Австралийская делегация не смогла сделать никаких других предложений, заслуживающих внимания, но она заявила, что Совет безопасности с правом вето, предоставленным его постоянным членам, является неработоспособным органом и что поэтому на него не следует возлагать указанных выше полномочий.

Таким образом, австралийская делегация вновь нашла случай, чтобы порицать, охаивать и оплёвывать право вето, которое предоставлено определённым членам Совета безопасности. Можно было бы сказать по этому поводу: «не плюй в колодец — пригодится воды напиться». Но мы не можем ограничиться только таким ответом по вопросу о праве вето. Тем более, что в последнее время происходят всё новые и новые бесшабашные выступления против вето, которые не встречают должного отпора даже со стороны тех членов организации, которые были авторами устава. Если так будет продолжаться и дальше, то уважение к организации Объединённых наций будет подорвано в самом корне.

Чего, собственно, хочет австралийская делегация, выступая против вето в Совете безопасности, и понимает ли она, куда это ведёт?

На конференции в Сан-Франциско была впервые основана международная организация с серьёзными задачами борьбы за мир и безопасность народов. Эта организация построена на объединении всех миролюбивых держав для целей защиты всеобщего мира. Главным и принципиальным элементом этой организации является именно право вето, предоставленное пяти великим державам в Совете безопасности.

Согласно уставу организации Объединённых наций вето означает, что во всех важных вопросах, затрагивающих интересы мира, Соединённые Штаты Америки, Великобритания, Советский Союз,

Франция и Китай должны действовать согласованно и Советом безопасности не может быть принято по таким вопросам решений, с которыми была бы несогласна хотя бы одна из этих держав. Это значит, что вето мешает тому, чтобы две или три или даже четыре державы сговаривались между собой и действовали против того или другого из пяти главных государств. Вето побуждает великие державы к совместной работе, затрудняя интриги одних против других, что, без сомнения, в интересах всех Объединённых наций и в интересах всеобщего мира. Разумеется, этим не снимаются имеющиеся разногласия и споры, но свободное и открытое обсуждение спорных вопросов при наличии вето в конце концов обеспечивает лучший путь к взаимопониманию и уступкам, к сотрудничеству и соглашениям. Таким образом, вето направлено на то, чтобы действия великих держав шли на пользу всех миролюбивых государств, как больших, так и малых.

В Лиге наций не было права вето у великих держав. Лига формально была построена на принципе равноправия больших и малых государств. Те, кто выступают теперь за отмену вето, тянут нас назад от организации Объединённых наций к чему-то вроде Лиги наций. Но этим самым определяется и политический смысл этих выступлений.

Придётся снова кое-что напомнить о событиях предвоенных лет. Лига наций была создана после мировой войны 1914—1918 гг. Это был первый опыт создания международной организации, но его нельзя признать удачным. На деле Лига наций не сыграла существенной роли в отстаивании дела мира. Лига наций не смогла стать действенной организацией в защите безопасности народов, да не смогла отстоять и безопасности стран англо-французской группировки, имевшей господствующее влияние в этой первой международной организации. Как это закончилось — мы знаем.

Свое бессилие в защите дела мира Лига наций наглядно продемонстрировала в момент, когда стала надвигаться военная гроза. Тогда решение вопроса было перенесено из Женевы в Мюнхен, как этого потребовал агрессор. Позор Мюнхена заключается в том, что здесь те державы, которые играли руководящую роль в Лиге наций, расписались в своём бессилии в отношении защиты дела мира и пошли на сделку с агрессором, сделав это за спиной других миролюбивых стран и за счёт их интересов, что лишь поощрило агрессора в его планах военных авантур. Мюнхен привёл нас к новой мировой войне, убедительно показав, что без единого фронта *всех* миролюбивых держав нельзя обеспечить должное противодействие агрессии, нельзя отстоять дело мира.

В ходе последней войны сложился блок великих держав, ставших во главе демократических стран и разгромивших агрессора на Западе и на Востоке. В результате этого было признано необходимым создать новую международную организацию по защите мира и безопасности народов. Появилась организация Объединённых наций, а также Совет безопасности и право вето. Этим была сделана попытка создать, наконец, действенную организацию для обеспечения всеобщей безопасности. Именно вето играет здесь

главную роль. Принцип вето требует от всех великих держав внимания к их общим интересам и к интересам всеобщего мира, затрудняя создание узких блоков и группировок одних держав против других держав и тем более затрудняя возможность чьих-либо сделок с агрессором за спиной и против интересов миролюбивых стран.

Что может означать отказ от права вето в организации Объединённых наций? Нетрудно догадаться, что он может развязать кое-кому руки для определённых действий. Отказ от права вето, конечно, облегчит создание узких группировок и блоков среди великих держав и во всяком случае развяжет руки тем, кто является противником единого фронта Объединённых наций в защите дела мира. Но этот путь уже изведен нами. По этому пути мы пришли ко второй мировой войне. Ничего, кроме позорного краха организации Объединённых наций, он не обещает.

Такие планы идут навстречу желаниям лишь реакционных кругов и помогают лишь лагерю безудержных империалистов. Они не скрывают, что им в тягость сотрудничество с Советским государством. В этих кругах, конечно, немало тех, которые склонны заняться стряпнёй новых и новых антисоветских проектов. Но перед нами незабываемый опыт Лиги наций. Она попыталась защищать мир без Советского Союза и даже прямо за счёт интересов Советского Союза. Из этого ничего хорошего не вышло. Игнорировать Советский Союз, забывать о важности его поддержки в вопросах мира в наше время опасно. На это могут пойти только те, кто вместо сотрудничества с Советским Союзом предпочитает строить свои расчёты на сделках и соглашениях с будущим агрессором, что, понятно, не имеет ничего общего с интересами мира и международной безопасности. Такие расчёты были уже раз биты. Они будут биты снова, для чего особенно важно во-время раскрыть народам их звериную империалистическую сущность и их несовместимость с интересами мира и безопасности народов.

После второй мировой войны появилась новая организация для защиты мира. На Совет безопасности теперь возложена задача обеспечить сотрудничество всех великих держав и вместе с тем неуклонно заботиться об интересах всеобщего мира. Такой организации не было ни в XIX веке, ни перед первой, ни перед второй мировой войной. Создана международная организация, которая построена на принципе, не допускающем игнорирования не только Советского Союза, но и других миролюбивых государств. Право вето как раз предназначено для этой цели. Конечно, вето — не панацея. Блоки и группировки имеют и теперь место, но всё же принцип вето даёт известную основу для развития сотрудничества держав в деле защиты безопасности народов, как ни велики имеющиеся в этом отношении затруднения. Если мы действительно стоим за мир и безопасность, мы должны дорожить этим оружием, предназначенным служить таким важным целям.

Конечно, между державами имеется немало расхождений по тем или иным вопросам, и споры неизбежны. Но пути для разрешения разногласий мы уже не раз находили. Эти пути не закрыты для нас

и в дальнейшем, особенно если все мы поймём, что попытки диктовать волю одной державы или одной группы держав другим державам несостоятельны и неуместны. Мы должны смотреть вперёд и не должны позволить тянуть нас к старому, разбитому корыту — Лиге наций. В созданной после войны международной организации мы должны стремиться к образованию единого фронта миролюбивых государств, не допускающего игнорирования какой-либо державы и направленного против всяких новых попыток возрождения агрессора.

Наскоки австралийской делегации на право вето не имеют ничего общего с интересами всеобщего мира, с интересами развития сотрудничества народов. Бессильное злопыхательство против Совета безопасности и против вето может оказать помощь только тем, против кого мы воевали, и получить благодарность только от будущего агрессора. Мы хотели бы надеяться, что эти потуги потерпят крах, встретив отпор со стороны всех действительных сторонников мира и безопасности народов.

III

ВЫВОДЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Перехожу к выводам.

Советская делегация считает необходимым, чтобы организация власти в Триесте была построена на демократических началах, как это и предложено в представленном проекте. Триест должен быть действительно Свободной территорией, а не какой-то губернаторской территорией. Это — наш первый вывод.

Советская делегация стоит также за то, чтобы был сохранён предложенный в проекте принцип, устанавливающий взаимоотношения между Триестом и Советом безопасности. При этом мы считаем, что в наших предложениях по вопросу о Триесте, его отношениях с соседями и другими странами дана достаточная база для решений конференции. Таков второй наш вывод.

Рассмотрение статута Триеста выдвинуло перед нами ряд важных политических вопросов. При новом положении Триеста приобретает особое значение правильное разрешение вопросов о взаимоотношениях между основными национальностями этой территории, а также вопрос о взаимоотношениях с соседними народами. В этом отношении может быть весьма полезным опыт Советского Союза в разрешении национального вопроса. На основе ленинско-сталинской национальной политики в Советском Союзе, объединяющем 16 союзных республик и целый ряд автономных республик и национальных областей, достигнуты важные успехи по установлению дружбы между народами, стоящими на различных ступенях политического развития, с большими различиями в быте и языке. У нас есть полная уверенность в том, что правильное использование этих достижений может принести немалую пользу и в Триесте. Конечно, и австралийская делегация должна поделиться своим опытом в такого рода вопросах. Но, насколько известно, опыт этот невелик. Австралия имеет только такие подмандатные территории, как Новая Гвинея и остров Науру с его двухтысячным туземным населе-

нием. И всё же советская делегация считает, что мы все должны помогать своим опытом в тех случаях, когда организация Объединённых наций решает ту или иную важную задачу. Но, поскольку здесь подчёркивалась сложность национально-политических проблем в Триесте, советская делегация считает нужным заявить, что многообразный опыт урегулирования межнациональных отношений в Советском Союзе во всяком случае принесёт и здесь существенную пользу.

В соответствии с изложенными мною соображениями советская делегация вносит на рассмотрение комиссии и для последующего, более детального изучения в подкомиссии следующие предложения:

«В развитие положений, принятых Советом министров иностранных дел 3 июля 1946 г., в статуте Свободной территории Триест должны быть предусмотрены следующие положения:

1. Свободная территория Триест будет нейтральна и демилитаризована.

2. Все иностранные войска, находящиеся на Свободной территории Триест, должны быть выведены в течение 30 дней после вступления в силу Мирного договора с Италией.

3. Международный режим порта Триест должен обеспечить, чтобы портом и транзитными льготами Триеста могла пользоваться на равных условиях вся международная торговля, причём соседним государствам — Югославии и Италии в порте отводятся свободные зоны.

4. В целях обеспечения благоприятных условий для экономического развития Свободной территории Триест будет осуществляться экономическое сотрудничество Свободной территории с Югославией (таможенная уния, совместное управление железными дорогами Свободной территории Триест и т. п.).

5. Обязанностью губернатора является обеспечение соблюдения статута Свободной территории.

6. Законодательная власть осуществляется Народным собранием, избираемым путём всеобщего равного, прямого и тайного голосования.

7. Исполнительная власть принадлежит правительству Свободной территории, которое образуется Народным собранием и несёт ответственность за свои действия перед ним. Правительство осуществляет управление Свободной территорией; ему подчиняются все органы административной власти, включая полицию, пограничную и береговую охрану.

8. Гражданство Свободной территории Триест предоставляется бывшим итальянским гражданам, проживавшим на 10 июня 1940 г. и продолжающим проживать на этой территории ко дню вступления в силу мирного договора с Италией. Однако правом на приобретение триестинского гражданства не пользуются активные деятели фашистского режима в Италии, активные члены фашистской партии, военные преступники, лица, состоявшие на службе в итальянской полиции, и государственные чиновники, прибывшие из Италии после 1922 г.

9. Создаётся Межсоюзная комиссия из представителей Великобритании, США, СССР и Франции, которая после вступления мирного договора в силу образует временное правительство Свободной территории Триест, для чего Межсоюзная комиссия проведёт консультации с местными демократическими партиями и организациями.

10. Особой обязанностью временного правительства является назначение в трёхмесячный срок выборов в Народное собрание».

Советская делегация выражает уверенность, что вопрос о статусе Триеста найдёт своё правильное разрешение на настоящей конференции.

«Известия» № 219 (9135)
от 17 сентября 1946 г.; см. также
В. М. Молотов, Вопросы внешней политики,
стр. 174—194.

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. Я. ВЫШИНСКОГО НА ЗАСЕДАНИИ КОМИССИИ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ ВОПРОСАМ ДЛЯ БАЛКАН И ФИНЛЯНДИИ ПРИ ОБСУЖДЕНИИ ВОПРОСА О КОМПЕНСАЦИЯХ

(26 сентября)

Наша комиссия,— сказал Вышинский,— достаточно много внимания уделила весьма серьёзному вопросу, а именно вопросу о компенсации. Правда, к сегодняшнему заседанию этот вопрос уже потерял в значительной степени ту остроту, которую он имел до сих пор, поскольку американская делегация отказалась от своей первоначальной позиции, которая заключалась в требовании полной компенсации. Известно, что советская делегация, сформулировав свои предложения к статье 24, указывала на то, что, принимая во внимание ряд обстоятельств и, в частности, то, что Румыния не просто вышла из войны против Объединённых наций, но приняла активное участие на стороне Объединённых наций в войне против Германии, не должна компенсировать ущерб, причинённый собственности Объединённых наций, в полной мере и в полном объёме. Советское правительство считало, что это было бы несправедливо и что справедливость, наоборот, требует ограничения размеров этой компенсации. Именно такого принципа советское правительство придерживается в отношении репараций. Советский Союз понёс громадные потери в этой войне и, в частности, по вине Румынии. Румынские армии проникли на территорию Советского Союза; они оккупировали некоторую часть юга Украины, они участвовали в нашествиях, в грабеже советского добра, в уничтожении советского имущества, в уничтожении людей, гибель которых, конечно, не может быть оплачена никакими реституционными или репарационными платежами. Тем не менее советское правительство великодушно согласилось, как известно, на возмещение причинённого ущерба лишь частично. Наши потери в действительности в 5 раз превышают

сумму репарационных платежей. Поэтому вполне было естественно, законно, справедливо и логично, чтобы, установив один принцип возмещения своих потерь и ущерба в отношении репараций, не отходить от этого принципа и в отношении возмещения ущерба во всех иных случаях, в том числе и в отношении возмещения ущерба, причинённого собственности Объединённых наций на территории Румынии.

Поэтому достойно было удивления то обстоятельство, что американская делегация заняла на конференции иную позицию, доказывая вместе с британской делегацией и поддерживающими их делегациями других стран, что в этом случае следует применить принцип полного возмещения.

Но в этом нет никакой логики, хотя спор по этому вопросу имеет, вероятно, уже более чем годовую давность. Сейчас этот спор снят; американская делегация уже не настаивает на полной компенсации. Следовательно, можно констатировать торжество принципа, который защищала советская делегация. Тем более кажется странным,—подчеркнул Вышинский,—что представитель делегации США У. Торп избрал темой своего выступления вопросы, не имеющие никакого отношения к указанному спору.

Можно было ожидать, что Торп либо будет защищать американское предложение о полной компенсации, либо объяснит, почему делегация США от него отказалась. Между тем в действительности Торп по этому поводу ничего не сказал. Он не проронил ни звука по поводу компенсации. В своей длинной и несправедливой речи Торп говорил о другом — о непосильном якобы бремени, возложенном на Румынию условиями перемирия. Однако Торп забыл, что эти условия были подписаны от имени США и Великобритании так же, как и от имени СССР. Эти условия приняла и Румыния, так как они справедливы и великодушны. Эти условия Румыния добросовестно выполняет, чему немало способствует непрекращающаяся помощь, оказываемая Советским Союзом Румынии. В самом деле, по условиям перемирия Румыния обязана уплатить Советскому Союзу репарации в течение 6 лет. Советское правительство рассрочило эти платежи на 8 лет, сняло с Румынии штраф за несвоевременное выполнение репараций и применило ряд других льгот. О каких же трудностях говорит здесь с такой смелостью Торп? — спрашивает Вышинский.

Подвергнув детальному анализу цифры, приводившиеся представителем США, Вышинский убедительно показал, что цифры эти были взяты без учёта действительного их значения, что они являются произвольными и тенденциозными. Он показал далее, что цифры, называвшиеся представителем США, в ряде случаев произвольно преувеличивались, а в ряде случаев столь же произвольно преуменьшались, смотря по тому, что казалось выгодным Торпу и американской делегации.

Если так подходить к цифрам, как подходит к ним Торп, то, конечно, можно доказывать что угодно,—сказал Вышинский.—Нужно лишь уметь ловко делать это. Однако большой ловкости представитель американской делегации тоже не проявил. Советская

делегация должна решительно возражать против такого вольного обращения с различными данными, как это позволяет себе Торп, тем более, что статистические упреждения Торпа совершенно не связаны с какой-либо деловой практической задачей, стоящей перед нашей комиссией, так как эта задача, в сущности говоря, уже решена.

Вышинский указал, что Торп, видимо, впал в заблуждение, доверившись недоброкачественной информации. В результате он попал в положение, которое едва ли может соответствовать положению представителя дружественной страны. Выступление Торпа производит такое впечатление, словно оно продиктовано желанием поставить под сомнение законное право Советского Союза на возмещение ущерба, причинённого ему войной. Сам Торп в своём выступлении вынужден был признать, что он не имеет ни точных цифр, ни точных фактов. Однако он счёл возможным на своих сомнительных данных построить глубоко несправедливые выводы.

— Вот почему мы отвергаем ваши расчёты, отвергаем ваши выводы,— заключил свою речь Вышинский,— это всё недоброкачественный материал, недостойный взаимоотношений дружественных государств.

Торп, выступая здесь от имени американской делегации, пытался критиковать выполнение румынским правительством статей 10, 11 и 12 соглашения о перемирии от 12 сентября 1945 года. Но то, что Торп говорил по этому поводу, доказывает лишь то, что он равнодушен к тому, что стоила советскому народу война, навязанная ему гитлеровской Германией и её сообщниками, среди которых тогда на последнее место занимала Румыния Антонеску.

Да это и неудивительно. Американцы не испытывали ужасов иноземного нашествия, и они плохо представляют себе, что это означает, так как враг не топтал их поля, не разорял их города и деревни, не уничтожал их дома и имущество, не губил тысячи и тысячи людей — женщин и детей, здоровых и больных, молодых и старых. Наша земля разорялась войной, а для США война служила источником обогащения, накопления, прибылей.

Вот, например, американская нефтяная компания в Румынии «Ромына — Америка» получила в 1943 году прибыли 726 миллионов лей, другая американская компания, «Астра — Ромына», получила 846 миллионов лей прибыли. Теперь американская делегация кричит об убытках американских нефтяных королей и князей в Румынии, требует возмещения полученного ими ущерба. А прибыли? О них молчат. Ну, что же! Фирмы торгуют для того, чтобы получать прибыли. Это вполне понятно. Но это было в 1943 году, т. е. это было тогда, когда эти самые «Ромына — Америка» и «Астра — Ромына» торговали с немцами и наживались в войне против нас, наживались вместе с немцами, наживались на нашей крови, на наших разрушениях, на гибели наших братьев, отцов, сыновей, дочерей, жён, матерей... Вот на чём росли их прибыли. Об этом забыл Торп, об этом умолчала здесь вся американская делегация. Она занялась рассуждениями на тему о бремени материальных обязательств, пользуясь недостоверными фактами, произвольными

цифрами, полученными из недобросовестных источников и от недобросовестных информаторов.

Торп здесь заявлял, что в США привыкли использовать цифры и факты. Когда это возможно, при решении вопросов, определяющих политику.

Мы видели эти «цифры и факты» и могли убедиться, чего они стоят. Дёшево они стоят, должен сказать.

«Мы представляем членам комиссии,— заявил Торп,— результаты обследования».

Сказано громко. А на деле оказалось, что это так называемое «обследование» не что иное, как жалкая шпаргалка, составленная из фраз, надёрганных из недоброкачественных меморандумов румынских экспертов, которых на время конференции одолжили американской делегации известные «деятели» из лагеря Маниу, Михалаке, Гафенку и т. п.

Но американская делегация должна была заявить, что действительно точных фактов и цифр у неё нет. При таком откровенном признании дальше и говорить не о чём.

Делегату США Торпу нечего было сказать в своё оправдание, и он ограничился несколькими общими фразами. Торп признал, что делегация США в течение ряда месяцев не соглашалась с предложением советской делегации о частичной компенсации ущерба, понесённого гражданами Объединённых наций, владеющими собственностью на территории бывших вражеских стран. Однако теперь «под влиянием бесспорных фактов» делегация США отказывается от своей прежней точки зрения.

А Я. Вышинский в своей краткой реплике отметил, что сказанное Торпом не имеет никакого значения и не может оправдать всего того, что он наговорил в своей речи 23 сентября. Далее Вышинский заметил: «Торп говорит о том, что делегацию США теперь убедили факты. Но ведь эти факты существовали и несколько месяцев тому назад. Странно, что теперь те же самые факты оказались способными убедить Торпа».

В заключение Вышинский сказал:

«Вы заявили, что подчиняете факты политике, мы же считаем, что нужно подчинять политику фактам. Это правильное и достойнее».

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. Я. ВЫШИНСКОГО
В КОМИССИИ ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫМ
ВОПРОСАМ ДЛЯ ИТАЛИИ
ПО ПОВОДУ ПРЕДЛОЖЕНИЯ
АВСТРАЛИЙСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ
О СОЗДАНИИ «ЕВРОПЕЙСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО
СУДА ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ПРАВ»

(27 сентября)

Комиссия по политическим и территориальным вопросам для Италии рассмотрела на сегодняшнем заседании предложение австралийской делегации о создании некоего «европейского международного суда человеческих прав». Как известно, это предложение уже провалилось ранее в некоторых других комиссиях Мирной конференции, но австралийская делегация упорно продолжала за него цепляться.

Вышинский дал подробный анализ предложения австралийской делегации, показав полную несостоятельность этого предложения. Достаточно сказать, что в австралийском проекте отсутствуют самые элементарные указания на то, как должен быть организован этот так называемый европейский суд, на основе каких правил судопроизводства он должен будет действовать и какие законы он должен будет применять. Австралийский проект ограничивается пустым заявлением, что вопросы об организации суда и в том числе порядок назначения судей будут предусмотрены статутом, проект которого, как говорится в австралийском предложении, «при сем прилагается». В действительности никакого статута суда австралийская делегация не представила, и, несмотря на все указания по этому поводу на предыдущих заседаниях, в течение вот уже целых двух месяцев австралийская делегация статута не разработала и предпочитает о нём умалчивать.

Нам предлагают учредить европейский суд, говорил Вышинский в заседании комиссии 27 сентября, неизвестно, однако, из кого состоящий, неизвестно, на основании каких законов функционирующий, неизвестно, какие законы применяющий. Таким образом, в юридическом отношении в этом вопросе — пустое место, и не случайно комиссия юристов-экспертов, которой было поручено рассмотреть австралийское предложение, единодушно подтвердила невозможность принять и включить в проект мирного договора австралийское предложение об учреждении этого суда. Но в данном вопросе имеется ещё другая сторона дела, связанная с принципом уважения суверенитета независимого государства. Австралийский проект является грубым нарушением этого принципа, поскольку он подчиняет юрисдикции этого европейского международного суда правительства тех государств, с которыми будут заключены мирные договоры.

Кроме того, австралийский проект предусматривает возможность обращения к Европейскому суду граждан данного государства с жалобами на своё собственное правительство. Сказано достаточно для того, чтобы убедиться в полной несостоятельности и неприемлемости представленного австралийской делегацией проекта об учреждении «Европейского суда по защите прав человека».

В своём выступлении Вышинский поставил перед австралийской делегацией вопрос, почему она предлагает свои меры по защите прав человека лишь в отношении европейских стран? Почему австралийская делегация распинаяется в защиту якобы прав человека в странах, с которыми должны быть заключены мирные договоры, подготавливаемые на Парижской конференции, и ничего не говорит о действительно актуальных проблемах защиты человеческих прав в других странах?

Почему, спрашивал Вышинский, вы, австралийская делегация, ничего не говорите о необходимости защитить права индусов в Южной Африке, или негров в США, или индонезийцев в голландских колониях на Яве, Суматре и т. д.?

Я не сомневаюсь, заканчивает Вышинский, что все эти вопросы останутся без ответа со стороны австралийской делегации. Между тем, ответы на эти вопросы были бы особенно важными и необходимыми.

Вышинский от имени советской делегации решительно высказался за отклонение австралийского предложения и дал совет «отправить это предложение в корзину для ненужных бумаг».

* *
*

Выступая с обоснованием советского предложения к статье 76, Вышинский указал, что споры по мирному договору с Италией не имеют никакого отношения к международному суду и должны рассматриваться послами четырёх держав в порядке, предусмотренном статьёй 75 проекта договора.

Международный суд, говорил Вышинский, учреждён не для того, чтобы разрешать подобные споры. Но советская делегация против передачи таких споров в международный суд ещё и потому, что такая передача предусматривается в обязательном порядке. Между тем Советский Союз принципиально отвергает передачу вопросов в международный суд в обязательном порядке. Решения, выносимые международным судом, продолжал Вышинский, должны иметь обязательную силу, но само обращение к суду должно быть исключительно факультативным, добровольным. Советское правительство настаивает на добровольной подсудности международному суду. Это предусмотрено и уставом организации Объединённых наций, подписанным Советским Союзом. Поэтому Советский Союз не может теперь принять предложение, противоречащее принципу, в соответствии с которым СССР согласился поставить свою подпись под уставом.

Вышинский напомнил неоднократные выступления представителей США на Мирной конференции, не раз ссылавшихся на то, что внесённое предложение противоречит практике конгресса США и

американскому законодательству и поэтому не может быть принято. В данном случае советская делегация находится в таком же положении, так как предложение, внесённое делегациями Великобритании, США и Франции, противоречит всем принципам, которыми руководствуется советское правительство. Исходя из всего этого, советская делегация высказывается против англо-американского предложения и поддерживает своё предложение к статье 76 проекта мирного договора с Италией.

«Известия» № 229 (9145)
от 28 сентября 1946 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. Я. ВЫШИНСКОГО НА ЗАСЕДАНИИ КОМИССИИ ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫМ ВОПРОСАМ ДЛЯ ИТАЛИИ О СТАТУТЕ СВОБОДНОЙ ТЕРРИТОРИИ ТРИЕСТ

(2 октября)

У нас действительно имеется большое обилие материалов о статуте для Триеста, но недостаток этих материалов главным образом тот, что они не систематизированы. К сожалению, это надо сказать и о докладе, который представлен нам комитетом по статуту Свободной территории Триест. Тем не менее, из всех этих материалов нельзя не усмотреть отчётливого наличия двух тенденций. Одна тенденция направлена на то, чтобы укрепить и дальше развить все принципы демократизма, которые уже заложены в решении Совета министров и именно в проекте статьи 16, точнее — в параграфе 6 этой статьи. Другая тенденция, которая, я позволю себе, невзирая на дипломатические условности, прямо это сказать, направлена против этого стремления укрепить и развить принципы демократии в Триесте. Это очень отчётливо проявилось в самом докладе комитета. Позиция трёх делегаций — США, Великобритании и Франции, как заявил докладчик Стар Бусман (Голландия) и как это записано в докладе, заключается в том, чтобы статуту Свободной территории Триест придать более ограниченный характер, чем это имеет место в отношении статута обычного государства. Это — дословное выражение из доклада комитета. Обратитесь к докладу комитета по статуту Свободной территории, и вы легко там найдёте это откровенное признание: оказывается, три делегации — делегации США, Великобритании и Франции — трудились над тем, чтобы статут Свободной территории Триест был менее всего похож на статут «обычного государства». А что это за «обычное государство», как не демократическое государство? Обычное государство — это демократическое государство, государство, опирающееся на принципы демократии. Но, как признаёт сам доклад комитета, делегации США, Великобритании и Франции стремились к тому, чтобы придать возможно более ограничительный характер этому статуту Триеста по сравнению с тем, как это бывает в обыкновенном демократическом государстве. Вот эта тенденция, которая на-

правлена не на развитие демократических принципов, какие установил проект Совета министров в статье 16, а, наоборот, на возможно большее ограничение этих принципов. Эта тенденция прямо противоположна основной задаче, которую поставил перед нами проект Совета министров.

Надо сказать, что это обнаружилось очень резко и в том объеме власти губернатора, которая, по этим трём проектам, не исключая и проекта, представленного сегодня Кув де Мюрвилем от имени французской делегации, отличается такой широтой и размахом. Объем власти губернатора получается гипертрофичным. В самом деле, ему, губернатору, вверяется обеспечение мира и безопасности на Свободной территории Триест, не Совету безопасности, а именно губернатору, который должен буквально благодетельствовать всю эту территорию. Ему, губернатору, вверяется забота о целостности и независимости Свободной территории Триест. Ему для этого передаются соответствующие, так называемые «средства» в виде жандармерии, полиции и, как это откровенно говорит распространённый здесь британский проект от 27 сентября, посвящённый вопросу о временном режиме в Триесте, всякого рода военные сооружения, укрепления и военные упражнения. Вот, оказывается, что представляет собой эта демократия не обычного государства — военные сооружения, укрепления и военные упражнения. Английский проект не указывает, против кого предназначаются эти военные меры, но, отвечая на этот вопрос, нельзя не учитывать, что этому вооружённому с ног до головы губернатору противопоставляется безоружный народ будущей так называемой Свободной территории Триест. С таким пониманием демократичности статута и демократии вообще мы согласиться не можем. Все такие проекты мы должны отвергнуть и не можем не отвергнуть, если не откажемся от общепринятого понимания демократизма, если не откажемся от согласованных в Совете министров установок и если не будем игнорировать законных и справедливых требований триестинского народа. Вот почему мы не можем согласиться ни с проектами делегаций США, Великобритании и Франции, ни с большинством тех положений, которые содержатся в новом проекте, представленном Кув де Мюрвилем. И это тем более, что то, что в них приемлемо, — есть уже в решении Совета министров, а то, что добавлено, — оказывается совершенно неприемлемым. Вот примеры.

В первом пункте французского проекта говорится, что Совет безопасности обеспечивает целостность и независимость Свободной территории. Это правильно, это нужно принять. Но дальше говорится, что на Совет безопасности возлагается поддержание общественного порядка. Откуда это взято? В параграфе 2 решения Совета министров ничего не говорится о том, что Совет безопасности будет обеспечивать общественный порядок, а говорится только о том, что им обеспечивается независимость и целостность Свободной территории Триест. Это совершенно другое дело.

Мы не можем согласиться со статьями, которые воспроизводят такую широту административной власти губернатора. Такие широкие полномочия губернатора превращают его в высший правитель-

ственный орган, конкурирующую с правительством исполнительную власть, что несовместимо с принципом государственной независимости Свободной территории Триест. Мы стоим на почве решения Совета министров, которое имеет в виду организацию демократического государства, где власть должна принадлежать народу и органам, ответственным перед народом. Я думаю, что не случайно со скамей британской делегации раздался здесь возглас: для чего народу эта власть? Странный возглас. Я отвечу. Народному собранию нужно дать власть потому, что в Триесте должна быть народная власть.

Народное собрание должно осуществлять законодательную власть в Триесте. Эта власть должна быть и будет демократической, а не бюрократической. Мы не против того, чтобы исполнительная власть была ответственной перед народом, а, наоборот, за то, чтобы исполнительная власть была ответственна перед народом, выражающим свою волю в Народном собрании. Английский, американский и французский проекты признают это в принципе. Да и как могут они возражать против этого! Но так обстоит дело на словах. В действительности подлинная исполнительная власть отдаётся этими проектами в руки губернатора, который не несёт никакой ответственности перед Народным собранием. И вы не возражаете против этого, вы — представители западной и американской демократии, признающие и разделение власти, и ответственность правительства перед Народным собранием, парламентом, палатой депутатов или как он иначе будет называться? Но мы возражаем против таких предложений, так как это является грубым нарушением основных прав народа, основных принципов демократизма.

Мы не можем допустить, чтобы эта исполнительная власть осуществлялась губернатором. Мы не можем согласиться с тем, чтобы это входило в его функции. Почему? Потому, что губернатор — это страж и блюститель статута. Он должен, представляя Совет безопасности, обеспечить, чтобы статут выполнялся в соответствии с теми принципами целостности и независимости Свободной территории, которые провозглашены в проекте Совета министров и выражены в статье 16 проекта мирного договора с Италией. Поэтому совершенно недопустима и непонятна с точки зрения принципов демократии такая позиция, которую так упорно защищают представители трёх делегаций — США, Англии и Франции при поддержке голландской и австралийской делегаций, добавляющиеся столь широких полномочий для губернатора. Эти делегации ещё несколько дней тому назад добивались, чтобы председателем Правительственного Совета был губернатор, чтобы он возглавлял Правительственный Совет или, иначе говоря, правительство.

Я вижу, что в последнем документе ни английская, ни американская, ни французская делегации уже этого предложения не поддерживают. Они отказались от него. Это — шаг вперёд. Но эти делегации всё время защищали это предложение, доказывая, что вполне необходимо, целесообразно и разумно такое положение, когда председателем Правительственного Совета, ответственного перед законодательным собранием, будет губернатор, не ответственный

перед этим законодательным собранием. В действительности это было бы извращением принципа демократии, и мы возражали и возражаем против такого извращения. Но и по сегодняшнему французскому проекту, который французская делегация рекомендует как некий компромисс, за губернатором сохраняются чрезвычайно широкие полномочия. Он имеет их также и по проектам США и Англии.

Возьмите вопрос о назначении судей. Назначение судей губернатором противоречит принципу демократизма. Советская Конституция говорит, что судьи независимы и ответственны только перед законом, и это правильно, так как соответствует принципу демократизма. А вы хотите предоставить губернатору назначение судей, и это называется демократией! Мы такую демократию называем бюрократией! Это — принципы бюрократизма, а не демократизма. Поэтому мы протестируем против подобного рода принципа. Мы отвергаем такого рода принцип как метод организации судебных органов.

Наконец, вопрос о демилитаризации и нейтралитете Свободной территории Триест. Французский проект говорит о том, что эта территория должна быть демилитаризована, но не упоминает о том, что с этой территории должны быть уведены иностранные войска. Вместо этого французский проект добавляет, что туда могут быть введены войска Советом безопасности. Но почему нужно записывать в статут такое положение, когда Совет безопасности может вводить свои войска на любую территорию любого государства, при соблюдении условий, установленных уставом Объединённых наций? Не ясно ли, что указанное выше добавление к тексту Совета министров направлено специально на то, чтобы изобразить положение в Триесте как смутное время, требующее чрезвычайных полицейских мер. Ведь здесь представитель Великобритании говорил, что в Триесте нужно ограничить демократию, так как там происходят стачки, убийства и т. д. Но известно, что убийства происходят не только в Триесте. В западных и заокеанских государствах немало совершается убийств. Что же касается стачек, то, если придерживаться взглядов английского делегата, в Америке надо было бы ликвидировать все демократические права и гражданские свободы — столько там происходит стачек изо дня в день, что никогда Триесту и не снилось. Поэтому ссылка на стачки как на причину ограничения демократии носит совершенно искусственный характер. Это — мотив для того, чтобы как-нибудь оправдать ограничение принципов демократии, оправдать чрезвычайные полицейские полномочия губернатора, сделать так, чтобы эта рождающаяся демократическая территория не была похожа на настоящее демократическое государство. Вот куда пытаются нас тащить проекты США, Англии и Франции, противопоставляющие всемогущую власть губернатора безвластию Народного собрания и самого народа. Эти проекты доказывают, что эти делегации сбились с верного пути.

Мы, советская делегация, защищаем предложение Совета министров и предлагаем ограничиться тем, что наша комиссия примет статьи, которые соответствуют решению Совета министров. Мы предлагаем остальные статьи здесь не рассматривать, а передать

их Совету министров для того, чтобы Совет министров в более спокойной и менее торопливой обстановке закончил разработку этого вопроса. Мы уверены, что в таком случае можно будет найти средства и способы, которые помогут прийти к успешному разрешению этой трудной, но столь важной и в высшей степени ответственной проблемы.

«Известия» № 234 (9150)
от 4 октября 1946 г.

БОРЬБА ЗА ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ МИР

РЕЧЬ В. М. МОЛОТОВА НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

(9 октября)

Господин председатель, господа делегаты!

Настоящая конференция — первая Мирная конференция после окончания второй мировой войны. В этой войне на одной стороне стояли демократические страны, на другой — фашистские государства. Война закончилась поражением наших врагов и крушением фашизма в бывших вражеских странах. Ценой огромных жертв мы достигли победы. Естественно, что народы наших стран хотят знать, каковы будут плоды этой победы. Поэтому понятно, что к работам Парижской мирной конференции привлечено внимание многих миллионов людей, которые пережили тягчайшие годы войны, возненавидели войну и агрессоров и хотят установления длительного мира и безопасности.

Наша конференция немало поработала над проектами мирных договоров для Италии, Румынии, Венгрии, Болгарии и Финляндии. Она выполнила значительную работу по рассмотрению многих статей этих договоров и теперь подошла к окончанию своего дела. Известно, что демократические страны уже не в первый раз вырабатывают мирные договоры. Но нельзя сказать, чтобы мирные договоры, которые были приняты, например, после первой мировой войны, отвечали стремлениям народов к прочному миру. Мы должны считаться с этим положением и должны стремиться достичь других, более положительных результатов. Это относится как к мирному договору с Италией, который мы сегодня обсуждаем, так и к другим мирным договорам.

I

ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА КОНФЕРЕНЦИИ

В чём заключается наша основная задача?

Эта задача заключается в том, чтобы рассматриваемый нами мирный договор действительно отвечал интересам народов, стремящихся к длительному и устойчивому миру. Это должен быть демократический мир, который не может оставить безнаказанным

агрессора и не может забыть о тех жертвах, которые принесены в великой освободительной борьбе за нашу общую победу. Демократический мир вместе с тем должен создать благоприятные предпосылки для развития дружественных отношений между всеми народами, стремящимися к безопасности и готовыми к дружному отпору всяким попыткам новой агрессии. Именно поэтому демократический мир должен быть направлен против фашизма, содействуя искоренению остатков фашизма и всех его новых разновидностей и оказывая всемерную поддержку укреплению демократических начал в бывших вражеских государствах. В условиях такого мира не должно быть ничего унижительного для суверенитета данной страны, скажем Италии, и не должно быть ничего такого, что вело бы к её экономическому закабалению другими, более сильными державами. Такой мир должен соответствовать освободительным целям, за которые сражались союзники, и вместе с тем должен отвечать интересам народов бывших вражеских государств, сбросивших иго фашизма и вставших на путь демократического развития.

Именно с этой точки зрения советская делегация подходит к мирному договору с Италией, как и к другим мирным договорам. Мы знаем хорошо, что в наше время фашизм и агрессия тесно связаны друг с другом. Это особенно относится к Италии, которая является родиной фашизма и которая ещё за несколько лет до второй мировой войны «прославилась» своими актами агрессии в Эфиопии и в Испании и своим военно-политическим союзом с гитлеровской Германией, развязавшей последнюю мировую войну.

Как известно, подготовка мирных договоров была проведена Советом министров иностранных дел четырёх государств. В подготовке этих договоров Советский Союз принимал самое активное участие. Обсуждение на конференции проекта мирного договора с Италией показало, что все статьи договора, которые были согласованы между представителями Советского Союза, Великобритании, Соединённых Штатов и Франции,— что все эти статьи получили поддержку на настоящей конференции, где представлено 21 государство. Нельзя сказать, чтобы эти согласованные статьи не подвергались здесь критике, и иногда даже чрезмерно придирчивой критике. Однако теперь ясно, что сотрудничество четырёх правительств в Совете министров иностранных дел дало в общем положительные результаты и получило одобрение на этой конференции. На конференции были внесены как поправки, так и дополнения к проекту, но они, за отдельными исключениями, о чём будет сказано дальше, существенно не изменили согласованных статей представленного проекта. Но в проекте мирного договора с Италией были и несогласованные статьи. Следует признать, что в этой части работа комиссий конференции не дала существенных результатов и почти не содействовала выработке согласованных решений. Это только подчёркивает значение принципа сотрудничества четырёх великих держав. Поэтому нельзя согласиться с теми, кто недооценивает этого и, хуже того, видит в этом принципе стеснение для развития международного сотрудничества.

В отличие от прежних мирных конференций вся работа Парижской конференции проходила при условиях широкой гласности. Это соответствовало демократическим началам. Советская делегация приветствовала положение, при котором народы всего мира получили возможность следить за работой конференции, особенно когда печать делала это с должной объективностью и сознанием ответственности за правдивость информации. Мы и теперь должны помнить о том, что наша работа находится под постоянным международным общественным контролем. Это должно содействовать правильному решению вопросов мирных договоров, в том числе и тех, которые остались ещё неразрешёнными.

Перехожу к отдельным вопросам итальянского договора.

II

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ДОГОВОРА С ИТАЛИЕЙ

Из всех экономических вопросов итальянского договора только вопрос о репарациях непосредственно касается интересов СССР. В связи с этим напомним, что свои предложения в отношении репараций с Италии в пользу СССР, Югославии, Греции, Албании и Эфиопии советская делегация сделала ещё в сентябре 1945 г. в Лондоне. Поскольку Совет министров иностранных дел не занимался рассмотрением этого предложения в целом, а только обсуждал вопрос о репарациях для Советского Союза, я хочу остановиться на этом вопросе.

Как известно, советская делегация с самого начала сделала предложение, чтобы определить репарации с Италии в пользу Советского Союза в размере 100 миллионов долларов в натуре, включая поставки текущей промышленной продукции. Такой размер репараций составляет лишь весьма небольшую часть того прямого ущерба, который был причинён фашистскими войсками Италии, вторгшимися вместе с гитлеровскими ордами в Советский Союз. Этим СССР ещё раз показал своё великодушие в отношении народа Италии, который сверг фашизм и встал на сторону союзников. Даже итальянское правительство никогда не возражало против этого, более чем умеренного требования СССР, имевшего, в сущности, только символический характер, поскольку советский народ считает недопустимым, чтобы агрессия оставалась безнаказанной. Вопрос о репарациях для СССР обсуждался в экономической комиссии конференции на шести заседаниях. Потребовалось затратить 16 часов для дискуссии, поскольку австралийская и некоторые другие делегации упорно возражали против этого элементарного требования Советского Союза. Но вопрос о репарациях с Италии обсуждался ещё более длительно до начала конференции. Эти обсуждения происходили на многих заседаниях Совета министров иностранных дел, на совещаниях заместителей министров, а также в специальном репарационном комитете. До конференции состоялось 32 заседания по этому вопросу, причём на эти заседания ушло 86 часов. Таким образом, обсуждение вопроса о репарациях с Италии для Советского Союза происходило на 38 заседаниях, на что

ушло всего 102 часа. Это обсуждение закончилось единогласным решением комиссии из представителей 20 государств, признавшей правильным предложение СССР о 100 миллионах долларов репараций натурой, включая поставки из текущей промышленной продукции. После всех этих заседаний с затратой свыше ста часов времени на всякого рода комиссиях и совещаниях пришли всё же к тому самому предложению, которое Советское правительство сделало ещё в сентябре месяце прошлого года. Изменения в этом проекте оказались незначительными. Как видите, для того, чтобы убедить в самых элементарных вещах, советской делегации потребовалось употребить немалые усилия.

О чём свидетельствуют приведённые мною факты? Они прежде всего свидетельствуют о той линии, которая проводится некоторыми странами, когда дело идёт о непосредственных интересах Советского Союза. Даже очевидные вещи советской делегации не так легко доказать, поскольку соответствующее решение зависит от политики других стран в отношении СССР. Но советская делегация не приходит от этого в отчаяние, полагая, что всё равно правда возьмёт своё и что нельзя жалеть усилий в выработке условий мира, который должен быть достоин имени демократического мира.

III

ЕЩЁ РАЗ О СТАТУТЕ ТРИЕСТА

Теперь по вопросу о Триесте.

Известно, что Югославия претендует на Триест, как на главный город и порт Юлийской Крайны, которая переходит согласно договору в состав Югославского государства. Известно также, что Советский Союз признал историческую справедливость этих национальных претензий Югославии. Придёт время — это получит всеобщее признание, включая и безоговорочное согласие итальянских демократов. Тем не менее после длительного обсуждения Совет министров иностранных дел признал в порядке компромисса, что территория Триеста не должна принадлежать ни Италии, ни Югославии и должна стать интернациональной территорией, находящейся под защитой Совета безопасности Объединённых наций.

В связи с этим решением приобрёл важное значение вопрос о статуте Триеста, вопрос об организации управления на Свободной территории Триест.

Мы знаем, что по этому вопросу было внесено несколько предложений в политическую комиссию по Италии. При этом в английском и американском, а также во французском проектах статута Триеста нашла выражение одна тенденция, которую никак нельзя признать демократической тенденцией; с другой стороны, в проектах, представленных советской и югославской делегациями, нашла выражение другая тенденция, которая исходит из признания принципов демократизма в статуте Триеста. Вопрос заключается в том, действительно ли Свободная территория Триест должна быть организована на демократических началах, или мы, представители демократических стран, должны отказаться от этого в данном случае.

В итальянской комиссии советская делегация неоднократно доказывала, что англо-американские предложения о статуте Триеста фактически означают установление чего-то вроде колониального режима в Триесте, когда население лишено элементарных прав и вся сила власти вручается поставленному сверху губернатору. В результате продолжительной дискуссии в комиссии принято исправленное французское предложение. Но, в сущности говоря, это предложение является не больше, как перелицовкой британско-американских проектов, и в смягчённом виде оно подносит населению Триеста всё тот же полуколониальный бесправный режим.

Больше того. Принятое комиссией решение о принципах статута Триеста находится в противоречии с решением Совета министров иностранных дел по этому вопросу.

В решениях комиссии одобрены предложения Совета министров о том, чтобы законодательная и исполнительная власть в Триесте была установлена на демократических началах. Но на деле в этом решении комиссии проведены такие ограничения как законодательной, так и исполнительной власти, избранной населением, и предоставлены такие широкие полномочия по установлению общественного порядка и безопасности в Триесте губернатору, назначаемому Советом безопасности, что от демократических начал в управлении Триеста почти ничего не остаётся. Губернатору передаётся поддержание общественного порядка и безопасности, ведение внешних сношений, назначение и увольнение судебных чинов, а также права принимать так называемые «необходимые меры», что на деле означает всевластие губернатора и бесправие населения. Добавьте к этому, что в Триесте остаются оккупационные иностранные войска, что уместно, конечно, только в том случае, если рассматривать Триест не как интернациональную свободную территорию, что предусмотрено в проекте договора, а как полувражескую поднадзорную территорию, подчинённую англо-американским войскам. Всё это никак не вяжется с решением Совета министров иностранных дел о статуте Триеста и вообще не вяжется с демократическим миром, к которому мы должны стремиться. Вот почему советская делегация будет вновь настаивать, чтобы были приняты известные предложения советской делегации от 14 сентября, и прежде всего должны быть приняты решения о том, что исполнительная власть принадлежит в Триесте правительству, избранному Народным собранием, а обязанностью губернатора как агента Совета безопасности является обеспечить соблюдение статута Триеста. Советская делегация считает также необходимым, чтобы конференция точно установила срок вывода всех иностранных войск из Триеста и чтобы вывод иностранных войск из Триеста не откладывался до какого-то неопределённого будущего, как это сделано в так называемом французском предложении.

В сущности говоря, нам было бы достаточно уговориться на одном простом решении, а именно на том, чтобы Триест был организован примерно на тех же началах, как Данциг. Всё остальное нетрудно решить. Неправильно, что нет аналогии между Триестом и Данцигом. Аналогия здесь безусловно имеется, и опыт управле-

ния Данцига должен быть использован в Триесте. В самом деле, почему в Данциге можно было обойтись верховным комиссаром и предоставить установление законодательной и исполнительной власти самому населению Данцига, а в Триесте нельзя установить аналогичных отношений между губернатором, с одной стороны, и законодательными и исполнительными органами, с другой стороны? Почему мы должны пойти назад от Данцига в вопросе о демократическом устройстве Триеста? Если здесь не хотят сделать шага вперёд в этом вопросе, что было бы вполне естественно в наше время, то во всяком случае мы не должны делать ни одного шага назад от тех демократических принципов и тех демократических порядков, которые Лига наций установила для Данцига ещё 25 лет тому назад. Советская делегация не может согласиться с предложением комиссии по этому вопросу. Советская делегация призывает конференцию со всем вниманием отнестись к вопросу о статуте Триеста и к тем пожеланиям, которые высказаны делегацией Югославии по этому вопросу. Советская делегация считает несостоятельными попытки навязать Триесту антидемократический губернаторский режим, напоминающий колониальные порядки. При этом ссылки на беспокойное положение в Триесте нельзя признать основательными. За такое положение несут ответственность главным образом оккупационные власти, не нашедшие общего языка с местным населением. Тем законнее требование об установлении срока вывода иностранных войск из Триеста и об установлении демократических порядков в Триесте. Если Данцигу был предоставлен демократический статут, хотя это создавало опасность для него со стороны такой страны, как Германия, то Триесту нет никаких оснований отказывать в статуте Данцига, признанного Лигой наций. Этот минимум демократизма необходим в Триесте.

IV

ИСКОРЕНЕНИЕ ФАШИЗМА — НАША ЗАДАЧА

Дальше я хотел бы сказать относительно одного предложения, отклонённого в политической комиссии по Италии. Отклонено предложение польской и украинской делегаций о том, чтобы обязать Италию не допускать существования и деятельности фашистских и других организаций, преследующих цель лишения народа его демократических прав или ведущих враждебную любой из Объединённых наций пропаганду. Такие статьи имеются в договорах с Румынией, Венгрией, Болгарией и Финляндией. Казалось, что в договоре для Италии запрещение фашистских организаций особенно уместно. Однако большинством 9 голосов против 8, при 3 воздержавшихся предложение польской и украинской делегаций было отклонено комиссией, с чем никак нельзя согласиться.

Союзники не раз заявляли во время войны, что их целью является искоренение фашизма. В условиях капитуляции Италии точно указано обязательство итальянского правительства насчёт ликвидации фашистских организаций и уничтожения всяких фашистских институтов и т. д. Конечно, в Италии сделано уже немало в этом отношении. Но нельзя признать достаточными принятые меры.

С другой стороны, нельзя не видеть того, что попытки возродить фашизм в Италии продолжаются. Даже такой правый деятель Италии, как Сфорца, в своей недавно вышедшей книге предупреждает насчёт опасности в Италии неофашизма, пришедшего на смену старому, откровенно преступному фашизму. Один из лидеров итальянской республиканской партии Пачарди недавно предупреждал в печати, что «монархические и фашистские группы открыто работают над разрушением республики. Ключевые посты в администрации занимают враги республиканского строя, саботирующие усилия министров». Судебные органы в Италии то и дело оправдывают видных деятелей фашизма, входивших в клику близких людей Муссолини. Всё снова обнаруживаются подпольные фашистские организации в различных районах Италии. Всё повторяются открытые вылазки фашистов с распространением литературы, с внезапными захватами радиостанций для фашистской пропаганды и тому подобное. При таких условиях обоснованность предложения польской и украинской делегаций, направленного против возрождения фашистских организаций в Италии, совершенно очевидна. Если мы действительно стремимся к демократическому миру, мы должны принять это предложение. Отклонение этого предложения только ободрило бы припрятавшихся фашистов. Принятие же такого предложения будет стимулировать укрепление фронта демократических сил в Италии в интересах общего дела демократических стран.

V

СОТРУДНИЧЕСТВО В УСТАНОВЛЕНИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО МИРА

Наконец, здесь говорили о группировках на конференции.

Говорилось, например, о том, что на конференции имеется славянская группировка, с одной стороны, и западная группировка, с другой стороны. Говорилось, конечно, и о том, чтобы не создавались группировки и чтобы стремились к устранению расхождений между Западом и Востоком и т. п. Советская делегация не меньше какой-либо другой стремится к тому, чтобы содействовать укреплению сотрудничества между всеми демократическими странами. Она призывает к этому и другие делегации, считая такое сотрудничество необходимым условием обеспечения демократического мира.

Но следует прежде всего признать искусственным такое деление на конференции, согласно которому славянская группа противопоставляется западной группе и наоборот. Такому противопоставлению не должно быть места. Это пахнет чем-то запоздалым — временами, когда Восток был политически отсталым, чего в наши дни нельзя никак сказать, сравнивая молодые славянские демократии с типичными старыми демократиями Запада.

Разумеется, молодые славянские демократии нуждаются друг в друге, особенно в тех случаях, когда со стороны других держав они встречают пренебрежение к их законным национальным интересам, что так часто бывало в отношении славянских государств в прошлом и что ещё нередко повторяется и теперь. Но молодые славянские республики стремятся установить дружественные отноше-

ния не только между собой, но и со всеми другими демократическими странами, поскольку эти отношения складываются на основе равноправия и взаимности. К тому же нельзя забывать, что в состав Советского Союза кроме трёх славянских государств входит 13 неславянских советских республик.

С другой стороны, имеются попытки некоторых кругов так называемых «старых демократий» изолировать молодые славянские демократии, поскольку эти последние отстаивают свою национальную самостоятельность и свои новые пути национального развития и не хотят покорно следовать чужой указке. Особенно хорошо это известно Советскому Союзу, прошедшему уже довольно длинный путь своего самостоятельного свободного развития, причём на своём собственном опыте Советский Союз убедился в справедливости мудрых слов Ленина, гения великой русской социалистической революции, что народ, взявший в свои собственные руки судьбы своей страны, непобедим. Эти попытки облекаются теперь нередко в форму «западной» группировки, причём в западную группу стремятся зачислить и Китай, и Индию, и даже Эфиопию, только бы они увеличивали число голосов определённой группировки.

При таком положении деление на западную и славянскую группировки, как и деление на Запад и Восток, очевидно, приводит нас к абсурду. Дело тут не в славянской или восточной группировке, с одной стороны, и не в антиславянской или западной группировке, с другой стороны. Наклейка этих ярлыков только путает дело.

На настоящей конференции идёт борьба за установление демократического мира, который должен быть целью всех демократических стран, но который не встречает ещё одинакового понимания среди стран, представленных на конференции. Советская делегация призывает делегации других стран к сотрудничеству в деле установления демократического мира. Это требует достижения компромиссов по некоторым несогласованным ещё вопросам, как этого нам удалось уже добиться по большинству вопросов мирных договоров. Достижение такого соглашения возможно, поскольку мы все признаём, что стремимся к демократическому миру и не проводим политики навязывания воли тех или иных держав другим государствам. В противном случае ничего хорошего мы не достигнем.

Здесь в своё время уже достаточно говорилось о принятой процедуре работы конференции, которая значительную часть делегаций совершенно не удовлетворяет. Однако, если нашим общим желанием является стремление к достижению возможного в нынешних условиях демократического мира, мы найдём решение спорных вопросов, и можно не сомневаться, что это решение пойдёт навстречу стремлениям всех миролюбивых народов.

«Известия» № 239 (9155)

от 10 октября 1946 г.; см. также

В. М. Молотов, Вопросы внешней политики,
стр. 195—208.

ДУНАЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

РЕЧЬ В. М. МОЛОТОВА
НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ
ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

(10 октября)

Господин председатель, господа делегаты!

Вопрос, который мы сейчас обсуждаем,— мирный договор с Румынией — представляет большую важность для всей проблемы восстановления мира в Европе и особенно в юго-восточной части Европы. Судьба Румынии, если говорить о периоде последних лет, весьма характерна для того изменения обстановки в Европе, о котором все мы знаем, так как помним о событиях, когда рушились фашистские режимы во вражеских странах и устанавливались демократические режимы, что означало коренную перестройку и переход на новые, современные рельсы жизни в этих государствах.

Мы знаем, что Румыния как раз была тем государством, которое решительными мерами освободилось от фашистского режима Антонеску, присоединилось к союзникам и тем самым освободилось от позорной роли прислужника гитлеровской Германии и открыло себе новый путь в рядах союзников. Вместе с нами, вместе с союзными войсками новая демократическая Румыния повела после этого борьбу за разгром Гитлера, принесла в этой борьбе немалые жертвы, и заслуги в этом деле румынского народа всеми нами признаются. Достаточно сказать, что мы все признаём необходимым и правильным решить в мирном договоре вопрос о Северной Трансильвании таким образом, как это отвечает коренным национальным интересам и желаниям румынского народа.

I

ПРОБЛЕМА ДУНАЯ В ПРОШЛОМ

Обсуждение мирного договора с Румынией выдвинуло и более общие проблемы. Этому поспособствовал прежде всего сенатор Ванденберг, который сделал центром своего выступления проблему Дуная в целом и вопрос о так называемых «равных экономических возможностях».

Естественно, что мне также придётся остановиться на этом вопросе.

Я должен сказать, что речь югославского представителя Эд. Карделя была превосходным ответом на выступления по вопросу о Дунае, а также помогла разъяснению вопроса о принципе «равных возможностей», который возводится некоторыми представителями Соединённых Штатов Америки и Великобритании чуть ли не в один из высших принципов нового времени. Тем самым моя задача значительно облегчена.

Прежде всего надо указать на то, что хотя проблема Дуная решить в мирных договорах с бывшими сателлитами Германии, хотя, чтобы вопрос о режиме судоходства на Дунае был решён в

порядке предписания побеждённым государствам. В сущности говоря, хотя бы воспользоваться этим случаем, чтобы восстановить на Дунае привилегированное положение некоторых великих держав, которым, видимо, нет дела до суверенитета и до национальных интересов придунайских государств, но которые везде хотят диктовать и предписывать свою волю. Намереваются сделать это таким образом, чтобы то, что будет записано в мирном договоре, предписывающем определённые условия побеждённому государству,— чтобы это относилось и к другим придунайским государствам (Югославия, Чехословакия), которые являются нашими союзниками, которые вместе с нами дрались против общего врага и которым мы не имеем права предписывать, а должны сохранять с ними отношения дружбы и развивать отношения дружественного сотрудничества. В одну кучу сваливают и побеждённые и союзные государства, только бы расчистить себе дорогу для экономического влияния в районе Дуная. Разве это можно считать правильным? Разве это ведёт к демократическому миру?

Вопрос о Дунае ставится уже не в первый раз после окончания войны. Ещё на Потсдамской (Берлинской) конференции американское правительство поставило вопрос относительно режима Дуная, выдвинув свой проект о «международном режиме внутренних водных путей». В этом проекте говорилось не только о режиме судоходства на Дунае, но и о режиме судоходства на Рейне, Одере и в Кильском канале и, так сказать, заодно выдвигался также вопрос о режиме Черноморских проливов. Такого рода проекты лишь подчёркивают, как односторонне ставится опять данный вопрос, причём эта односторонность сохраняется в постановке вопроса о проблеме Дуная и в настоящее время.

Нас убеждают в том, что международный режим Дуная был установлен ещё на Парижской конференции 1856 г., что уже в течение 90 лет существует этот режим, создавший привилегированное положение в бассейне Дуная для Англии, Франции, Пруссии и некоторых других недунайских государств. Нам заявляют и теперь, что это является чуть ли не идеалом для режима на Дунае в наше время. Но я напому сенатору Ванденбергу, что когда происходила Парижская конференция 1856 г.—90 лет тому назад, тогда были совсем другие времена. Достаточно сказать, что тогда в Соединённых Штатах Америки существовало ещё невольничество для негров — рабство в Америке ещё не было отменено. Что же касается тех государств, о которых мы сейчас говорим, как о придунайских демократических государствах, то тогда мало кто заботился об их суверенитете, самостоятельности и тому подобных вещах. Они в большинстве случаев просто были на положении порабощённых наций.

Г-н Бевин не раз говорил, что Англия теперь отказалась от империализма XIX века. Но, если не закрывать глаз, не бояться правды и не заниматься тем, чтобы неприятную правду называть нечестностью, то времена 1856 г. мы, конечно, с полным правом можем считать временами расцвета империализма прошлого века. Так называемый международный режим на Дунае был установлен именно

в этот период, столь типичный для империалистической политики XIX века. И если мы действительно отказываемся от империализма XIX века — хотя бы только от империализма прошлого века! — так почему же мы должны цепляться за эти остатки империализма пройденного периода? В середине прошлого века, когда создавался так называемый международный режим на Дунае, тогда не только не говорили о существовании демократических государств в бассейне Дуная, но, как известно, не существовало и самого понятия «демократическое государство». Тогда был введён на Дунае «международный режим», который создавался в порядке откровенного империалистического давления. А теперь нам предлагают восстановление этих порядков под формулой «равных возможностей», под предложением защиты принципа равенства между государствами. Конечно, с этим никак нельзя согласиться. Никто таких предложений всерьёз принимать не будет.

II

«РАВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ» И «ДОЛЛАРОВАЯ ДЕМОКРАТИЯ»

В последнее время любят говорить о принципе так называемых «равных возможностей». Дескать, что может быть лучше такого принципа, когда для всех государств без дискриминации устанавливаются равные возможности. Представители этого мнения выступают теперь как современные борцы за принцип равенства в отношениях между государствами. Но в таком случае, господа, давайте говорить о принципах равенства всерьёз, по-честному.

Не только Дунай — водный путь, имеющий важное международное значение. Есть и другие водные пути, которые имеют ещё более важное международное значение. Ведь не только некоторые речные пути имеют международное значение, но, как известно, морские пути и тем более пути, соединяющие океаны, имеют гораздо более важное международное значение, чем любые речные системы. Если мы действительно хотим защищать принцип «равных возможностей» в вопросе о водных путях, давайте проводить этот принцип последовательно — так, как это полагается действительным защитникам принципов равенства в отношениях между государствами. Почему же в таком случае не защищаем принципа «равных возможностей» в отношении таких путей, где особенно велики интересы многих государств? Ну скажем, Суэцкий канал или Панамский канал. В обоих этих водных путях заинтересованы многие государства. Если же мы должны стать большими патриотами принципа так называемых «равных возможностей», давайте в таком случае поговорим о том, чтобы применить этот принцип и в данном случае. Согласны ли защитники принципа «равных возможностей» применить этот принцип в Суэцком канале? Согласны ли защитники принципа «равных возможностей» применить этот принцип также в Панамском канале? Не следовало бы обходить эти вопросы. Рано или поздно всё равно мы придём к этим вопросам.

Что же касается Дуная, то, помимо всего прочего, здесь мы имеем в настоящее время специфическое положение, с которым

нельзя не считаться. В бассейне Дуная находятся страны, которые особенно сильно пострадали в этой войне. С другой стороны, именно в этом районе произошли важные политические изменения, и образовавшиеся здесь молодые демократии ещё не имели времени, чтобы решить даже самые неотложные проблемы послевоенного восстановления. В бассейне Дуная находятся Румыния, Болгария, Венгрия, а также Югославия, Чехословакия и некоторые другие государства. Этим странам пришлось пережить тяжёлые времена во время второй мировой войны. Они сильно пострадали в войне, они серьёзно ослаблены и уже во всяком случае никак не относятся к числу тех, кто нажил на войне. Я уже не говорю о Советском Союзе, тяжесть людских и материальных потерь которого исключительно велика. Советским правительством опубликованы к всеобщему сведению цифры и конкретные факты об этих потерях. Только потери от военных разрушений, военного грабежа оккупантов и т. п. определяются в 679 миллиардов рублей. Если же взять все расходы Советского Союза на нужды войны, то они в несколько раз превосходят эту и без того колоссальную цифру потерь. Таково послевоенное положение тех государств, которые расположены в районе Дуная.

Есть, однако, другие государства, которые вместе с нами были в лагере союзников, но, к счастью, пострадали меньше, чем только что указанные мной государства. Есть, наконец, и такие страны, которые, несмотря на вынесенную ими большую тяжесть борьбы против нашего общего врага, вместе с тем сумели увеличить свои богатства за последние годы. Возьмём хотя бы Соединённые Штаты Америки.

Каждый из вас сможет найти в Париже книгу «Мировой альманах за 1946 г.». В этой книге вы можете прочитать следующие цифры: национальный доход Соединённых Штатов Америки в 1941 г. определялся в 96 миллиардов долларов, в 1942 г. — 122 миллиарда долларов, в 1943 г. — 149 миллиардов долларов, в 1944 г. — 160 миллиардов долларов. Таким образом, за 4 года войны национальный доход Соединённых Штатов Америки увеличился на 64 миллиарда долларов. В той же книге говорится, что весь национальный доход Соединённых Штатов в 1938 г. был равен 64 миллиардам долларов. Итак, одно увеличение национального дохода Соединённых Штатов Америки за годы войны достигает такой цифры, которая равна всей сумме национального дохода Соединённых Штатов в 1938 г. Об этих фактах нельзя не напомнить. Вчера здесь выступал представитель Соединённых Штатов Америки и заявлял, что его правительство могло бы обосновать претензии на 20 миллиардов долларов репараций, если бы Соединённые Штаты занялись подсчётами своего ущерба во время войны. Но едва ли такие заявления звучат убедительно для людей, которые знают факты.

Мы знаем, что Соединённые Штаты проявили исключительно большие усилия в этой войне, защищая свои интересы и наши общие цели, за что мы все так благодарны Соединённым Штатам Америки. При всём этом нельзя сказать, что Соединённые Штаты относятся к числу тех государств, которые понесли тяжёлый материаль-

ный ущерб во второй мировой войне, которые разорены и обесилены в этой войне. Мы радуемся, что этого не случилось с нашим союзником, хотя нам самим и пришлось пережить тяжёлые времена, последствия которых мы должны будем залечивать в течение долгого ряда лет.

Теперь, когда вы знаете факты, поставьте рядом: с одной стороны, обесилённую войной Румынию или разорённую немецкими и итальянскими фашистами Югославию и, с другой стороны, Соединённые Штаты Америки, богатства которых во время войны колоссально возросли, и вам будет ясно, что на практике будет означать осуществление принципа «равных возможностей». Предоставьте при таком положении хотя в той же Румынии или Югославии или в другом ослабленном войной государстве так называемые «равные возможности», скажем, для американского капитала, т. е. возможности его неограниченного проникновения в румынскую промышленность, в югославскую промышленность и т. д., что тогда останется от национальной румынской промышленности или от национальной югославской промышленности? Не так уж трудно понять, что если дать волю американскому капиталу в разорённых и обесилённых войной малых государствах, как этого хотят защитники принципа «равных возможностей», то американский капитал скушит местную промышленность, сделает своей собственностью наиболее интересные румынские, югославские и всякие другие предприятия и станет хозяином в таких малых государствах. При таком положении мы можем, пожалуй, дожить до того, что у себя на родине, включив дома радио, вы будете слушать не столько свою родную речь, сколько всё новые и новые американские пластинки и ту или иную английскую пропаганду. Может наступить такое время, когда у себя на родине, придя в кино, вы будете смотреть сбываемые за границу американские картины, и притом не те, которые качеством лучше, а те, которых изготовлено побольше, но которые зато распространяются и называются за границей агентами сильных, особенно разбогатевших в годы войны, фирм и кинокомпаний. Можно ли в самом деле не замечать, что если на основе осуществления принципа так называемых «равных возможностей» на территории малых государств начнёт без всяких ограничений состязаться местная национальная продукция с продукцией, выбрасываемой с заводов и фабрик в Соединённых Штатах Америки или Великобритании,— что тогда от самостоятельности и независимости этих государств ничего не останется, особенно если считаться с обстановкой послевоенного периода. Разве не понятно, что такое неограниченное проведение принципа «равных возможностей» в данных условиях на практике означало бы самое настоящее экономическое закабаление малых государств и их подчинение господству и произволу сильных разбогатевших иностранных фирм, банков, промышленных компаний? Разве не ясно, что при таком проведении «принципов равенства» в международной экономической жизни малые государства будут жить по указке, по предписанию, по приказам сильных иностранных трестов и монополий? Разве за это мы боролись, когда били фашистских захватчиков, гитлеровских и японских империалистов?

Если у вас всё же имеется сомнение на этот счёт, то прочтите то, что пишет сенатор Томас в последнем номере журнала «Америкэн Мэгэзин». В этом распространённом американском журнале он пишет: «Не случайно, что американские доллары часто являются инструментом проведения нашей внешней политики». И дальше: «Наша политика долларовой демократии оказывает помощь нашей внешней политике». Чтобы разъяснить свою мысль, сенатор Томас подробно останавливается на ряде конкретных вопросов. Он говорит дальше о том, чем объясняется предоставление последнего американского займа Англии и почему Америка не должна была отказывать в этом займе. Он объясняет также мотивы предоставления последнего займа Франции, имеющиеся планы предоставления большого займа Китаю, говорит об условиях, на которых может быть предоставлен заём Польше, и т. п. Откровенный сенатор весьма доволен такой «долларовой демократией» и верит в её безграничные успехи. Он, конечно, сторонник принципа «равных возможностей», особенно в тот момент, когда Америка переживает период процветания, а многие другие страны — период послевоенного экономического ослабления. Сторонники «долларовой демократии» размышляли теперь о захвате новых и новых экономических позиций во всех частях мира. И теперь немало американских капиталистов, мечтающих стать хозяевами целых государств, завести в этих государствах свои удобные для них порядки, используя до отказа временную, особенно благоприятную для «долларовой демократии» послевоенную обстановку. Но никакое правительство демократического государства не может увлекаться такого рода захватническими планами, если оно дорожит своим авторитетом и если оно понимает, к чему это может повести.

Во время войны союзники считали одной из своих главных целей — добиться, чтобы в Европе и других частях мира не было фашистских государств и чтобы был расчищен путь для демократических государств и их процветания. Это не значит, что в послевоенное время мы должны сочувственно относиться к тем, кто захотел бы употребить свои богатства и накопленное во время войны состояние для использования послевоенных трудностей малых и ослабленных войной государств, хотя бы это и делалось под предлогом провозглашения «принципа равных возможностей», или «политики долларовой демократии», или вообще под эгидой каких-либо, хотя бы и словесно приукрашенных, захватнических планов.

III

ДВА МЕТОДА В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Что же касается вопроса о Дунае, то его нельзя решать наспех. Необходимо, чтобы к этому вопросу было серьёзное отношение и чтобы, занимаясь этим вопросом, мы не ограничивались провозглашением красиво выглядящих формул о «равных возможностях», от которых на практике тяжко придётся многим и многим народам, если позволить осуществлять такого рода принципы без всяких ограничений, полагаясь только на умеренность appetitов заинтересо-

ванных групп и государств. Но если, господа, такое мнение признать правильным, то нужен и другой метод в решении таких важных вопросов, как вопрос о режиме судоходства на Дунае, и главное — нужен другой метод в обращении с малыми государствами, включая и малые побеждённые государства. В отношении малых побеждённых государств тоже надо соблюдать приличие, что тем более относится к обращению с малыми нашими друзьями — союзными государствами.

А что происходит на деле, с какими манерами на этот счёт приходится иметь дело в настоящее время?

На днях в Экономическом и Социальном совете организации Объединённых наций выступал официальный представитель Соединённых Штатов Америки по вопросу о речных судах, захваченных американскими оккупационными властями в верховьях Дуная. Упомянутый представитель заявил, что дунайский флот в составе 800 судов, принадлежащих союзным и бывшим вражеским государствам, захваченных американскими властями на Дунае, останется и впредь в руках американских властей. Среди этих судов имеется 168 югославских судов, 48 чехословацких судов, свыше 300 венгерских судов и т. п. Эти суда могли бы теперь принести большую пользу, если бы они были возвращены их законным собственникам. Но Соединённые Штаты отказываются возвратить эти суда даже союзным странам — Чехословакии, Югославии, открыто заявляя, что делается это для того, чтобы заставить придунайские государства выполнить некоторые требования Америки. До сих пор ещё Соединённые Штаты не отдают Венгрии не только захваченные американскими властями суда на Дунае, но не отдают и оборудование ряда важных венгерских заводов, железнодорожный состав, скот и другое венгерское имущество, вывезенное салашистами и немцами из Венгрии и попавшее в американскую оккупационную зону. Нельзя согласиться с такими приёмами обращения с малыми государствами.

В самом деле, что получается?

Придунайские государства не хотят, чтобы на Дунае, на их родине, устанавливали свои порядки недунайские государства. Кажется, это вполне естественно. В ответ на это могущественные державы, не имеющие отношения к Дунаю, пускают в ход все средства давления, чтобы заставить придунайские государства пойти на отказ от их законных прав. Разве эти методы давления, методы нажима и запугивания достойны демократических государств? Разве это соответствует целям установления демократического мира?

Нам говорят здесь, что в экономической комиссии конференции восьмью голосами против пяти принято решение о созыве конференции по Дунаю, причём все первые восемь голосов принадлежат странам, далёким от Дуная, а все пять других голосов являются голосами придунайских государств. Казалось бы, что дело созыва конференции по Дунаю должно быть предоставлено самим придунайским государствам, и нет никаких оснований сомневаться в том, что при этом пострадали бы интересы союзников и вообще интересы каких-либо других государств. Однако с этим не хотят считаться, как не хотят считаться и с тем, что созыв такой конференции ещё со-

вершенно не подготовлен. И тем не менее хотят навязать созыв конференции определённого состава по Дунаю, используя для этого сложившуюся здесь группировку голосов против голосов всех придунайских государств. Разве это правильно? Разве такой метод соответствует демократическим началам или интересам установления демократического мира? Ни в какой мере. С такими приёмами мы, разумеется, не можем согласиться.

Приведённые мною факты свидетельствуют о том, какие неправильные манеры и какие недопустимые методы пускаются в ход на настоящей конференции против малых государств. Однако мы не слышим голосов протеста против этого со стороны патентованных защитников малых государств, когда дело идёт об интересах малых демократий на Дунае. Например, австралийская делегация и некоторые другие не раз выступали на конференции с претензиями на защиту прав малых государств. Но когда дело дошло до нажима со стороны Соединённых Штатов Америки и Великобритании на малые придунайские государства, как австралийская делегация, так и некоторые другие как бы не замечают происходящего. Может быть, им нравится такое обращение с малыми государствами, но Советский Союз с этим не может согласиться. Советский Союз считает недопустимыми такие методы воздействия на малые государства. Советский Союз будет добиваться того, чтобы с малыми государствами обращались по-человечески. Нельзя допускать, чтобы сильные державы, у которых сегодня много долларов или фунтов стерлингов в кармане, получили возможность беспрепятственно диктовать свою волю другим государствам, предписывая направо и налево всё, что они захотят. Такая политика не даст хороших результатов и натолкнётся на законное сопротивление со стороны других больших и малых государств. Такая политика обречена на провал, не говоря о том, что она уже теперь терпит серьёзные морально-политические поражения одно за другим. Во всяком случае Советский Союз, как и многие другие страны, с такими повадками, с такими методами установления международных отношений никогда не согласится. Пусть те, у кого много долларов, используют их в хороших целях, — скажем, в случае нужды на ликвидацию безработицы и на другие нужды своего государства, а также на развитие нормальных торговых отношений с другими странами. Однако нельзя сочувствовать тому, чтобы та или другая сильная держава пыталась использовать свои временные преимущества в период, когда ещё у многих стран не залечены раны, нанесённые войной, и когда у них ещё так серьёзные трудности переходного периода послевоенных лет. Особенно же недопустимо, чтобы сильные державы агрессивно взяли себя в отношении малых стран и чтобы они прибегали к методам давления и бесцеремонного навязывания своей воли другим государствам.

Существуют два прямо противоположных метода в международной жизни. Один метод, хорошо всем известный из далёких времён, — метод насилия и господства, для которого все средства нажима хороши. Другой метод, ещё, правда, недостаточно широко развитый, — метод демократического сотрудничества, основанный на признании принципа равноправия и законных интересов всех, больших

и малых государств. Мы не сомневаемся в том, что, несмотря на все препоны, метод демократического сотрудничества между странами в конце концов победит.

Теперь, когда мы достигли победы над гитлеровской Германией и империалистической Японией, а также над их союзниками, у всех стран, которые были втянуты в круговорот войны, много серьёзных дел и ещё много нерешённых задач. Однако народы не бездействуют. Одни государства более или менее уже оправились или оправляются от войны, другие — ещё не оправились и только теперь взялись по-настоящему за дело. Но, господа, у нас не должно быть сомнения в том, что демократические страны — даже самые молодые из них — имеют достаточно жизненных примеров, чтобы нащупать верный путь к тому, чтобы восстановить утерянное, поднять свои экономические ресурсы и обеспечить прочное благополучие своего народа. Нельзя только допускать, чтобы какие-либо внешние силы мешали этому и чтобы нарушались права народов, завоёванные в тяжёлой, а иногда и прямо самоотверженной борьбе. Тогда все демократические страны развернут полностью свои силы, покажут себя в великих делах своих народов, и мы все будем радоваться их успехам. (*Аплодисменты.*)

«И-вестия» № 241 (9157)
от 12 октября 1946 г.; см. также

В. М. Молотов,
Вопросы внешней политики,
стр. 209—223.

О МИРНОМ ДОГОВОРЕ С БОЛГАРИЕЙ

РЕЧЬ А. Я. ВЫШИНСКОГО НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

(11 октября)

Г-н председатель, господа делегаты, наша работа подходит к концу.

После рассмотрения проектов мирных договоров с Италией и Румынией пленум конференции подошёл к рассмотрению проекта мирного договора с Болгарией.

1. ЗА СПРАВЕДЛИВЫЙ И ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ МИР С БОЛГАРИЕЙ

Этот проект представляет значительно меньше трудностей, чем, например, договор с Италией. В нём меньше спорных вопросов. В нём немало статей, повторяющих в значительной степени положения, нашедшие уже место в итальянском и румынском договорах и уже служивших предметом широкой и всесторонней дискуссии на пленуме конференции. Это в большой степени облегчает нашу задачу, освобождая нас от необходимости останавливаться на вопросах, которые

были рассмотрены при обсуждении итальянского и румынского договоров.

Тем не менее, в деле подготовки мирного договора с Болгарией имеются свои трудности, которые усугубляются необъективным и недружелюбным отношением к этой небольшой славянской стране со стороны некоторых делегаций. Достаточно сказать, что из пяти государств, бывших сторонников Германии, с которыми Объединённые нации готовятся заключить мирные договоры и восстановить мир, только Болгария находится на положении испытуемой — с Болгарией до сих пор нет дипломатических отношений ни у США, ни у Великобритании.

До сих пор не реализовано Московское соглашение трёх министров от 16—26 декабря, в котором правительства США и Великобритании обязались признать болгарское правительство, как только убедятся, что болгарское правительство приняло дружественный совет ввести в свой состав двух представителей других демократических групп, указанных в этом соглашении. Этот дружественный совет правительством Отечественного фронта в Болгарии был принят, однако указанное выше обязательство по отношению к болгарскому правительству до сих пор остаётся невыполненным ни американским правительством, ни британским правительством. До сих пор болгарское правительство третируется правительствами США и Великобритании как неравноправное и чуть ли не как поднадзорное. Дело ведь дошло до того, что американский военный представитель в Союзной контрольной комиссии в Болгарии генерал Робертсон на днях попросил созвать специальное заседание Союзной контрольной комиссии для обсуждения мер, которые, по его мнению, следовало бы принять Контрольной комиссии для проведения, как пишет генерал Робертсон, «свободных выборов» в Великое народное собрание Болгарии, которые состоятся 27 октября.

Нет нужды давать оценку этому шагу американского военного представителя. Достаточно сказать, что председатель Союзной контрольной комиссии генерал Бирюзов указал американскому генералу, что обеспечение свободных выборов в Болгарии — дело болгарского правительства, которое сделало всё, что необходимо, в этом отношении, и что осуществление этой затеи американского генерала нельзя было бы рассматривать иначе, как грубое вмешательство во внутренние дела Болгарии.

Мы не допускаем, чтобы в этом случае имело место просто генеральское рвение, желание выслужиться перед начальством «решительными мерами» по внедрению в Болгарии «свободы» выборов и прочих демократических благ, которыми решил сей военный муж облагодетельствовать болгарский народ.

Можно не сомневаться, что этот эпизод — один из фактов, характеризующих стремление американского правительства, как и британского правительства, поставить молодую демократическую Болгарию в положение неравноправного государства. Можно было бы, разумеется, не останавливаться на такого рода фактах, если бы это обстоятельство не играло роли в столь сложном и важном деле, как подготовка мирного договора, который должен будет определить

судьбу государства, в данном случае судьбу Болгарии, на многие и многие годы.

Но нельзя признать нормальным и нельзя мириться с таким положением, когда вопрос о мирном договоре со страной, ставшей жертвой предательства своих правителей, вовлекших народ в братоубийственную войну, ставится в зависимость от политических симпатий или антипатий.

Разве можно признать правильным и нормальным такое положение, когда с настойчивостью, достойной лучшего применения, Болгарии отказывают в признании её совоюющей страной, несмотря на то, что после 9 сентября 1944 года несколько болгарских армий численностью до 400 тысяч бойцов сражались против германских войск в Югославии, а позднее болгарская 100-тысячная армия сражалась на стороне Объединённых наций в Венгрии и Австрии!

В то же время Италия признаётся совоюющей, хотя она участвовала в военных действиях меньшими вооружёнными силами, когда дело шло о борьбе против гитлеровской Германии.

Самое участие Болгарии в войне на стороне Германии расценивается с наиболее неблагоприятных для болгарского народа позиций, без учёта тех исторических условий и фактов, которые привели Болгарию в стан врагов Объединённых наций, вопреки национальным традициям и интересам болгарского народа. Не хотят вспомнить о том, что преступная шайка саксен-кобург-готской династии, агентуры германского фашистского империализма, утвердившаяся на болгарском троне, вовлекла Болгарию в мировую войну против Объединённых наций, закончившуюся для Германии, как и для её военных союзников, катастрофой.

Не хотят знать того, что за последние 30 лет это третья национальная катастрофа, постигшая Болгарию по вине её преступных правителей. Война 1912—1913 годов, война 1915—1918 годов и, наконец, последняя война, навязанная миру гитлеровской Германией, нанесли национальным интересам Болгарии сокрушительный удар, от которого не так легко оправиться.

Судьба Болгарии трагична. Болгарский народ, на протяжении столетия героически боровшийся против иноземных угнетателей за свободу и демократию, в результате преступной политики немецких агентов, усевшихся на царском троне, оказался жертвой разбойничьего германского империализма, а его страна была превращена в плацдарм нападения на соседние миролюбивые народы.

Болгарский народ — народ-славянин был брошен на борьбу против своих славянских братьев. Народ, в течение последних ста лет боровшийся и умиравший в неравной борьбе за национальное освобождение, в борьбе, явившейся выражением вековых стремлений болгарских людей к национальной независимости и демократическим порядкам, в руках преступных правительств царей Фердинанда и Бориса и таких немецких агентов, как Цанков, Багрянов, Филов и им подобные, был брошен в лагерь врагов демократии и свободы народов.

Это не вина его — это беда его. Беда, последствия которой болгарскому народу приходится искупать своим собственным благополучием.

Великий поэт древнего Рима Гораций писал:

«*Quidquid delirant reges, plectuntur Achaei*».

«Какое бы безумие ни совершили цари, расплачиваются ахейцы». За все безумства болгарских царей, своих палачей, расплачивается болгарский народ.

Болгарский народ расплачивается за преступления своих правителей, своих подлых врагов, о которых, обращаясь с незабываемой силой и сочувствием к болгарскому народу, писал Анри Барбюс в своей книге «Палачи»:

«Ваши правители — слуги крупных международных дельцов, являющихся вашими врагами... они находят по ту сторону баррикады. И те, кто использует демократию, как и те, которые используют патриотизм, для того, чтобы навязать вам рабскую дисциплину и постыдное послушание, являются также вашими врагами».

«Ваша страна — это вы», — говорил Анри Барбюс, обращаясь к болгарскому народу. Это правда, что болгарский народ, это — страна, это — Болгария. Она и расплачивается сейчас за грехи, преступления и злодеяния своих бывших правителей, свергнувших её в омут войны. Болгарский народ не ропщет. Но он ждёт справедливости. Он требует справедливости.

2. БОЛГАРИЯ — НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА

История так называемой войны Болгарии против Объединённых наций лучше всего может свидетельствовать о действительных чувствах, стремлениях и делах болгарского народа, нашедшего в себе достаточно энергии, чтобы вырваться из-под немецко-фашистского ига, свергнуть узурпаторов собственными силами и средствами, стать прочно на путь государственной независимости и национальной самостоятельности.

Под руководством своего правительства Отечественного фронта Болгария наводит порядок в своём доме. Она ликвидирует печальные последствия войны, навязанной ей вопреки её национальным интересам и историческим традициям. Она переживает трудные дни, что связано с крутым историческим поворотом, пережитым Болгарией в последние два года, и ей нужно сделать много и великих усилий, чтобы решить эту большую задачу, чтобы поднять тяжёлую ношу, которую история возложила на её плечи.

Болгария делает большие усилия, ликвидируя последствия преступной войны. По собственной инициативе болгарский народ призвал к ответу и сурово наказал военных преступников — князя Кирилла, последнего отпрыска из династии Кобургов, Филова, Багрянова, Божилова, Даскалова и др. — за всё то зло и горе, которые они причинили болгарскому народу, делу мира и демократии. В феврале 1945 года Народный трибунал Болгарии сурово осудил этих преступников за то, что за время с 1 января 1941 года до 9 сентября 1944 года: 1) они поставили под угрозу безопасность государства, равно как и интересы народа путём заключения международных пактов с воюющими странами и объявления войны; 2) что они дали распоряжения о совершении актов, несовместимых с нейтралитетом по

отношению к СССР, ухудшив таким образом международное положение Болгарии; 3) что они не выполнили своих служебных обязанностей в том, что касается войны с Англией и Соединёнными Штатами, не приняв во-время необходимых мер для предохранения народа и государства от морального и материального ущерба; 4) что они отравили болгарскую армию в Югославию и Грецию для преследования национально-освободительных армий этих стран; 5) что они давали распоряжения об убийствах и жестоких расправах, поджогах и пытках и подстрекали к совершению этих преступлений в целях навязать внутреннюю и внешнюю политику, которая проводилась правительством после 1 января 1941 года, и 6) что они дали распоряжение о преследовании евреев.

Так сказано в приговоре Народного трибунала Болгарии, осудившего главных военных преступников Болгарии во имя торжества справедливости, во имя интересов и блага не только болгарского народа, но и всех свободолюбивых народов мира, во имя всеобщей безопасности всех стран мира.

Болгария принимает меры по ликвидации последствий войны и во многих других отношениях — она провозгласила Народную республику, она создала новую конституцию, о которой могут лишь мечтать народы ряда стран, похваляющиеся тем, что во время войны они были в лагере демократии, не говоря уже о такой стране, как Греция, которая далеко отстала в этом отношении от Болгарии и которой есть чему поучиться у Болгарии в области политических, экономических и социальных реформ и культурного прогресса.

Всё это нужно иметь в виду, когда обсуждается договор о мире с Болгарией, о мире, который должен быть справедливым и демократическим, как сказал здесь глава советской делегации В. М. Молотов.

К сожалению, ряд делегаций, и больше всех делегация Греции, а также те влиятельные делегации, которые здесь поддерживают воинственный дух греческой делегации, делают, кажется, всё для того, чтобы помешать этому миру стать для Болгарии справедливым и демократическим.

Я хочу показать это на нескольких вопросах, на которых должен сейчас остановиться.

3. ДЕМИЛИТАРИЗАЦИЯ БОЛГАРСКОЙ ГРАНИЦЫ

Мы все высоко ценим героические усилия греческого народа в борьбе за свою свободу и независимость. Но речь идёт сейчас не о греческом народе, а о политике греческого правительства и греческой делегации, которая без всякого стеснения разлагольствует здесь о своих захватнических планах. Всё поведение греческой делегации на конференции ясно говорит о попытках использовать конференцию не для мира, а для вражды, чтобы разжечь чувство национальной ненависти к Болгарии, настроить общественное мнение в Греции против болгарского народа и разжечь провокаторский авантюризм хитосов и других шовинистов и поджигателей новой войны.

Такова подоплёка всех тех предложений и поправок, которые вносила на конференции греческая делегация к проекту мирного договора

с Болгарией. Но, несмотря на всю поддержку, которую встречает здесь греческая делегация со стороны некоторых делегаций, и особенно со стороны английской делегации, обстановка на конференции сложилась для греческих поправок столь неблагоприятно, что почти все свои поправки греческая делегация была вынуждена снять.

Но остались две поправки — несправедливые поправки, на которых греческая делегация настаивает. Её, конечно, поддерживают в этом несправедливом требовании Англия, США и ряд их последователей. Такова поправка о демилитаризации болгаро-греческой границы, принятая в военной комиссии большинством 11 голосов против 7 при 3 воздержавшихся. Характерно, что это предложение не собрало двух третей, необходимых для того, чтобы оно стало рекомендацией.

Эти поправки являются ничем не вызванным дополнительным военным ограничением, идущим дальше решений Совета министров и по существу неприемлемым и несправедливым.

Такие ограничения не наложены ни на одно из бывших вражеских Балканских государств и Финляндию. По непонятным мотивам эти ограничения пытаются наложить на Болгарию и, таким образом, поставить её в исключительное положение в сравнении со всеми остальными Балканскими государствами и Финляндией и нарушить тот принцип, который был установлен для всех этих государств как во время подготовки Советом министров проектов мирных договоров, так и при обсуждении в военной комиссии налагаемых на эти государства военных ограничений.

Болгария является демократическим, миролюбивым, к тому же небольшим по территории государством. Эксперты Совета министров придерживались правильного принципа — не налагать подобных ограничений на малые государства. Однако комиссия, хотя и большинством всего лишь одного голоса, приняла решение, которое находится в противоречии с указанным принципом, и, таким образом, поступила явно неправильно.

Болгария совершенно не имеет приграничных укреплений, и это было официально подтверждено представителем Греции на военной комиссии. Её государственные границы полностью открыты и не защищены. Поэтому требование демилитаризации ничем не оправдано и должно быть отклонено, как лишённое всякого основания.

4. АГРЕССИВНЫЕ ПЛАНЫ ГРЕЧЕСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

При рассмотрении статьи 1 мирного договора греческая делегация потребовала исправления болгарской границы.

Требуя этого так называемого «исправления» границы, греческое правительство Цалдариса жадно протягивает руки к чужой земле. Оно пробует продвинуться к сердцу Болгарии так близко, как ему кажется это только возможным, пользуясь поддержкой кое-каких влиятельных в международных делах сил. Используя ситуацию на мирной конференции, оно пробует, нельзя ли отхватить Эпир от Албании и лежащую за Родопскими горами к северу в глубине Болгарии долину.

Цалдарис и его свита не хотят считаться в этом случае ни с чем. Даже Черчилль в своей книге «Мировой кризис 1915 года» (1923 г.) должен был признать, что «захват Грецией у Болгарии Каваллы после мировой войны был, как это в своё время признавалось, самым нетактичным актом. В болгарских требованиях, как они выдвигаются сейчас,— писал Черчилль о событиях 1915 года,— нет ничего неразумного и неблагородного».

Так писал Черчилль в 1923 году, давая, таким образом, оценку всему тому несправедливому и злему, что было причинено Болгарии мирными договорами в Нейи, в Сен-Ремо, в Севре. Но сейчас, в 1946 году, болгарские требования не перестали быть разумными и благородными, как бы ни злопыхала греческая делегация и все её покровители и укрыватели. Теперь хотят повторить ещё раз несправедливость в отношении маленькой славянской страны. Но теперь не те времена, и можно быть уверенным, что то, что успешно практиковала дипломатия некоторых стран 25 лет тому назад, теперь уже не будет иметь успеха.

Поднятый греками вопрос о болгарской границе был передан в военную комиссию со специальным наказом. Этот наказ поручал военным экспертам рассмотреть это дело с «чисто военной стороны с особым учётом степени безопасности, которая явилась бы результатом передачи Греции естественных укреплений, главных оборонительных позиций, необходимой глубины для оборонительных стратегических передвижений, коммуникационных линий». Посмотрите, как сформулирована была задача, поставленная перед военными экспертами. Поставленная перед военной комиссией задача — это задача, очень похожая на те, которыми обычно занимаются не мирные конференции, а генеральные штабы, готовящиеся к будущим сражениям на чужой территории. Это может показаться невероятным, но это — факт. Указание же на оборонительный характер этих мероприятий не должно никого вводить в заблуждение.

Военная комиссия имела достаточно политического такта, чтобы отвести от себя эту задачу. Она отвела домогательства греческого правительства. Так же поступила и комиссия по политическим и территориальным вопросам по Болгарии, отклонив греческое предложение большинством 8 голосов против 2 (Греция, Южно-Африканский Союз) при 3 воздержавшихся — Индии, Новой Зеландии и, увы, Великобритании и приняв 10 голосами против одной Греции при 2 воздержавшихся (Индия, Южно-Африканский Союз) статью 1 в редакции Совета министров.

Если греческая делегация после такого позорного провала решится внести это своё предложение на пленум, оно должно быть отклонено, как несправедливое и противоречащее задачам и целям нашей мирной конференции.

5. О ТОРПЕДНЫХ КАТЕРАХ

Этот вопрос уже знаком конференции по вчерашнему ночному заседанию, когда обсуждали аналогичный вопрос по договору с Румынией. Дело идёт о греческом требовании запретить Болгарии иметь торпедные катера, которых у Болгарии... целых 7 штук.

Надо сказать, что весь болгарский военный флот состоит из 4 миноносцев, 2 минных заградителей, 2 сторожевых судов, 2 сторожевых катеров и ещё двух десятков катеров-тральщиков водоизмещением в 3 700 тонн. Какой страшный военный флот, повергающий в трепет г-на Цалдариса и всю греческую делегацию, требующих ликвидировать эту страшную-де угрозу со стороны Болгарии безопасности Греции!

Чтобы яснее стала картина, можно напомнить, что военно-морской флот Греции имеет 65 тысяч тоннажа и что он состоит из ряда серьёзных боевых судов — крейсера, эскадренных миноносцев, миноносцев, подводных лодок, корветов, охотников, тральщиков, торпедных катеров и т. д.

Не надо забывать, что один только греческий крейсер «Аверов» имеет водоизмещение в 9 450 тонн и, таким образом, почти в **три раза** превышает по водоизмещению весь болгарский так называемый военный флот; одни греческие миноносцы превышают своим водоизмещением в **шесть раз** весь так называемый военно-морской флот Болгарии.

Что касается Италии, то по проекту мирного договора ей оставляется флот водоизмещением в 150 тысяч тонн — 2 линкора, 4 крейсера, 4 эскадренных миноносца, 16 миноносцев, 20 корветов. Все эти военные корабли по условиям договора имеют торпедные аппараты, в десятки раз превышающие своей силой огня силу огня болгарского флота. Однако наличие такого флота по соседству с Грецией греческую делегацию ничуть не беспокоит. А вот болгарский флот — флот из двух миноносцев и семи катеров — не даёт г-ну Цалдарису покоя ни днём, ни ночью, ни в Афинах, ни в Париже, ни в комиссиях конференции, ни на пленуме.

Итальянский военный флот в 150 тысяч тонн водоизмещения — это, оказывается, пустяки, не заслуживающие внимания Цалдариса.

Болгарский же военный флот водоизмещением в 3 700 тонн — «вот где таится опасность моя», восклицает хором вся греческая делегация!

Итак, Италия имеет 46 боевых судов, из которых — 2 линкора и 4 крейсера. Болгария имеет 11 судов, из которых 4 миноносца и 7 торпедных катеров.

К этому надо добавить, что болгарский флот находится в Чёрном море, тогда как Греции — в Эгейском море, и чтобы угрожать Греции, болгарские катера должны переправиться к Греции через Родопские горы. (Смех.)

Что же означает в таком случае спор о нескольких болгарских катерах? Из-за чего идёт шум и звон по всей Парижской конференции?

Не пролёт ли свет на эти вопросы заявление от I.X делегации США в Политической комиссии по Болгарии, которое достойно того, чтобы напомнить о нём: «Некоторые делегации несколько раз указывали здесь на прогресс демократических учреждений болгарского правительства и отмечали, что болгарское правительство намерено поддерживать дружественные отношения с Грецией. На делегацию США эти аргументы не произвели впечатления, напротив, делегация США

имеет серьёзные сомнения насчёт развития в Болгарии демократии так, как мы её понимаем.

Поясняю, что слова «как мы её понимаем» правильно было бы читать с добавлением «в смысле долларовой демократии»...

Но позволительно спросить: при чём же тут мирный договор? США, как видно, недовольны болгарской демократией, которая развивается не так, как хотят такие, с позволения сказать, демократы, как Петков и Лулчев, которых так энергично поддерживает американское правительство. В силу этого недовольства американский делегат делает неосторожные и мало подходящие для Мирной конференции заявления, вовсе к тому же не относящиеся к делу, которым призвана заниматься Мирная конференция. Но это, конечно, лежит уже на ответственности американской делегации. Нам остаётся только ещё раз спросить: при чём же тут мирный договор с Болгарией? Эдип, разгадай!..

6. РЕПАРАЦИИ С БОЛГАРИИ

Я должен остановиться на последнем вопросе — на вопросе о репарациях. Как дело обстоит с репарациями? Я должен сказать, что конференции об этом не всё известно. Но конференция должна всё знать, чтобы правильно оценить греческие домогательства.

Дело же обстоит так. Впервые греческое правительство предъявило репарационные требования к Болгарии, определяемые «маленькой» суммой в 985 469 993 доллара. Обратите внимание на эту поразительную точность — убытки высчитаны с точностью до трёх долларов! Потом оно уменьшило эту сумму, и новая цифра составила уже 708 558 879 долларов. Сейчас греческое правительство снизило свои претензии до 125 миллионов долларов. Но поторгуюсь, господа греческие делегаты, — может быть, сойдёмся и на 25 миллионах долларов! Что же это за убытки?

Вот список, который представляет собой перечень убытков, понесённых Грецией, на основании которого Греция предъявляет свои требования к Болгарии о репарациях. Я кратко перечислю отдельные статьи этого списка.

Первое — «ухудшение сети железных дорог вследствие перегрузки» Болгария должна заплатить за это не менее и не более, как один миллиард 398 с лишним миллионов драхм. По курсу 118 драхм = 1 доллару. Извольте рассчитать, сколько это выйдет миллионов долларов.

Второе — один каток, который взяла болгарская армия, ведомый одной лошастью. (Смех.) Так в греческом документе и сказано.

Далее читаем — ещё 8 катков, ведомых волами. (Смех.) И за всё это Цалдарис требует с Болгарии ещё 1 398 500 тысяч драхм.

Далее идут не менее интересные вещи: снижение ценности домов, как сказано в записке греческой делегации, происшедшее... от «других причин», кроме разрушений. Очевидно, имеются в виду повреждения, например, от проливного дождя. (Смех.) И это оценивается ещё в один миллиард пятьсот миллионов драхм.

Вот ещё статья — «разница в зарплате, выданной греческим рабочим и болгарам» — девять миллиардов драхм.

Вот ещё ущерб «из-за бездеятельности торговли» — 2 миллиарда драхм. Ущерб «из-за бездеятельности промышленности» — около 1 миллиарда драхм.

Но позвольте спросить, а сколько будет насчитываться в счёт репараций с Болгарии за безрезультатность деятельности греческой делегации на этой конференции? Я думаю, что это выразится в солидную сумму, исчисляемую тоже миллиардами драхм. Разве всё это не достойно юмористического журнала?

Позиция греческой делегации и других делегаций, которые поддерживают её в её несправедливых требованиях репараций с Болгарии в 125 миллионов долларов, явно необоснована ни с фактической стороны, ни с моральной, ни с политической стороны. Мы не можем, наконец, забывать и того, что болгарское народное хозяйство поставлено в тяжёлое положение из-за засухи 1945 года и подорвано военными грабежами, которые были произведены немецкими фашистами. Не надо также забывать, что в Болгарии народный доход на душу населения не превышает 50 долларов. Это самый низкий уровень народного дохода, приходящегося на душу населения, который вообще имеется в Европе. Вы не забудьте, что греческая делегация требует ещё возратить 1315 тысяч голов скота и 2 миллиона штук пшеницы. Повторяю — все эти требования голословны и баснословны.

Вот почему советская делегация считает, что репарационные претензии Греции весьма не серьёзны. Нет расчёта, нет оснований, и нам голосовать нечего. Мы, советская делегация, считаем, что весь вопрос нужно передать в Совет министров, чтобы он изучил его с большей тщательностью и добросовестностью. Болгария не должна быть освобождена от уплаты репараций в пользу Югославии и Греции за причинённый им ущерб, но размер репараций нужно установить в соответствии с действительным ущербом, причинённым болгарскими вооружёнными силами, и с учётом экономического положения Болгарии. Этого до сих пор не было сделано. Это несправедливо. Это должно быть исправлено.

* *
*

Моё время подходит к концу. Я должен кончать. Из всего того, что происходило здесь при обсуждении проекта мирного договора с Болгарией, советская делегация не может не сделать следующего вывода. Все эти предложения и поправки — о торпедных катерах, о демилитаризации болгарской границы, о так называемом «исправлении» границы, что означает откровенное намерение отнять у Болгарии часть земли и отдать её Греции, о репарациях, — всё это не что иное, как попытки политического давления на правительство Отечественного фронта, всё это попытки добиться таким образом целей, не имеющих ничего общего с целями Мирной конференции, в ущерб национальным интересам Болгарии, в ущерб её независимости и свободе болгарского народа.

Советская делегация, как и весь советский народ, верит и знает, что правда восторжествует, правда победит. Правда всегда побеждает. Правда победит и на этот раз.

«Известия» № 242 (9158)
от 13 октября 1946 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ Д. З. МАНУИЛЬСКОГО
НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ
ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ПРИ ОБСУЖДЕНИИ ПРОЕКТА
МИРНОГО ДОГОВОРА С ВЕНГРИЕЙ

(12 октября)

Напомнив о том, что делегация США предложила сократить репарации, которые Венгрия должна выплатить СССР, с 300 до 200 миллионов долларов, Мануильский сказал, что трудно понять мотивы, заставившие делегацию США выступить с подобными предложениями после того, как она неоднократно поддерживала требования 100-процентного возмещения убытков, нанесённых собственности граждан США, Англии и некоторых других государств на территории бывших вражеских стран.

«Если бы вся сумма репараций, которые Венгрия должна уплатить, пошла в пользу одной лишь Украины, то это составило бы меньше половины 1 процента понесённых Украиной потерь,— сказал Мануильский.— Как же мог повернуться язык, чтобы требовать уменьшения этих репараций? А ведь потери Украины — это только часть огромных потерь, понесённых Советским Союзом. Предложение американской делегации нельзя рассматривать иначе, как недружелюбный акт, рассчитанный на то, чтобы нанести оскорбление народам Советского Союза, не щадившим своей крови ради победы над общим врагом. Никогда ещё в истории репарации, накладываемые на вчерашних противников, не были так скромны, как те репарации, которые приняты Советом четырёх министров. Американская делегация знает, какую роль в установлении этих скромных цифр сыграло правительство СССР и, в частности, Генералиссимус Сталин. Но нельзя проявлять больше сочувствия ко вчерашнему агрессору, чем справедливости к его жертве, тем более, что это внешнее сочувствие руководствуется не соображениями морали, а соображениями материалистического порядка».

Вскрывая демагогический смысл предложения США, Мануильский напоминает, что если бы авторы этого предложения хотели действительно помочь Венгрии, то у них для этого имеется много возможностей: отказ от изъятия активов Венгрии, находящихся на территории других государств, отказ от компенсации за ущерб, нанесённый собственности этих государств в Венгрии; освобождение Венгрии от уплаты долгов по довоенным соглашениям и т. д. «Щед-

рость, господа, неплохое качество,— говорит Мануильский,— но она становится добродетелью только тогда, когда осуществляется за свой, а не за чужой счёт».

Касаясь дунайской проблемы, Мануильский указывает, что Дунай в истории Украины играл немаловажную роль. Его значение для Украины особенно возросло теперь, когда украинское народное хозяйство так сильно нуждается в выходе к Средиземному морю. Лучшей водной магистралью, связывающей важнейшие районы Украины с такими портами, как Рени, Измаил, Килия, Вилков, являются водные пути Дунай — Днепр, Дунай — Одесса.

Решительно возражая против необоснованных претензий США, Великобритании и других стран на установление своего контроля над Дунаем, Мануильский подчёркивает, что авторы этих претензий не хотят считаться с ходом исторического развития.

«Поступают так,— говорит он,— как будто бы не было величайшей в истории мировой войны, в которой народы Восточной Европы понесли столь огромные жертвы и добились такой блестящей победы. Поступают так, как будто имеют дело не с победоносным Советским Союзом, страной передовой демократии, а со старой Россией времён Крымской кампании. Поступают так, как будто в придунайских странах имеются правительства, которые, ради получения иностранных займов, готовы отдать свои народы в кабалу. Не хотят видеть того, что традиционные приёмы экономического закабаления народов встречают и будут встречать всё большее сопротивление».

Указав далее на то, что на конференции раздавались голоса, recommending вернуться к эпохе ганзейских городов, Мануильский говорит: «Едва ли в наше время было бы целесообразно копировать эпоху Ганзы, когда свирепствовали на водных путях морские пираты. То обстоятельство, что некоторые политические деятели смотрят не вперёд, а назад, не учитывают происшедших изменений, хотят вернуть реакционное прошлое, является крупным затруднением в работе Мирной конференции».

Мануильский подчёркивает, что для малых придунайских государств согласие на установление контроля США и Великобритании над Дунаем поистине было бы самоубийством, если говорить об их политической и экономической самостоятельности. Это означало бы, что хозяевами на Дунае были бы не придунайские страны, а те, кто проживает на Гудзоне и на Темзе.

«Впервые в истории,— говорит украинский делегат,— народы придунайских стран хотят освободиться от той экономической зависимости, которая превращала их страны в аграрный придаток крупных промышленных стран Европы, обрекала их на экономический застой и деградацию. Они хотят этого в соответствии с декларациями Крымской конференции и уставом Объединённых наций».

Малые союзные государства, продолжает Мануильский, и без того встревожены тем, что на их территориях создаются военные, воздушные и морские базы, где размещаются иностранные войска, что некоторые большие государства не интернационализируют свои порты, реки и проливы, а, наоборот, национализируют в свою пользу порты, реки и территории малых государств.

Если эта практика называется принципом равенства больших и малых государств, декларируемого статьёй 1 параграфа 2 устава Объединённых наций, то пусть нам объяснят, что такое неравенство и в чём оно выражается.

Нас уверяли здесь, на конференции, что контроль США, Великобритании и Франции над Дунаем нужен в интересах свободы торговли между государствами. Но, спрашивается, почему же интересы свободы торговли не побудили Великобританию и Францию, составивших конвенцию 1921 года о режиме Дуная, привлечь к этой конвенции и Советское государство? Почему же тогда эта пресловутая «свободная торговля» оказалась в нетях? И почему она выплыла сейчас? Известно, что Советское государство от подписания этой конвенции было отстранено, в то время как конвенцию эту подписывали и такие «придунайские» государства, как Бельгия, Франция, Великобритания, Греция и Италия. К контролю над Дунаем привлекали бывшего агрессора Германию, но отстраняли Советские республики. Это происходило как раз в ту пору, когда антисоветские настроения в Европе достигли кульминационного пункта. Но разве сейчас, после того, как Советская страна рука об руку с Великобританией и США воевала против общего врага, к лицу повторять злосчастный опыт 1921 года, привлекая к контролю над Дунаем государства, которым, в сущности говоря, нечего делать на Дунае, так же как придунайским государствам на Миссисипи или Сене.

Однако, если вдуматься в нынешнюю позицию делегаций США и Великобритании по вопросу о Дунае, то мы имеем, по существу, продолжение той же линии 1921 года, направленной против интересов Советского Союза.

Далее, если даже оставить в стороне международно-правовые соображения, в силу которых возникновение войны ликвидирует те договоры, которые заключались в период, предшествовавший войне, то можно сослаться и на другой момент, а именно на то обстоятельство, что за несколько лет до войны придунайские государства требовали ликвидации того положения, при котором внедунайские государства распоряжались водной артерией Дуная.

Известно, что даже Лига наций в 1938 году вынуждена была ограничить контроль внедунайских государств и расширить полномочия некоторых придунайских стран.

Каким же образом теперь, после всех торжественных деклараций о правах и суверенности народов, конференции преподносят предложение, которое делает шаг назад по сравнению даже с довоенным положением? Зачем понадобилось создавать у европейских народов впечатление, что режим опеки, предусмотренный для самоуправляющихся территорий, начинают распространять на суверенные государства Европы, имеющие свои парламенты, свои ответственные перед ними правительства, и притом государства союзные, проводящие глубокие демократические преобразования.

Народы придунайских стран хотят быть хозяевами в своём доме. Они хотят сами устанавливать режим судоходства на Дунае, так же, как это делают другие суверенные государства в отношении своих речных путей.

Каждое из придунайских государств не требует для себя ни исключительного положения, ни преимуществ, ни привилегий, а лишь осуществления его законных прав.

Делегация Украинской ССР не может признать полномочными результаты голосования по поводу режима Дуная как на заседании пленума конференции от 10 октября по проекту мирного договора с Румынией, так и на заседании от 11 октября по проекту мирного договора с Болгарией.

Ни на одной из комиссий предложение французской делегации, фактически дублирующей первоначальное предложение США и Великобритании, не собрало $\frac{2}{3}$ голосов и не могло рассматриваться как рекомендация пленуму конференции. Но на самом пленуме конференции, поскольку голосовали также и государства, которые не принимали никакого участия в войне против Румынии, Болгарии и Венгрии,— исход голосования был решён голосами этих государств.

Создалось, таким образом, абсолютно ненормальное положение: заголосованы те государства, которые вынесли на своих плечах всю тяжесть борьбы с немецко-румынскими и другими вражескими силами, государства, являющиеся к тому же придунайскими странами, а арбитрами по вопросу о Дунае выступили такие отдалённые страны, как Китай или Бразилия, или такие внедунайские европейские государства, как Голландия или Бельгия, у которых есть достаточно и своих хлопот в Индонезии и в Конго.

В силу изложенных мотивов делегация Украинской ССР настаивает на том, чтобы ненормальное положение, сложившееся в итоге голосования пленумом конференции статей, касающихся Дуная, было исправлено и статья 33 в проект мирного договора с Венгрией не была включена.

Украинская делегация выражает пожелание, чтобы Совет министров при утверждении мирных договоров принял во внимание соображения, развитые украинской делегацией, и удовлетворил справедливые требования придунайских стран.

«Известия» № 242 (9158)
от 13 октября 1946 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ Ф. Т. ГУСЕВА НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПРИ ОБСУЖДЕНИИ МИРНОГО ДОГОВОРА С ВЕНГРИЕЙ

(12 октября)

Участие и роль фашистской Венгрии в войне на стороне гитлеровской Германии против союзных стран и в первую очередь против Советского Союза хорошо известны. Венгрия была последней из стран — сателлитов Германии, которые порвали свои отношения с Германией и вышли из войны против союзных стран. Старая Венг-

рия была одной из стран, тесно связанных с Германией. Теперь стало известно из опубликованных документов германского министерства иностранных дел, что ещё до возникновения войны в Европе фашистские правители Венгрии вместе с Германией готовили военные планы против Чехословакии и других соседних стран. Фашистские правители Венгрии добились путём двух Венских арбитражей отторжения значительных территорий как от Чехословакии, так и от Румынии. В результате так называемых «венских наград» фашистская Венгрия предоставила себя в полное распоряжение Германии и в течение всей войны поставляла ей солдат, продовольствие, сырьё и всё необходимое для войны. Венгерские дивизии и карательные экспедиции на территории Белоруссии, Украины и других районов СССР отличались своим жестоким подавлением партизанского движения и карательными мерами против гражданского населения. Венгерские войска на территории Советского Союза причинили немало разрушений народному хозяйству, страданий и лишений гражданскому населению.

Известно, что после того, как Румыния, Болгария и Финляндия порвали с Германией и вышли из войны против союзных держав, бывшие правители Венгрии делали попытку выйти из войны. Однако этому помешали оголтелые венгерские гитлеровцы — салашисты, которые захватили власть в свои руки и превратили страну в арену ожесточённой борьбы против наступающей Красной Армии. После тяжёлой и кровопролитной борьбы в районе Будапешта и в других местах Венгрии готовившееся контрнаступление германской армии на Балканах было сломлено, и остатки германской армии вместе с продажными салашистами были изгнаны с территории Венгрии. При отступлении салашисты увезли на территорию Германии и Австрии значительную часть имущества и ценностей венгерского государства. Последствия этого ограбления Венгрия испытывает самым тяжёлым образом до настоящего времени. По сведениям нового демократического правительства Венгрии, немцы и салашисты вывезли из Венгрии наиболее ценное имущество на сумму до 3 миллиардов долларов. Вот некоторые венгерские данные, позволяющие нам составить некоторое представление о размерах этого имущества:

1. Локомотивы — 1 320.
2. Железнодорожные вагоны: пассажирские — 4 964, товарные — 50 466.
3. Легковые и грузовые автомобили, мотоциклы и др. — 63 900 единиц.
4. Пассажирские и грузовые пароходы, баржи, пловучие краны, понтоны, всего — 370 единиц.
5. Машины, оборудование, сырьё, полуфабрикаты и промышленная продукция 415 важнейших фабрик, заводов и мастерских.
6. Рогатый скот — 605 тысяч голов.
7. Лошадей — 250 тысяч голов.
8. Свиней — 1 500 тысяч.
9. Овец — 500 тысяч.

Размеры вывезенного имущества показывают, что венгерской экономике был нанесён значительный ущерб, что возвращение этого

имущества Венгрии могло бы способствовать её быстрому экономическому восстановлению.

Советская делегация считает необходимым напомнить об этом, чтобы у членов конференции было правильное представление о действительном экономическом положении Венгрии. Это тем более необходимо, что некоторые делегации, в частности делегация Соединённых Штатов, при обсуждении экономических статей договора в экономической комиссии проявляли заинтересованность и даже некоторое беспокойство по поводу экономического положения Венгрии. Следует отметить, что ещё до конференции правительство США вело нотную переписку с правительством СССР по поводу экономического и финансового положения Венгрии. В то время правительство США предлагало создать специальную комиссию из представителей США, СССР и Соединённого Королевства с целью составления плана экономического восстановления Венгрии.

Советское правительство не могло согласиться с предложением правительства США, так как осуществление этого предложения привело бы к устранению венгерского правительства от руководства экономической жизнью страны и к неоправданному вмешательству во внутренние дела страны.

Опыт истекшего года показывает, что новое правительство Венгрии, ставшее на путь демократических преобразований страны, успешно справляется с задачами экономического восстановления. Достаточно указать, что за это время венгерское правительство провело коренную аграрную реформу, значительно увеличило промышленное производство, провело финансовую реформу, осуществив стабилизацию валюты и другие меры.

Совершенно очевидно, что процесс экономического восстановления Венгрии был бы более быстрым, если бы венгерское правительство получило обратно имущество, вывезенное немцами и салашистами, находящееся сейчас под контролем американских властей на территории Германии и Австрии. Как известно, венгерское правительство неоднократно обращалось с просьбой к американским властям вернуть венгерское имущество, но просьбы Венгрии не были удовлетворены.

Если делегация США имеет действительное намерение оказать содействие и помощь Венгрии в деле её экономического восстановления, то она имела полную возможность осуществить это намерение путём возвращения Венгрии её имущества, весьма необходимого для восстановления её хозяйства.

В целях экономического облегчения для Венгрии советская делегация внесла в проект договора статью 26 о признании за Венгрией права на реституцию венгерского имущества, находящегося на территории Германии, а также предложение об отмене ограничений в отношении венгерской собственности на территории Германии и на территории других стран, принимавших участие в войне на стороне Германии.

Это предложение встретило возражение прежде всего со стороны делегации США и некоторых других делегаций и не было принято экономической комиссией.

Известно, что правительство США не предъявляет претензий к Венгрии на репарации, но оно не желает признать права Венгрии на реституцию имущества. Не будет ли и это имущество использовано в качестве средства политического давления на демократическое правительство Венгрии?

Советская делегация внесла предложение по статье 25 о восстановлении права Венгрии и её граждан на активы на территории союзных и соединённых держав.

Это предложение также встретило возражение со стороны делегации США и не было принято экономической комиссией.

Делегация США, ссылаясь на экономические затруднения Венгрии и, видимо, желая облегчить эти затруднения за счёт СССР, Югославии и Чехословакии, внесла на заседании экономической комиссии предложение сократить репарации к Венгрии в пользу СССР, Чехословакии и Югославии с 300 до 200 миллионов долларов, но это не больше, как демонстративный акт, направленный против законных прав Советского Союза, Югославии и Чехословакии.

Важно отметить, что сама венгерская делегация не обращалась с такой просьбой к Мирной конференции. Она заявила, что выполнение своих обязательств по репарациям она считает своим долгом.

Делегация США мотивировала свою поправку тем, что Венгрия якобы испытывает непосильное для её экономики бремя репараций.

Действительно ли репарации представляют такое непосильное бремя для Венгрии?

Известно, что условиями перемирия с Венгрией общая сумма репараций определена в 200 миллионов американских долларов для СССР и 100 миллионов долларов для Югославии и Чехословакии. Советский Союз, которому принадлежала инициатива в этом деле, предъявил Венгрии весьма скромные репарационные претензии по сравнению с тем огромным ущербом, который был нанесён народному хозяйству нашей страны Венгрией во время войны. В соответствии с условиями перемирия СССР и Венгрия заключили соглашение о репарационных поставках. В 1945 году Венгрия поставила Советскому Союзу товаров на сумму в 10,5 миллиона долларов. С другой стороны, по советско-венгерскому торговому соглашению Венгрия получила от Советского Союза в 1945 году товаров на сумму 6,3 миллиона долларов, что содействовало облегчению экономических трудностей Венгрии. Если принять во внимание общую сумму поставок в счёт репараций для СССР в 1945 году и общую сумму товаров, которые были получены Венгрией из СССР по торговому соглашению, то сумма репараций превышает товарные поступления из СССР всего лишь на 4,2 миллиона долларов.

Ясно, что такая сумма репараций в 1945 году не явилась обременительной для Венгрии, хотя это пытаются здесь доказать вопреки точным фактам.

Учитывая экономические трудности Венгрии, советское правительство пошло навстречу пожеланиям венгерского правительства и продлило срок оплаты репараций с 6 до 8 лет. Советское правительство полностью освободило Венгрию от уплаты штрафа в сумме

6 миллионов долларов за невыполнение в срок поставок в первом году действия соглашения.

В июле 1946 года венгерское правительство предложило пересмотренный план репарационных поставок на ближайшие годы. Советское правительство полностью удовлетворило и это пожелание венгерского правительства.

Несмотря на всё это, делегация США предлагает сократить общую сумму репараций с Венгрией. Что означает это предложение делегации США?

На основе условий перемирия Советский Союз, Югославия и Чехословакия заключили соглашения с Венгрией о репарационных поставках. Венгрия знает, какие товары она должна подготовить для репарационных поставок. В планах восстановления народного хозяйства СССР предусмотрены виды и сроки поставок товаров, необходимых для того, чтобы восстановить разрушенные районы СССР. Примите во внимание и то, что в то время как СССР, Югославия и Чехословакия, с одной стороны, и Венгрия — с другой, договорились о плане репараций и уже больше года выполняют этот план, делегация США предлагает отменить этот план и тем самым задержать восстановление народного хозяйства СССР, а в конечном счёте — посорить СССР с Венгрией.

Здесь только что до меня выступал представитель Австралии, который прямо заявил, что он усматривает опасность в том, что Советский Союз заключает двусторонние соглашения с соседними бывшими вражескими странами. В чём же австралийский представитель усматривает эту опасность? Не в том ли, что путём двусторонних соглашений Советский Союз урегулировал вопрос о репарациях, уже предпрешённый условиями перемирия? Не в том ли, что Советский Союз заключил торговое соглашение с Венгрией и поставлял Венгрии столь необходимые для её экономики товары? Если в этом усматривает австралийский представитель опасность, а об этом он сегодня совершенно ясно говорил, то спрашивается: каких же отношений хотел бы австралийский представитель между Советским Союзом и пограничными с ним бывшими вражескими странами? Видимо, австралийскому представителю не нравятся нормальные и дружественные отношения между Советским Союзом, с одной стороны, и Румынией, Болгарией, Венгрией, Финляндией — с другой. Я думаю, что конференция согласится с тем, что такие высказывания на нашей конференции не служат делу установления мира, не служат установлению добрососедских отношений между странами после войны. Мы считаем, что в интересах как самих стран, которые вышли из войны, так и в интересах дальнейших взаимоотношений этих стран с Советским Союзом установление дружественных нормальных политических и экономических отношений между этими странами служит делу установления мира.

Делегация Соединённых Штатов внесла поправку о сокращении суммы репараций с Венгрии в пользу Советского Союза, Югославии, Чехословакии и выступила в защиту своей поправки на заседании экономической комиссии.

Мы могли бы порекомендовать делегации США, что если у неё

имеется желание быть щедрой, то она может это сделать за свой счёт, а не за счёт других государств.

Советская делегация неоднократно подчёркивала в своих выступлениях на заседаниях комиссий и на конференции, какое значение она придаёт репарациям, которые являются лишь незначительной частью возмещения причинённого ущерба. Мне нет необходимости повторять ещё раз наши доводы.

Советская делегация настаивает на принятии статьи 21 проекта мирного договора в редакции Совета министров.

Венгрия может и должна выполнить принятые ею обязательства по репарациям Советскому Союзу.

Советская делегация считает, что добрые намерения некоторых делегаций оказать содействие и помощь Венгрии в деле её экономического восстановления могли бы быть осуществлены прежде всего путём возвращения венгерского имущества, увезённого немцами и салашистами из Венгрии, а сейчас находящегося под контролем союзных властей. Осуществление этого мероприятия могло бы значительно ускорить процесс экономического восстановления и выполнения Венгрией своих первоочерёдных обязательств по репарациям, а также по другим обязательствам перед союзниками.

Советская делегация предлагает конференции принять её предложения по статье 25 о венгерских активах на территориях союзных и соединённых держав и по статье 26 о праве Венгрии на реституцию вывезенного имущества, а также по восстановлению прав на венгерскую собственность на территории Германии.

Принятие этих предложений могло бы оказать содействие делу экономического возрождения Венгрии.

Политическая комиссия для Венгрии обсуждала предложение чехословацкой делегации о переселении 200 тысяч венгров из Чехословакии в Венгрию. Советская делегация выступала в его защиту, считая это предложение справедливым. Опыт Мюнхена, Венского арбитража и наличие среди некоторых венгерских реакционных кругов ревизионистских настроений являются доказательством справедливости опасений чехословацкого правительства и объясняют его стремление создать однородное по национальному составу государство. Такое решение было бы в интересах устранения препятствий на пути установления прочных дружественных отношений между Чехословакией и Венгрией и, следовательно, в интересах установления прочного мира в Центральной Европе. Некоторые делегации на заседании комиссии, как делегации США и Соединённого Королевства, не поддерживали предложения чехословацкой делегации, что создаёт впечатление, будто они не заинтересованы в том, чтобы разрешить все спорные вопросы, которые можно разрешить сейчас с тем, чтобы устранить в дальнейшем возможные споры и недоразумения между Чехословакией и Венгрией. Советская делегация считает, что в интересах обеих непосредственно заинтересованных стран, как Чехословакии, так и Венгрии, а также в интересах установления мира в этой части Европы было бы правильным разрешить, наконец, вопрос о переселении 200 тысяч венгров из Чехословакии в Венгрию. Политическая комиссия приняла предложение о двусторонних перегово-

рах между Чехословакией и Венгрией о переселении 200 тысяч венгров. Советская делегация позволяет себе выразить уверенность в том, что переговоры между Чехословакией и Венгрией приведут к успешному разрешению этого вопроса, что будет содействовать установлению добрососедских отношений между Чехословакией и Венгрией и делу мира в Европе.

При обсуждении проекта мирного договора с Венгрией советская делегация не намерена повторять свои доводы против включения в договор статьи 33, содержащей постановления, касающиеся Дуная. При обсуждении проектов договоров с Румынией и Болгарией советская делегация уже изложила свою точку зрения по вопросу о Дунае. Советская делегация не считает необходимым включать в мирный договор с Венгрией какие-либо постановления, касающиеся Дуная.

В заключение советская делегация считает необходимым отметить, что новая Венгрия, порвавшая с тяжёлым наследием фашистского прошлого и ставшая на путь демократического развития и преобразования страны, признаёт свои обязательства по условиям перемирия и стремится их выполнить. Советское правительство уже предприняло со своей стороны ряд мер для того, чтобы облегчить Венгрии выполнение её обязательств, и оно надеется, что другие делегации, от которых это зависит, примут со своей стороны меры содействия возрождению новой Венгрии и не будут настаивать на дополнительных экономических обязательствах для Венгрии. Этим мы окажем действительную помощь Венгрии там, где это возможно и необходимо.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И МАЛЫЕ СТРАНЫ

РЕЧЬ В. М. МОЛОТОВА НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

(14 октября)

Господин председатель, господа делегаты!

Рассмотрением проекта мирного договора с Финляндией конференция заканчивает свои работы. Теперь можно уже видеть общие результаты Парижской конференции.

I

РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Настоящая конференция была первым опытом широкого сотрудничества народов в деле установления мира после второй мировой войны. Здесь встретились представители больших и малых государств, чтобы рассмотреть мирные договоры для Италии, Румынии, Болгарии, Венгрии и Финляндии. Эти мирные договоры должны содействовать установлению прочного мира в Европе. Чтобы быть таковыми, они должны отвечать интересам народов, стремящихся к устойчивому и длительному миру, а также к отпору всяким попыткам новой агрессии. Это значит, что они должны отвечать целям демократического мира, который исходит из признания ответственности агрессора за его преступления, но не из чувств мести в отношении к побеждённым и который в возможно большей степени должен содействовать установлению безопасности народов и их сплочению против сил новой возможной агрессии.

Конференции предшествовала довольно длительная работа Совета министров иностранных дел четырёх великих держав. В этот подготовительный период были рассмотрены главные вопросы мирных договоров: были определены изменения границ государств, поскольку здесь имелись спорные вопросы; были рассмотрены репарационные требования, хотя эта работа и не была закончена; были установлены военные ограничения для побеждённых государств и т. д. По всем этим вопросам были приняты согласованные решения четырёх правительств. Однако оставалась некоторая часть вопросов, не решённых на подготовительной стадии и перенесённых на рассмотрение конференции.

Конференция должна была высказать своё мнение как по согласованным вопросам, так и по всем остальным. Каковы же результаты работы конференции?

Оказалось, что вопросы, которые были согласованы между четырьмя великими державами, получили одобрение и на конферен-

ции 21 государства. Изменения, принятые конференцией, в этом случае не нарушили предварительной договорённости, если не считать вопроса о статуте Триеста. Обсуждение на конференции лишь подтвердило, что эти части договоров вполне соответствуют целям демократического мира, если считаться с необходимостью неизбежных компромиссов в такого рода вопросах. Таким образом, мы имели возможность убедиться, что когда те державы, которые вынесли главную тяжесть войны против нашего общего врага, действуют совместно, принимая согласованные решения, то это, как правило, выражает волю подавляющего большинства демократических стран и отвечает интересам установления демократического мира. В этом заключается положительный итог работы конференции.

Иначе дело обстоит с теми статьями договоров, по которым не было достигнуто предварительного согласования. Сюда относятся группа экономических статей, вопрос о статуте Триеста, режим судоходства на Дунае и некоторые другие. Результаты работы конференции в этой последней области не похожи на результаты обсуждения согласованных между четырьмя державами вопросов.

Можно было предполагать, что именно по несогласованным заранее вопросам работа конференции будет особенно полезной. Но в действительности вышло не так. Эти вопросы оказались плохо подготовленными в Совете четырёх министров. Конференция же не нашла каких-либо средств для того, чтобы устранить возникшие ранее расхождения. Да, как показал опыт, господствовавшая на конференции группировка, начиная с Соединённых Штатов и Англии, и не стремилась к этому. Она положила на то, что на её стороне имеется обеспеченное большинство делегаций, и стремилась использовать это положение, чтобы провести свою точку зрения.

Эти расчёты, однако, не оправдались. Они и не могли оправдаться, поскольку на международных конференциях при соблюдении равноправия всех участников нельзя ничего добиться созданием механического большинства и игнорированием законных интересов других стран, не входящих в это большинство. Господствующая группировка показала лишний раз своё нежелание искать соглашения, приемлемого для всех участников конференции. Итог известен.

Результаты работы конференции нельзя признать удовлетворительными. Несогласованные до конференции статьи договоров в большинстве случаев так и остались несогласованными. Между тем следовало бы помнить, что международные конференции собираются не для того, чтобы демонстрировать расхождения, а для того, чтобы найти возможности для согласования мнений разных сторон и для выработки совместных решений. С другой стороны, со стороны меньшинства были приложены все усилия, чтобы разъяснить свою точку зрения и призвать к нормальному сотрудничеству, что, как мы надеемся, не должно остаться бесследным.

Всё это возлагает на Совет министров иностранных дел большую ответственность за окончательные решения, от которых будет зависеть подписание договоров.

II

ПРИЧИНЫ НЕУДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ

Из сказанного ясно, в чём заключается главная причина неудовлетворительных результатов работы конференции в отношении значительной части вопросов. С самого начала и до конца конференции мы наблюдали стремление определённой группы делегаций занимать господствующее положение и диктовать свои решения, не считаясь с мнением значительной части делегаций. Это делалось разными способами, причём иногда этот метод ставил в весьма затруднительное положение делегации малых государств. Можно было думать, что инициатива малых государств на этой конференции облегчит достижение соглашения. Но разве в действительности это имело место? В действительности делегации малых государств вынуждены были нередко просто идти за господствующим течением, за большинством.

Возьмите вопрос о Дунае, иначе говоря, вопрос о том, чтобы в мирных договорах с балканскими странами было записано решение о созыве конференции определённого состава для рассмотрения проблемы дунайского судоходства, против которой возражали в данный момент все придунайские государства. По этому вопросу не было принято никакой рекомендации на заседании экономической комиссии, так как ни одно предложение не собрало двух третей голосов, как это требуется по процедуре работы комиссии. На пленуме голосование привело к большинству в 14 голосов против 7 в пользу созыва такой конференции. При этом в числе 14 оказались Индия, Эфиопия и некоторые другие. Казалось, что эти государства в вопросе о Дунае могли занять более объективную, более трезвую и более разумную позицию по отношению к придунайским государствам. Но этого не случилось. Почему, в самом деле, Индия должна была добиваться решения этого вопроса в мирном договоре, например, с Румынией? Какие интересы Индии, какие интересы индусов затрагиваются вопросом о созыве той или иной дунайской конференции, на чём так настаивают Англия и Соединённые Штаты? Конечно, глава индийской делегации сэр Самюэль Рунганадан мог по каким-либо своим соображениям высказать мнение, что индийская делегация весьма заинтересована в этом вопросе и должна чуть ли не обязательно добиваться такого решения о Дунае, с которым не согласно ни одно придунайское государство на конференции. Но каждому из нас понятно, что если бы дело шло о голосе независимой Индии, если бы мы имели дело с голосом представителя настоящей Индии, чего требуют все честные демократы во всём мире, — мы могли бы ожидать более объективного голосования со стороны Индии, а пока мы снова встретились с таким недопустимым положением, что индийская делегация просто выполнила свою колониальную обязанность голосовать по воле другой страны — по воле Великобритании. Но не за горами то время, когда придут другие, более счастливые времена для Индии!

Или возьмите другой вопрос. Подавляющим большинством голосов, включая Англию, Соединённые Штаты, Советский Союз,

политическая комиссия по Болгарии одобрила предложение Совета министров иностранных дел о сохранении нынешней болгаро-греческой границы, что соответствует интересам устойчивого мира в Европе. На пленуме же конференции британский делегат, вопреки своему голосованию в комиссии, а ещё раньше и в Совете министров, возглавил группу большинства делегаций в составе 12 голосов, которые воздержались, когда голосовался вопрос о сохранении в неизменённом виде нынешней болгаро-греческой границы, в результате чего конференция не приняла никакого решения по этому вопросу. Это означает, что голосами главным образом малых государств Англия добилась на пленуме такого решения, которое ни в какой мере не может отвечать интересам стабильности мира и может явиться лишь толчком к авантюрам и агрессии. Спрашивается, разве такое голосование соответствует национальным интересам Эфиопии, Бельгии, Бразилии, Индии, Голландии, Австралии, Канады, Новой Зеландии, Южно-Африканского Союза или Китая и, наконец, даже самой Греции, воздержавшихся вместе с Англией по этому вопросу? Не является ли эта комбинация делегаций своеобразной игрой на голосах, которую, однако, ни один честный демократ и вообще ни один объективный человек не может не рассматривать иначе, как грубую политическую ошибку, приносящую ущерб делу устойчивого мира и выгодную только кое-каким сеятелям беспокойства и новой агрессии?

Эта комбинация с голосованием бросила тень на всю практику голосований на этой конференции. Однако не может быть сомнения в том, что Совет министров иностранных дел вновь одобрит своё прежнее решение о стабильности болгаро-греческой границы, что явится осуждением искусственной комбинации в 12 голосов, воздержавшихся на пленуме конференции. Политическая игра с голосованием по вопросу о болгаро-греческой границе отнюдь не будет одобрена и общественным мнением демократических стран. Прощёт, сделанный в этой политической игре, очевиден. Вот почему мы с уверенностью говорим болгарам — нашим друзьям: «Болгары, будьте спокойны, ваша граница останется непоколебимой». (Аплодисменты.)

Чтобы уяснить неудовлетворительный ход работы конференции, надо припомнить, как проходило здесь обсуждение многих вопросов. Мы, находившиеся в меньшинстве, считали своей обязанностью разъяснить наши взгляды по всем важным вопросам. Мы пытались много раз апеллировать к чувству объективности, к интересам сотрудничества. Мы думаем, что ознакомление с этими выступлениями принесёт свою пользу, поскольку приходится ведь думать не только о делегатах конференции, но и о тех миллионах людей, которые присматриваются к тому, что происходит в Люксембургском дворце. Однако на самой конференции даже самые веские аргументы оказывали мало влияния. Метод убеждения здесь не пользовался успехом и популярностью, когда с тем или иным мнением не соглашались, скажем, американская или британская делегации. Независимо от того, правильным или неправильным было то или иное предложение, но, если оно было удобным определённой группировке, оно получало обеспеченное для англо-американского блока большин-

ство. На конференции почему-то было сделано так, что вопреки алфавиту делегат Соединённых Штатов голосовал первым и своим «нон» он с самого начала давал определённый тон по всем предложениям, вносившимся со стороны меньшинства. Это, конечно, облегчало положение определённой группировке, но не создавало предпосылок для авторитетности решений конференции.

Проверьте, и вы убедитесь, что на протяжении всей конференции советская делегация не отказалась ни от одного своего мнения, которое было высказано ею до конференции и которое нашло своё отражение в согласованных решениях Совета министров. Но я не могу пройти мимо того факта, что три других члена Совета министров дважды отказались от своего мнения, которое было выражено в согласованных решениях Совета министров.

Известно, что по вопросу о процедуре английская, американская и французская делегации отказались здесь от той позиции, которую они занимали в Совете министров. Им показалось удобнее опираться не только на большинство в две трети голосов, как это принято на международных совещаниях, но и на простое большинство — очевидно, для того, чтобы при всех и всяких голосованиях господствующая на конференции группировка была устроена со всеми удобствами и притом наверняка. Известно также, что по вопросу о статуте Триеста эти три делегации также отказались от своего мнения, согласованного между четырьмя министрами в Совете министров, и настояли на принятии конференцией таких решений, которые расходятся с признанными Советом министров демократическими основами статута Триеста. Эти примеры также говорят о том, что об авторитетности конференции не особенно заботились.

Так, господа, обстоит дело с итогами работы конференции. В результате этого ценно много рекомендаций, принятых на конференции, была подорвана. Весь порядок работы конференции и принятая ею неправильная процедура голосования повели к снижению авторитетности принятых конференцией пожеланий.

III

ОТНОШЕНИЕ К МАЛЫМ СТРАНАМ

Всё это приводит к тому, что мы обязаны уделить серьёзное внимание вопросу о принципах сотрудничества между большими и малыми государствами в послевоенное время, чтобы предупредить возможные отрицательные последствия нарушений общепризнанных демократических принципов в этой области. Конференция кроме того хорошего, что она сделала и о чём я говорил вначале, дала немало примеров того, как нельзя осуществлять сотрудничество больших и малых государств, если мы действительно воодушевлены духом демократического сотрудничества между народами.

В этой связи я хочу остановиться на вопросе о Финляндии и на политике великих держав в отношении к малым странам.

Политика Советского Союза в отношении Финляндии ясна. Она определяется демократическими принципами, на которых основано отношение СССР к малым странам. Советский Союз всегда стре-

мился к установлению дружественных отношений со своим малым соседом — Финляндией. Этого не удалось добиться до войны, поскольку в Финляндии господствовала клика реакционеров, включая реакционных социалистов типа Таннера, ныне осуждённых финляндским судом вместе с другими военными преступниками. Эта клика вовлекла Финляндию в союз с гитлеровской Германией и в войну против СССР, где Финляндия выполняла позорную роль в осаде славного советского Ленинграда. Однако, несмотря на это, когда Советская Армия разгромила осаждавшие Ленинград войска немцев и финнов и победоносно двинулась на север от Ленинграда, Советский Союз согласился на великодушные условия перемирия и по своей собственной инициативе отказался от ввода советских войск на территорию Финляндии. Этим были сильно облегчены условия перемирия для Финляндии, которая в отличие от всех других сателлитов Германии была освобождена от больших расходов на содержание оккупационных войск. После окончания войны Финляндия свободно избрала свой демократический путь развития и с тех пор идёт своей собственной дорогой, осуществляя политику добрососедских отношений с СССР. При этом Советский Союз, как и в других случаях, никогда не вмешивался во внутренние дела Финляндии и не оказывал давления на эти дела, но когда Финляндия обращалась к СССР, то он оказывал ей необходимую практическую помощь и возможное облегчение в выполнении условий перемирия. В свою очередь Финляндия честно выполняла репарационные и другие обязательства перед СССР. В проекте мирного договора с Финляндией предусмотрены только те совершенно необходимые обязательства, которые уже раньше входили в условия перемирия и великодушия которых не может отрицать ни один объективный человек. Разумеется, отступление от этих минимальных условий не может быть допущено.

Что касается политики других великих государств по отношению к Финляндии, то здесь дело обстоит несколько иначе. Сегодняшняя речь сенатора Ванденберга подтверждает это, производя весьма невыгодное впечатление с точки зрения последовательности и искренности высказанных взглядов. Американский делегат стал в позу доброжелателя Финляндии и выступил с заявлением, которое означает не больше, не меньше, как срыв условий перемирия, подписанных, с одной стороны, Финляндией, а с другой — Советским Союзом и Великобританией. Два года назад были подписаны эти условия перемирия, и ни разу за это время Соединённые Штаты не заявляли о своём несогласии с этими условиями. Только сегодня г-н Ванденберг, показывая род особого мужества, выступил от имени Соединённых Штатов Америки против основных условий перемирия с Финляндией. Американский делегат ринулся здесь в политику открытого заигрывания с малой страной, делая вид, что это заигрывание является заботой об интересах Финляндии. Но такие методы в отношении малых стран давно известны и не могут быть новостью ни для кого из нас.

Интересно, что ещё несколько раньше английская делегация также проявила специфическое внимание к Финляндии. Только в

отношении Финляндии Англия согласилась на предложение Советского Союза не забирать и не ликвидировать заграничные активы этой страны, хотя как Англия, так и Соединённые Штаты требуют забрать и ликвидировать заграничные активы и Венгрии, и Болгарии, и Румынии, несмотря на все возражения и просьбы советской делегации отказаться от этих чрезмерных требований к малым странам.

Таким образом, в отношении одних малых государств Соединённые Штаты и Англия заняли одну линию, а в отношении Финляндии — другую, причём попытки своеобразного доброжелательства в отношении Финляндии делаются таким образом, что это ведёт к противопоставлению Финляндии её соседу — Советскому Союзу. Нам и раньше приходилось иметь дело с такими методами во внешней политике некоторых государств. В довоенное время мы были свидетелями многочисленных фактов такого рода, особенно в отношении малых стран, являющихся соседями Советского Союза.

Известно, к чему привело заигрывание великих держав с реакционными кругами Финляндии. Финские реакционеры вообразили тогда, что им всё позволено. Кончилось это тем, что Финляндия заключила союз с Гитлером и бросилась в военную авантюру против Советского Союза. Сделавшись игрушкой в руках германского фашизма, Финляндия принесла огромные жертвы в двух последних войнах против СССР.

Кое-кому из реакционеров нравится такая политическая игра с малыми странами, особенно если это удовлетворяет их желанию нанести тот или иной ущерб Советскому Союзу. Но, мы думаем, финны испили горькую чашу и уже научились отличать истинных друзей от плохих советчиков, преследующих свои особые узкие цели. Одно ясно: настоящее сотрудничество между большими и малыми странами может покоиться только на честной демократической основе. Игра в дружбу теперь не должна иметь успеха среди народов, прошедших через тяжёлые испытания. Но, с другой стороны, не может быть сомнения в том, что настоящая дружба между народами — великая сила нашего времени.

IV

ПРИНЦИПИАЛЬНАЯ ОСНОВА СОТРУДНИЧЕСТВА

В настоящее время идёт наступление на основные принципы сотрудничества больших и малых государств, записанные в уставе организации Объединённых наций. Это наступление идёт под флагом борьбы против так называемого «права вето» великих держав в Совете безопасности, а на деле в этом выражается давление реакционных кругов некоторых великих держав, которые возомнили себя господами всего мира, стремятся диктовать свою волю всем народам и, желая убрать с этого пути всякие препятствия, хотят ликвидировать установленные организацией Объединённых наций принципы сотрудничества народов.

Как это хотят достичь, теперь становится всё более ясным.

Недавно Австралия и Куба внесли в повестку Генеральной ассамблеи Объединённых наций предложения, направленные на раз-

рушение фундамента, на котором стоит организация Объединённых наций. Они, видите ли, проявляют особую заинтересованность в том, чтобы был ликвидирован принцип единогласия пяти великих держав в решении основных вопросов мира и безопасности народов, как этого требует устав организации Объединённых наций. Ясно, что дело тут не в Австралии и не в Кубе, которые в таких вопросах самостоятельно делать ничего не могут. Атаку на принцип единства действий великих держав начал теперь и г-н Спаак, забывший о том, что это особенно неподходящее дело для председателя Генеральной ассамблеи, который должен был бы отстаивать, а не разрушать устав организации Объединённых наций. Мы знаем, что приспособиться к реакционным кругам для некоторых политических деятелей не так уж трудно. Но если иметь в виду, что будущее не за этими силами, то нельзя сомневаться, что принципы демократического сотрудничества народов, объединяющие большие и малые страны в интересах всеобщего мира и безопасности,— что эти принципы восторжествуют над всеми и всякими происками реакционеров.

Советский Союз верен своей программе борьбы за прочный мир и безопасность, защищая принципы честного сотрудничества между народами. Вы слышали, как недавно прозвучал на весь мир спокойный и твёрдый голос великого Сталина. Глава Советского правительства И. В. Сталин сказал, что он безусловно верит в возможность дружественного и длительного сотрудничества Советского Союза и западных демократий, несмотря на существование идеологических разногласий, а также верит в «дружественное соревнование» между двумя системами.

Такова генеральная линия внешней политики Советского Союза. Эта политика не нова. Ещё 6 ноября 1944 г., когда союзники вели тяжёлую борьбу с гитлеровской Германией и империалистической Японией, великий вождь Страны Советов И. В. Сталин говорил о создании организации Объединённых наций:

«Можно ли рассчитывать на то, что действия этой международной организации будут достаточно эффективными? Они будут эффективными, если великие державы, вынесшие на своих плечах главную тяжесть войны против гитлеровской Германии, будут действовать и впредь в духе единодушия и согласия. Они не будут эффективными, если будет нарушено это необходимое условие».

Тогда эти заявления казались всем нам совершенно бесспорными. Ни в одной демократической стране не было высказано каких-либо возражений против этого заявления главы Советского правительства. Но прошла война. Советская Армия сделала своё всемирно-историческое дело. Появились новые настроения. Теперь пытаются повернуть дело в другую сторону. Даже Мирную конференцию стремятся иногда использовать в интересах определённой господствующей группировки, и даже организацию Объединённых наций хотят, видимо, приспособить к таким целям. Мы — не помощники в этом деле. Советский Союз будет противодействовать всяким попыткам свернуть организацию Объединённых наций с её главной дороги, с её путей налаживания сотрудничества между миролюбивыми странами в соответствии с целями всеобщей безопасности народов.

Советский Союз стоит за сотрудничество между всеми народами, за сотрудничество между большими и малыми державами на основе принципов равноправия и признания законных интересов больших и малых государств. Таковы принципы демократического сотрудничества между народами, защите которых мы будем верны до конца. И мы знаем, что это — единственно правильная политика. (*Аплодисменты.*)

«Известия» № 244 (9160)

от 16 октября 1946 г.; см. также

В. М. Молотов, Вопросы внешней политики,
стр. 224—238.

**ВЫСТУПЛЕНИЕ К. В. КИСЕЛЁВА
НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ
ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ПРИ ОБСУЖДЕНИИ ПРОЕКТА
МИРНОГО ДОГОВОРА С ФИНЛЯДИЕЙ**

(14 октября)

Киселёв напомнил конференции, что свою самостоятельность, независимость и свободу Финляндия получила из рук Советского государства. Советский Союз ничего не желал от Финляндии, кроме дружественных и добрососедских отношений. Однако финские правящие круги стали на путь антисоветских провокаций и в 1939 году втянули Финляндию в войну против СССР. Как известно, эта война закончилась поражением Финляндии. Но опыт 1939—1940 годов ничему не научил правящие круги Финляндии. Когда Гитлер и его клика организовали вероломное нападение на Советский Союз, Финляндия снова выступила против Советского Союза на стороне гитлеровской Германии. Финские войска вместе с немецкими войсками разрушали и грабили захваченные ими советские города и сёла, промышленные предприятия, колхозы, а также производили ограбление городского и сельского населения. Они нанесли Советскому Союзу огромный ущерб.

Однако, — сказал Киселёв, — при заключении перемирия с Финляндией Советский Союз проявил великодушие к финскому народу, не потребовав полного возмещения убытков и ограничившись суммой в 300 миллионов долларов. Эта сумма репараций, покрывающая только незначительную часть ущерба, причинённого финскими войсками Советскому Союзу, была подтверждена 22-й статьёй проекта мирного договора, разработанного Советом министров иностранных дел. Но в экономической комиссии для Балкан и Финляндии имели место попытки некоторых делегаций ревизовать и опрокинуть согласованное решение Совета министров. Так, например, делегация Соединённых Штатов Америки требовала уменьшить сумму

репараций с Финляндии на 100 миллионов долларов. Это «великодушные» проявляется делегатами США за счёт Советского Союза. В основе американского предложения лежат политические, а не экономические соображения. Некоторым кругам в США не нравится тот факт, что Советский Союз устанавливает дружественные отношения со своими соседями, и они стараются опорочить эти отношения и посеять семена раздора и недоверия.

В комиссии при голосовании 22-й статьи проекта мирного договора с Финляндией 9 делегаций высказались за эту статью и 4 против. В числе делегаций, голосовавших против, была и делегация Канады. В связи с этим Киселёв напомнил, что 8 октября 1944 года в Москве был подписан советским правительством и правительством Канады протокол на основе соглашения о перемирии с Финляндией. Согласно этому протоколу, советское правительство обязалось уплатить Канаде 20 миллионов долларов за никелевые рудники, которые не стоят и половины этой цифры. Советское правительство добросовестно выполняет свои обязательства, выплатив уже 6,6 миллиона долларов. Если канадская делегация голосует теперь за снижение репараций на 100 миллионов долларов, то, естественно, будет логичным поставить вопрос об уменьшении суммы, выплачиваемой Советским Союзом Канаде за никелевые рудники, поскольку имеется тесная взаимосвязь между репарациями с Финляндии и платежами Канаде.

В заключение Киселёв заявил, что белорусская делегация предлагает утвердить 22-ю статью проекта мирного договора с Финляндией в том виде, как она была предложена Советом министров

«Известия» № 243 (9159)
от 15 октября 1946 г.

РЕЧЬ В. М. МОЛОТОВА НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ЗАСЕДАНИИ ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

(15 октября)

Господин председатель, господа делегаты!

Советская делегация с большим удовольствием поддерживает только что оглашённые резолюции с благодарностью г-ну Бидо и правительству Франции за исключительное гостеприимство и с признательностью генеральному секретарю и всем сотрудникам настоящей конференции, которые оказали нам огромную помощь во время происходившей здесь напряжённой работы. (*Аплодисменты.*) Советская делегация хотела бы только эту большую благодарность и искреннюю признательность высказать как можно более красноречиво и убедительно.

Мы выслушали речь, в которой говорилось о значении работ настоящей конференции. Каждый из нас не может не думать об этом в настоящий момент. И не только те, которые находятся здесь, размышляют сегодня о результатах работы настоящей конференции, но и те люди, которые находятся за пределами этих стен и которых гораздо-гораздо больше, чем нас, сидящих в этом зале. Они делают это потому, что помнят о пережитых тяжёлых годах войны, о преступлениях фашизма, о трудностях и испытаниях борьбы в эти последние годы, когда так выросло стремление народов к установлению после второй мировой войны действительно устойчивого, прочного мира и безопасности народов.

Советская делегация представляет здесь страну, которая внесла свой вклад в дело нашей общей победы. Мы знаем, что этот вклад СССР нашёл широчайшее признание среди всех союзных и объединённых народов как великое дело в достижении разгрома врага и в освобождении народов от фашизма, возникшего после первой мировой войны.

Теперь, когда союзники заняты делами установления мира и безопасности народов, Советский Союз, который мы здесь представляем, считает своей обязанностью продолжать борьбу за те цели, за которые мы сражались во время войны. Мы уверены, что борьба, которую мы ведем за демократический мир, что эта борьба отвечает самым важным интересам народов больших и малых стран, отвечает кровным интересам всех миролюбивых народов. *(Аплодисменты.)*

Мы ведем эту борьбу, хотя иным это и не нравится в некоторых случаях, во имя демократического мира, во имя обеспечения безопасности народов не на словах, а на деле. Мы, советские люди, преданны этому великому делу и будем вести эту борьбу со всей настойчивостью и энергией, на какую только мы способны, руководствуясь чувством долга перед своим народом. *(Аплодисменты.)*

«Известия» № 244 (9160)

от 16 октября 1946 г.; см. также

В. М. Молотов, Вопросы внешней политики,

стр. 239—240.